

**Российская Академия Наук
Институт философии**

И.Ф.Худушина

ЦАРЬ. БОГ. РОССИЯ.

**Самосознание русского дворянства
(конец XVIII - первая треть XIX вв.)**

**Москва
1995**

ББК 87.3
Х-98

Ответственный редактор
доктор философских наук В.Ф.Пустарнаков

Рецензенты:
доктора философских наук:
М.А.Маслин, В.М.Межуев

Х-98

ХУДУШИНА И.Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII - первая треть XIX вв.). - М., 1995. - 232 с.

В монографии рассмотрены проблемы сознания русского общества, еще во многом традиционного, но оказавшегося перед необходимостью освоения гуманистической культуры, осложненной либерально-просветительскими идеями. Подняты проблемы богоданности царской власти, формирования буржуазного правосознания и религиозного сознания русского общества. Сквозной является тема оппозиционности русской аристократии.

ISBN 5-201-01858-0

© И.Ф.Худушина, 1995
© ИФРАН, 1995

Золотой век России

"Поверьте, что тут действительно все, что у нас было доселе красивого. По крайней мере тут все, что было у нас хотя сколько-нибудь законченного. Я не потому говорю, что так уже безусловно согласен с правильностью и правдивостью красоты этой; но тут, например, уже были законченные формы чести и долга, чего, кроме дворянства, нигде на Руси не только нет законченного, но даже нигде и не начато".

Ф.М.Достоевский

В современном обществе существует некая ностальгия по золотому веку России, мыслимому по-разному, но где сквозь грезы неизменными чертами проступают красота, доблесть и честь. Вопреки очевидному, не ранят прихоть деспота и вздох раба, а из прекрасной дали проступают царственные силуэты поэзии, дружбы и любви. Конечно же, это пушкинская пора, Россия его времени.

Пушкинская эпоха немыслима без "хваленой дедовских времен", беспечного века екатерининских вельмож, без загадочного императора Александра Первого и юного братства царскосельских лицестов, без войны 1812 года, без вольного вдохновения арзамасцев, без, наконец, невольников чести, декабристов, своим восхождением на эшафот прервавших безмятежную молодость России... Детали проступают все яснее, и тогда все очевиднее становятся язвы, терзавшие общество, народ, государство. По мере прояснения реальных подробностей, как тогда говорили "порядка вещей", все более туманятся очертания милой мечты, грезы о золотом веке России, уступая место картине российской действительности, пристальное изучение которой невольно рождает сомнение: да полно, была ли золотая пора России, не

извечная ли это мечта усталой русской души, подобная мечте о граде Китеже, о том, что было, было время, когда человек был счастлив не только надеждой, но и благословенной наполненностью бытия.

Сегодня, исцеляясь от расслабленности, мы, как никогда прежде, ищем опору в нашей истории и с магическим словом "Россия" связываем свое будущее. Как известно, истина не передается, и "мысль не дело, - говорил Н.М.Карамзин, - а дело будет не по нашим мыслям, а по уставу судьбы". Пусть так. И все же лишь история если не утешит, то объяснит, а может быть, и подскажет.

Всматриваясь в страницы не столь отдаленной нашей истории, мы все более убеждались в обоснованности соотнесения первых тридцати лет XIX в. с золотым веком русской истории. Полагая, что совершенство русской Музы является верным, но не абсолютным тому подтверждением, мы исходили из иных, более прагматических наблюдений.

Это была эпоха проснувшегося, молодого, сильного общества, начинавшего осознавать себя - свою историю, свою силу и свою слабость. Краткий миг в понимании путей преобразования мыслящее общество было едино с царем, вернее, император Александр Павлович был согласен со своими будущими оппонентами. Это редкое единодушие в союзе с жаждавшей деятельности, горевшей высокими идеалами служения отечеству первой русской интеллигенцией, окружавшей императора, безусловно, могло коренным образом изменить будущее России, будь... О, если бы речь шла лишь об одном нереализованном условии - о нерешительности молодого императора, или отсутствии третьего сословия, или пассивности народа. Причины фатального неуспеха тысячи, вернее, всего одна - это Россия, которая если и движется к некому общепринятому образцу совершенной цивилизации, то сугубо иррационально, с рациональной точки

зрения. Однако и иррационализм имеет свои парадоксальные законы.

В прямом луче пристального научного интереса, казалось бы, на все можно дать ответ, но сколь бы он ни приближал нас к истине, мы будем все так же далеки от последнего Слова, ибо есть, есть нечто необъяснимое, заповедное в нашей истории, в самом нашем бытии. Оно наполнено неспадающим духовным напряжением, оно удивительно терпением народа и поражает неверностью его счастливой звезды. В те моменты, когда обществу уставало и уже совсем теряло надежду, что-то говорило: такова воля Провидения. Было и так, что кроме веры в Провидение не оставалось у русского человека ничего. На исходе пушкинской поры мы слышали этот смиренный и безнадежный вздох уходящего царственного поколения.

Пока же, в начале XIX в., общество не лишилось своих надежд на обновление. Напротив, это было ликующее время всеобщей веры в скорое благоденствие отечества. Благотворный эффект осмысленности, предначертанности бытия освящал особой метой жизнь каждого. Политический романтизм, гражданский пафос тех лет создавал атмосферу сопричастности в клятвенном служении России. Как ни просто это оспорить, но осмелимся сказать - то был расцвет самодержавно-дворянской России.

Однако не ради апологии самодержавия или идеализации русского дворянства мы затевали этот труд, хотя в дни смуты естественно желание отыскать в истории то золотое время, когда противоречия между людьми не переросли еще в ненависть, когда помыслы и правительства, и общества объединяло стремление к совершенствованию государства. - Утопия?

Да, в самом ближайшем рассмотрении, на расстоянии вытянутой руки, любое время видится взрывоопасным сдвигением противоречий. Но отстраненное видение все-таки позволяет указать на главное - ста-

бильность. Именно в периоды стабильности русское государство ощутимо продвигалось в своем развитии, как это было в царствование Екатерины II, Александра I и в начале царствования Николая I. Это к ним относилось известное пушкинское: "Правительство все еще единственный европеец в России".

Если русло истории прокладывают два энергетических потока - власть и общество, - то, очевидно, более сильная сторона и будет определять характер и направление течения. В России вплоть до середины XIX в. наиболее зрелой и организованной политической силой было правительство, то самое вознесенное и проклятое самодержавие.

Лидирующая роль правительства - это не просто сила власти, опирающаяся на силу армии и аппарата. Политическое лидерство - это прежде всего способность разглядеть потребности развития государства и общества и своевременно на них отреагировать. Это умная власть, это власть, предупреждающая взрыв противоречий. Это сознательный учет и использование всех сильных и слабых сторон, особенностей психологии каждого сословия.

Практически до конца XIX в. общество не могло противопоставить верховной власти столь же организованной силы, хотя со временем соотношение "массы энергии" в потоке русской истории менялось. Власти все труднее становилось реагировать на запросы усложнявшейся жизни, а общество начинало все более трезво смотреть на венценосного Господина.

Это не значит, что до середины XIX в. самодержавие не знало серьезной оппозиции. Напротив, именно со второй половины XVIII в. начинают формироваться собственно оппозиционные тенденции, в первую очередь в кругах высшего родового и сановного дворянства.

Слабость оппозиции, неисчерпаемый кредит доверия правительству со стороны народа - все это свидетельствовало о том, что самодержавие было в силе, что

русское государство, какие бы проблемы его ни волновали, все же находилось в состоянии стабильности, что, в свою очередь, было залогом расцвета в духовном развитии русского общества.

Расцвет дворянского периода означает гуманизацию культуры и общественных отношений, повышение "цены человека". Набиравший силу с начала XVIII в., этот процесс определил потрясающую творческую активность русского общества, концентрируя интеллектуальную энергию будущего развития России, торжество "чести, ума, добродетели".

На закате золотого века в печальном осмыслении рокового крушения мечты было создано немало прекрасного и вечного в красоте своей и мудрости. Золотой век уходил, не оставляя наследников, шедший на смену безжалостно ломал и убивал души былых счастливых, обитателей Парнаса. Не передал золотой век свои убеждения и идеалы, вернее, поколение интеллигенции, вышедшее на авансцену истории где-то в конце 30-х гг., пренебрегло всем наработанным и выстраданным русской историей и культурой за первые тридцать лет XIX в. Именно в "отсутствии между поколениями умственной и нравственной преемственности" (К.Д.Кавелин), хотя оно и было не случайно, даже закономерно, нам видится одна из роковых причин бесконечного российского блуждания в череде ошибок.

Итак, предмет книги - Россия периода стабильности, который парадоксальным образом совпал с переходной эпохой. И этот парадокс нас будет интересовать в первую очередь.

Русское общество конца XVIII первой трети XIX вв. стабильно в своих самодержавно-государственных формах. Это еще в большей степени традиционное добуржуазное общество, не вышедшее из рамок религиозного мировоззрения. Но стабильность и традиционность российского бытия сочетались с переходными процессами в сфере общественного сознания. Они были если не

спровоцированы, то, безусловно, стимулированы интенсивным проникновением политических, идеологических и культурных реалий Западной Европы на русскую почву, которые пришлось на хорошо организованное, сильное самодержавие. Отчасти именно поэтому те идеи, которые на Западе существенно влияли на политические процессы, в России сосредоточивались в интеллектуальной сфере, определяя особенности формирования общественного сознания.

И первым здесь следует назвать процесс индивидуализации. То, чего практически не знала допетровская традиционная Русь, теперь составляло едва ли не главный показатель характера перемен в сознании русского просвещенного общества, перемен раннебуржуазных по сути. Конкретно это проявлялось в том, что наиболее актуальными и болезненными проблемами русского общества с конца XVIII в. стали права человека, с одной стороны, и религиозное самоопределение - с другой. Правда, речь шла еще о сословных правах, но уже при высказанной идее равенства всех перед законом, речь шла о поисках истинной веры и истинной церкви, но уже при прозвучавшей идее веротерпимости.

Часть первая

"Мудрено быть самодержавным"

Русская история не терпит однозначных оценок.

Россия своенравна и мудра, Россия самобытна и всечеловечна, Россия за что-то наказана Богом. За что? Тайна русского пути морочит умы и души уже скоро двести лет - это основная тема раздумий многих поколений и каждое дает свой ответ. Можно связать наши беды с безумной волей Петра I, можно обвинить в наших несчастьях своекорыстный Запад или, напротив, в православном настрое русской души увидеть прививку от цивилизации, но российская действительность все же не вписывается в жесткие схемы славянофилов или западников. Да, Россия самобытна, но идет она проторенными путями, и если они известны и закономерны, то ее государственность, ее вера и ее народ неповторимы и особенны. На них и остановимся.

Глава I. Вознесенное и проклятое

Та искомая особенность исторического лица России не всей, но большей мерой обязана специфике русской государственности. Можно проводить (и они правомерны) бесчисленные аналогии между типом государственности Западной Европы или восточных деспотий, но бесспорно также и то, что, имея с ними определенные сходства и различия, русская верховная власть по сути

своей была неповторима. Это не следует понимать так, что все своеобразие России сводится к ее самодержавному образу правления, который, в свою очередь, и составил единственную причину ее выпадения из общего цивилизационного пути.

Направление развития сознания русского общества, в XVIII в. вступившего в полосу кризиса религиозного мировоззрения и оказавшегося перед необходимостью освоения гуманистической культуры, не есть ли свидетельство того, что Россия двигалась отнюдь не окольными путями, но уже пройденными Европой, которая на рубеже XVI-XVII вв. переживала те же содержательные процессы. Но коль скоро пути эти пролегли в ином геополитическом, историко-культурном, этнорелигиозном пространстве, то они имели свои неповторимые особенности, которые и придали России "таинственную" печать своеобразия. В решительной степени эти особенности, повторим, связаны с существом русской государственности и, в частности, с конкретным воплощением ее в границах российской империи.

Институт российского самодержавия последовательно формировался в направлении концентрации всей власти у одного человека - наследственного великого князя, царя (с Ивана IV), императора (с Петра I). Этому процессу соответствовали меры по нейтрализации и в конечном счете искоренению любых проявлений, ограничивавших власть монарха. Такими органами, можно сказать - совещательными, призванными как-то регулировать верховную власть, являлись Боярская дума и Земский собор. В отличие от аналогичных сословных собраний в государствах Западной Европы они не имели ограничительных функций. К концу XVII в. значимость этих органов практически сошла на нет.

В то время как на Западе шла борьба за становление политических и гражданских правовых институтов, Россия по мере укрепления самодержавия отдалялась от правовой государственности. Ни Земский собор, ни

удельная аристократия не в силах были обуздать деспотический порыв власти.

Историческая непричастность России к правовой государственности не означала того, что эта проблема просто снималась. Напротив, ее нерешение усугубляло социальные противоречия, деформировало естественный ход исторического развития, ибо в пренебрежении мнением оппонентов институт самодержавия, как и любая власть, терял способность к развитию, коснел. Правда, еще очень долго, вплоть до середины XIX в., власть в России осознавала свои интересы прежде, чем о своих спохватывалось общество.

Российское самодержавие не помещается в рамках упрощенно-классовой трактовки его как однозначно и вне временно реакционной силы, еще менее оно может претендовать на роль исключительной панацеи. Самодержавие в России - это не только царь-помазанник, не только верховная власть и правительство, проводившее определенную политику, - это прежде всего еще и *самодержавная идея* как сущностное выражение царственного священного бытия и как некая абсолютная данность, имманентная русскому сознанию, вне которой общество себя не мыслило, очевидно, вплоть до середины 30-х гг. XIX в. (если не более), но именно с этих пор в мучительном напряжении начиная ее преодолевать.

Набирая зрелость в Словах, Поучениях и Завещаниях первых русских князей, в эпоху Московского государства самодержавная идея обосновывалась просвещенной мудростью русских святителей, великокняжеских духовников, митрополитов¹. Последняя существен-

---

¹ Здесь интересно мнение Е.Н.Бутузкиной о том, что уже с XV в. московские государи осознавали богоустановленность своей власти и для ее обоснования использовали религиозно-политические теории, главным образом, византийского происхождения. См.: *Бутузкина Е.Н.* Идейные истоки и генезис учения о власти

ная правка о божественной природе русского царя принадлежала руке сподвижника и идеолога Петра Великого Феофану Прокоповичу. Затем самодержавная идея формулировалась всякий раз при очередных восшествиях на престол, многословно и торжественно, но смысл ее оставался прежним - он выражал (не всегда, может быть, искреннюю) уверенность монарха в своем священном предназначении служить благу российской империи и ее верноподданному народу.

Понимание царя как Отца русского народа и помазанника Божьего основывалось на вековой церковной традиции, согласно которой светский глава православного государства наделялся прерогативами власти священной. Так он воспринимал себя сам, так его воспринимал народ. Двойное обоснование самодержавия предполагало не только особый эффект верховной власти в России, но и особую ответственность ее перед народом, которую русские монархи хорошо осознавали. Царь, принимая власть от Бога, не только тем самым как бы получал санкцию на ее безмерность, не только выступал выражением воли Господней, но и брал христианские обязательства перед вверенным ему народом, ибо с этих пор он был обременен еще и долгом отеческой заботы о православных перед Богом. Даже когда российские императоры приняли светский стиль и сменили царское платье на костюм военного образца, и тогда идея священности власти определяла существо самодержавия.

В то же время проблема в определенной степени деликатна, во всяком случае неоднозначна. Вряд ли Екатерина I, Анна Иоанновна, даже Екатерина II или тем более Петр III, волею случая вознесенные на престол, искренне осознавали священность своей власти, хотя не исключено, что сам обряд помазанничества на царство, соборное торжество коронации способствовали преодо-

лению возможного "комплекса священства власти". В XVIII в. вопрос о престолонаследии всякий раз решался весьма своеобразно и тем не менее это не только не скомпрометировало институт наследственной власти в России, но и не потревожило традиционное восприятие власти как богоизбранной. Уже применительно к Николаю I (то есть с тех пор как порядок престолонаследия упорядочился) искренность русских императоров в священном смысле власти не вызывает сомнения.

Самодержавная идея видоизменялась, так как не могло не сказаться стремление придать цивилизованный вид российской государственности, но все же и XIX век не освободился от видения царя как заместителя Божия. Наиболее существенное, главным образом, парализующее влияние имела эта идея на народ.

В сознании грядущего помазанничества воспитывались наследники русского престола. Возможно, не богословские хитрости и не уроки светской политики, но именно уединенные беседы царя с наследником формировали из века в век какую-то иррациональную идею русского царства. Она плохо выражима, еще менее явлена, но ее судьбоносное значение для истории России безусловно. Наиболее полно оно отмечено в консервативной, в том числе и славянофильской, традиции. Выразители ее правы там, где пытались выявить для многих уже скрытую сущность российского самодержавия, объяснить ее объективную роль в истории, но там, где они пытались идеализировать ее, - это не могло не вызывать по крайней мере скепсиса. Наиболее известный пример - попытка Н.В.Гоголя в середине 40-х гг. заговорить слогом Иосифа Волоцкого: "Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое - быть образом того на земле, который сам есть любовь". Поэты, которым только и дано, по мнению Гоголя, прозреть высшее значение монарха, раскроют

всем, "почему государь есть образ Божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша"².

В тоске по идиллическому единодушию царя и народа Гоголь тем не менее был прав, обозначая непреодолимую веру народа в Царя, несущего свыше данные ему качества-обязательства справедливого судьи - защитника народа. Но как ни хороша была идиллия, она, злоупотребляя верой, извечным русским терпением, уходила от решения проблемы. В завещании Гоголя отвергались право, законы, налагающие границы власти монарха, провозглашалось незыблемым в веках "кровное родство" народа с царем. Стояли 40-е годы XIX в., на престоле сидел вовсе не Владимир Красное Солнышко - оставалось родниться с Николаем I. Немудрено, что практически все просвещенное общество не приняло "Избранные места из переписки с друзьями" Гоголя, а народу они так и остались неизвестны.

Дело не только в том, что такой взгляд на самодержавие, чем далее, тем менее извинительный, выводил от цивилизованного гражданского общества - за искренней, былинной красотой утопии стояли удушливые будни деспотизма. Претворение *такой* самодержавной идеи в 40-е гг. XIX в. могло означать лишь ее профанацию. В условиях любого гнета общество развивается. Начало кризиса там, где верховная власть перестает с этим считаться, где самодержавная идея служения народу незаметно подменяется "деспотическим инстинктом" (Н.Бердяев).

Однако предъявляя самодержавию претензии подобного рода, мы повторяем презрительную мину Западной Европы. Ушедшая далеко вперед в политико-правовом развитии, она имела основания не терпеть пребывавшую в покорном рабстве Россию. Нам же, даже меряя "аршином общим", непозволительно оценивать николаевскую Россию с позиций постреволюционной Ев-

---

² См.: Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1978. Т. 6. С. 222-223.

роны. Русское общество еще не преодолело монархических иллюзий и такому состоянию общества не противоречила цезарепапистская установка верховной власти. "Я твердо убежден, - говорил император Николай I, - в божественном покровительстве, которое проявляется на мне слишком ощутительным образом". По мнению Бисмарка, император Николай руководствовался в своих действиях убеждением, что, "по воле Божией, он призван быть вождем монархического движения против надвигающейся с Запада революции"³.

Если пример "консерватора-реакционера" Николая I может показаться неубедительным, то добавим, что в категориях Провидения мыслил себя и царствующий либерал Александр I, стремившийся к созданию идеальной, теологически-патриархальной монархии⁴. В то время в такой самооценке не было никакой натяжки или самообмана - она соответствовала общественному пониманию власти. Богоизбранность русского царя была еще практически неоспорима и, как правило, необсуждаема. Это одна из наиболее устойчивых и весьма характерных установок общественного сознания. Если даже с 30-ми гг. XIX в. мы связываем начало процесса освобождения личности от безусловного авторитета власти, то и в этом случае мы признаем полную обоснованность слов императора Александра II, сказанных Бисмарку в ноябре 1861 г.: "Во всей стране народ видит в монархе посланника Бога, отеческого и всевластного господина. Это чувство, которое имеет силу почти религиозного чувства, неотделимо от личной зависимости, от меня. Чувство власти, которое дает мне корона, если им поступиться, образует брешь в нимбе, которым владеет нация".

Но не только особая, сакральная сущность верховной власти в России хранила ее авторитет. Божествен-

---

³ См.: Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1903. Т. 1. С. 314-315.

⁴ См.: Там же. Спб., 1897. Т. 3. С. 360.

ный ответ, безусловно, придавал власти немалую уверенность и, может быть, именно благодаря ей русские цари до поры не впадали в самообман, принимая интересы династии за интересы народа. Великие императоры России, создавшие великую страну, если и отождествляли государственные и династические интересы, то не в ущерб первым.

Такое время было и, что особенно важно, именно так оно оценивалось современниками. Суть этого понимания выражена в черновике известного письма (так и неотправленного) Пушкина П.Я.Чаадаеву: "Надо было прибавить не в качестве уступки, но как правду, что правительство все еще единственный европеец в России. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто раз хуже"⁵.

Сказанные в октябре 1836 г., эти слова итожили тот период русской истории, когда от верховной власти зависело решение проблем Российской империи - до сих пор именно она представляла единственную в России политическую силу, способную реально оценивать и регулировать ситуацию. То, что именно самодержавие всецело решает судьбы страны, общество отчетливо осознано вскоре после восстания декабристов.

Делая первые выводы после происшедшей катастрофы, Пушкин вынужден был признать "необъятную силу правительства, основанную на силе вещей"⁶. Но не к тем же ли выводам задолго до декабря, не заблуждаясь, пришли П.А.Вяземский, Н.М.Карамзин, М.Орлов, Г.С.Батеньков, Д.Давыдов, Н.С.Мордвинов и многие другие, мыслившие либерально и часто последовательнее, чем многие из декабристов. Признав однажды "силу вещей", они сочли за долг на своем месте быть полезными отечеству, ежедневно "увеличивая блаженство общества". Они предполагали, что хорошо хотя бы "срезать

---

⁵ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т. 10. С. 335.

⁶ Там же. М., 1976. Т. 7. С. 107.

дурные ветки", по образному замечанию Д. Давыдова, тогда как другие считали, что "исторгнуть должно корень зла". Последние пытались пренебречь "силой вещей", вернее, лишь вознамерились, но очень быстро поняли, что она еще далеко не изжила себя.

"Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых, у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения"⁷. Эти слова Пушкина, сказанные в заметках "Путешествие из Москвы в Петербург", полных полемики с Радищевым, на первый взгляд, могут показаться весьма неожиданными, учитывая известное положение о мертвящем дыхании самодержавного режима, покрывавшего лапою надзора любой росток независимого творческого проявления личности. Это действительно было так, что недвусмысленно отражено и запечатлено в общественном мнении прошлого века, на этом, как правило, зиждился справедливый приговор самодержавию. Однако Пушкин отметил характерную особенность внутренней политики Романовых: именно они были инициаторами перенесения в Россию достижений западной цивилизации, именно они дали дополнительный импульс гуманитарному развитию личности в России.

По мнению авторов известной книги "Революционная традиция в России", правительство осознанно насаждало технико-организационные формы буржуазного хозяйства и в то же время ограничивало "осовременивание" общественно-политической жизни⁸. Соглашаясь с признанием осознанной воли правительства, мы бы не стали настаивать на однозначности его выбора, хотя бы потому, что в периоды стабильности государства правительство осознанно шло и на приобретение социально-политических достижений Запада. Так, Екатерина II пыталась стимулировать рост третьего со-

---

⁷ Пушкин А.С. Указ. изд. М., 1976. Т. 6. С. 334.

⁸ См.: Паткин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 28.

словия, позволяла себе критику деспотизма и крепостнических отношений, близкую в оценках радищевской. Александр I готовил буржуазные реформы, ввел конституции в Польше и Финляндии, вводил политику веротерпимости. Причем именно благодаря этим стабильным периодам уравновешенной политики государства, Россия ощутимо продвигалась в своем развитии.

Признавая за самодержавием превосходящую (до определенного времени) силу, мы не можем обойти тут же возникающего противоречия: эта же "умная" власть имела слабость делать неверный шаг в критические моменты. Как правило, при угрозе слева направление действий правительства коррелировал не здравый смысл, но слепой инстинкт самосохранения. Екатерина II, мудрая и уверенная в себе императрица, с развитием Французской революции первая замыкает уста критически мыслящего общества, наивно полагая тем самым укротить и мысль. Александр I, опасаясь заговора аристократов и повторения судьбы отца, отдаляет от себя либералов-преобразователей, а революции 1820-х гг. в Европе заставляют его принципиально изменить политику. "Синдром декабря" определил всю деятельность Николая I. Подобная реакция повторялась в каждое царствование, что означало только одно - самодержавие постепенно теряло способность ориентироваться в усложнявшихся социально-политических коллизиях общества и адекватно на них реагировать. А это значит, в свою очередь, что самодержавие как самодостаточная система изживала самое себя.

Признаки явного кризиса проступят лишь во второй половине XIX в., до 40-х гг. самодержавие, безусловно, сильная и развивающаяся система. Дальнейшее сохранение монархии требовало уже нетрадиционных решений, противных сути самодержавия - необходимо было идти на хотя бы минимальное разделение своей власти с обществом. Добровольный отказ от принципа абсолютной власти никогда не был в чести царствовав-

ших династий, тем более Романовых. Умозрительно они давно признавали необходимость такого шага, но политику проводили совершенно иную.

Правительство действовало так, чтобы если не парализовать, то замедлить формирование гражданского сознания общества. Обернулось все нарушением естественного развития. Как в сказке о Царе Салтане, замурованный в бочке царевич вышиб дно, оказался на воле и проучил неразумных теток, так обделенное качеством политической уравновешенности общество, слишком поздно освободившись от опеки наставника, оказалось бессильно перед разрушающей стихией. Однако возмездие придет позже, пока оно и не грезилося. В течение XVIII - первой половины XIX вв. правительство, успешно разделяя и властвуя, было неуязвимо.

Именно в очевидной продуманности социальной политики правительства и в последовательной приверженности ей, нам видится один из показателей его превосходящей силы перед формировавшимися тогда в обществе социально-политическими тенденциями.

Из всех сословий, составлявших российскую империю, самодержавие вынуждено было в первую очередь считаться с наиболее привилегированным, неподатным сословием - дворянством.

Самодержавие не могла не беспокоить определенная независимость дворянства, особенно высшего, родового, обусловленная неким социально-психологическим комплексом, который составляли и отголоски традиционного боярского сепаратизма, и законное высокомерие более знатных родов перед Романовыми, усиленные "аристокрацией богатства" и просвещенностью. Дворянство претендовало на роль политического противовеса

самодержавию и оно единственное имело определенные данные для этого.

Мятежный дух эпохи, сколько-нибудь серьезная оппозиционность власти сосредоточены были в дворянском сословии, причем в тех его кругах, которые в силу большей приближенности к власти, ко двору имели и большие возможности влияния на нее. Именно дворянская аристократия вынашивала планы политического обуздания самодержавия. Просвещенная, критически мыслящая часть высшего дворянства не могла не тяготиться политическим бесправием - следствием надзаконного характера верховной власти. С понимания дворянством своего политического бесправия начиналось самосознание русского общества. Этой проблеме будут посвящены следующие главы, пока же мы сосредоточим внимание на политике власти в отношении дворянства, ибо напряжение ума и воли самодержавия в рассматриваемый нами период в первую очередь было направлено на обуздание, нейтрализацию, подкуп дворянства. И в этом самодержавие преуспело: основная масса среднего, поместного дворянства полностью подчинялась как будто бы продворянской политике самодержавия, видя в нем гарант своего благополучия. Тем не менее до конца 30-х гг. XIX в. реальная оппозиционность самодержавию сосредотачивалась в слое высшего дворянства, вернее, в среде дворянской аристократии. Как таковая, дворянская оппозиционность играла определенную роль и в дальнейшем, но она уже была не единственной, растворяясь во внесловной (с годами все более) оппозиционности. Сознвая реальность оппозиционности дворянства, самодержавие постоянно не упускало из виду и способы его нейтрализации, пытаясь развести дворянство и его аристократию.

Слой среднего дворянства по крайней мере до первой трети XIX в. составлял безусловную поддержку самодержавия. Наше внимание в дальнейшем сосредоточится на дворянской аристократии, положение, инте-

рессы и наконец историческую роль которой мы не отождествляем с интересами и ролью всего дворянства. Напротив, мы их разводим, усматривая именно в аристократии вплоть до первой трети XIX в. реальную оппозицию самодержавию.

В принятом (европейском) смысле Россия не имела аристократии, ибо богатство, размер земельного владения в России не играли решающей роли. Однако аристократия в России все же была. В XVIII в. первыми в определении аристократичности фамилии выступали критерии родовитости, древности, а также обстоятельства происхождения рода. Отсюда рюриковичи, гедеминичи и т.д. Потому новая знать, фавориты, созданные прихотью случая в XVIII в., еще не принадлежали к аристократии. Однако именно они, "вельможи случая", щедро одаривались и занимали высокие государственные должности, образуя состоятельную сановную знать, ту, что Пушкин именовал "аристокрацией богатства". Знатность (в смысле занимемого чина) в первую очередь определяла положение боярина в XVII в. В XVIII в. чин, не давая еще права на аристократичность, определял степень влияния, знатности и принадлежность к высшей сановной бюрократии. К началу XIX в. содержание понятия "аристократия" как бы расширилось, включив в себя равно родовую и сановную знать. Однако еще долго в общественном мнении бытовало традиционное разделение московской аристократии и петербургской сановной знати.

Причина такого внимания власти к одному сословию заключалась в том, что "политическое бытие" самодержавия, как замечательно подметил еще П.А.Вяземский, основано было на дворянстве. Уже к началу 40-х гг. ситуация коренным образом изменится - политику Романовых по нейтрализации дворянства завершит Николай I разгромом его оппозиционности. Но до тех пор правительство воспринимало дворянство как угрозу политической стабильности самодержавия - по-

этому еще в XVIII в. дворянству было уделено пристальное внимание: Табель о рангах Петра I (1722), Манифест о вольности дворянства Петра III (1762) и Жалованная Грамота дворянству Екатерины II (1785).

Жалованной Грамотой Екатерина давала дворянству и горожанам право личной безопасности и частной собственности. Манифест о вольности дворянства был как бы подарком-уловкой правительства, ибо, освобождая дворянство от обязательного участия в государственной службе (оставляя право добровольного выбора), власть одновременно отдаляла от двора и возможного политического оппонента. Пушкин, понимавший истинный смысл предоставленных дворянству привилегий, писал в заметках "О русской истории XVIII века": "Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III о *вольности дворян*; указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться"⁹.

Пушкину был очевиден тот неясный, но истинный смысл заботы правительства о дворянстве: дворяне получили привилегии в результате неудачной борьбы аристократии с деспотизмом. Подробнее эти права-привилегии мы рассмотрим ниже, там, где речь пойдет о политико-правовом сознании общества. Сейчас же остановимся на существовании первого из названных указов, а именно Табели о рангах, которой, как заметил Пушкин, правительство "вот уже 140 лет сметает дворянство"¹⁰.

Еще Петром I с завидной дальновидностью были сделаны шаги, которые в результате и создали сугубо российскую ситуацию неуязвимости верховной власти, о чем Пушкин позже скажет: "Петр Великий укротил дворянство, опубликовав Табель о рангах, духовенство - отменив патриаршество"¹¹.

---

⁹ Пушкин А.С. Указ.изд. Т. 7. С. 162.

¹⁰ Там же. Т. 10. С. 335.

¹¹ Там же. С. 334.

Если устранение патриаршества (1721) имело существенное влияние на духовно-нравственное развитие общества, то появление Табели о рангах коренным образом изменило соотношение сил в давнем единоборстве верховной власти и аристократии, имело чрезвычайно важные социально-политические последствия. В конечном счете это, действительно было, по выражению Пушкина, "уничтожение дворянства чинами"¹² в том смысле, что Табель наносила едва ли не решающий удар по аристократической оппозиционности, лишала родовую аристократию исключительности ее положения тем, что открывала более широкий, не столь зависимый от игры случая доступ в дворянство выходцам из иных, непривилегированных сословий.

Военные, гражданские (статские) и придворные чины Табелью о рангах делились на 14 классов, при том, что уже самый низший чин четырнадцатого класса давал выходцам из иных сословий личное дворянство, а восьмой класс (для военных - четырнадцатый) - потомственное дворянство. Получение того или иного чина давало право на назначение на соответствующие должности. Так на должность министра мог надеяться только чин второго класса, а губернатора - четвертого.

Таким образом, Табель о рангах призвана была нейтрализовать родовое дворянство, так как благодаря вводимой системе помимо наследственной знати появилась "знать пожизненная", в которой Пушкин видел "средство окружить деспотизм преданными наемниками и подавить всякое сопротивление и всякую независимость". Он был убежден в том, что "наследственность высшей знати есть гарантия ее независимости - противоположное неизбежно является средством тирании или скорее трусливого и дряблого деспотизма", - писал он в "Заметках о русском дворянстве"¹³.

---

¹² Пушкин. С. Указ. изд. М., 1976. Т. 6. С. 311.

¹³ Там же. С. 312.

Совсем не случайно мы обращаемся к Пушкину в вопросе о русском дворянстве. Мало сказать, что он более чем кто-либо из его современников задумывался о судьбе дворянства. Мучительная проблема русского самосознания - интеллигенция и народ - тогда, в первое десятилетие после восстания декабристов, воплотилась в размышления об исторической роли дворянства в России и его долга перед народом. Именно эта тема, на наш взгляд, и составила основной нерв пушкинского творчества последнего десятилетия. Что, как ни попытка свети тогда несводимое, двигала автором "Дубровского", "Медного всадника", "Капитанской дочки"? В незаконченных произведениях и заметках Пушкина 30-х гг. находим свидетельства постоянных раздумий поэта над феноменом русской аристократии. Характерно и его замечание, что именно "аристокрация" ожидает русского историка¹⁴. Взгляд Пушкина на проблему русского дворянства является наиболее интересным, а может быть, и наиболее представительным из всего оставленного общественной рефлексией за первую треть XIX в. Во всяком случае, голос Пушкина лучшим образом отражает как направление поисков общественного сознания, так и те существенные выводы, к которым пришло общество на исходе дворянского периода русской истории.

Российская аристократия составляла тонкий слой высшего дворянства, из которого, как правило, формировалось ближайшее окружение императора, главным образом двор и в определенной степени высшее сановное чиновничество. Так, все члены Государственного Совета при Александре I были потомственные дворяне; более трети из них составляла титулованная аристократия, имевшая княжеские и графские титулы, а треть -

---

¹⁴ Пушкин А.С. Указ. изд. С. 283.

придворные. В целом, правящая бюрократия на 85% состояла из потомственного дворянства¹⁵.

Возникает справедливый вопрос: зачем же надо было нейтрализовывать родовое дворянство, если именно оно и составляло главную опору самодержавия?

Во-первых, с целью назидания. Ни один правитель не пренебрегал древней заповедью: разделяй и властвуй. Пример М.М.Сперанского, сына простого сельского священника, в течение ряда лет бывшего ближайшим доверенным лицом императора Александра I, не мог оставить никого спокойным, а ведь он был действительно человек выдающихся способностей. Не только в предлагаемых им реформах, но и в "низком" происхождении Сперанского нам видится причина длительной неприязни к нему Карамзина и резких слов Пушкина в его адрес. Что же говорить о реакции всего "благородного" общества, в мнении которого безродный попович осмелился выступить с инициативой радикальных реформ.

Во-вторых, магия "классного чина", как и было задумано, оказалась прекрасным дисциплинирующим фактором. Честь, долг, сознательность легко сметались бюрократической моралью, цинизм которой далеко не всем был явлен. Чин и должность как награда давались за усердную службу, что, дисциплинируя и подчиняя личность, также предполагало непременимыми условиями и долг, честь, сознательность. Петровский закон оказался весьма продуманной мерой хотя бы потому, что последовательно сокращал численность дворянской оппозиции. Правда, во второй половине XIX в. различиец стал проявлять некоторое равнодушие к чиновной карьере, явно освобождаясь от авторитета "классного чина". Возможно, что его усердие охладил и указ 1856 г., дававший личное дворянство только с 9-го класса, а по-

---

¹⁵ См.: *Миц оненко С.В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 37-55.

томственное - с четвертого (для военных - с 6-го); огромную роль сыграла и реформа 1861 г., отнявшая перспективу стать душевладельцем. Магия Чина уступала место магии Идеи.

В-третьих, самодержавие не могло не беспокоить, как говорится, по определению, любое проявление независимости. Возможно, выступая инициатором в укрощении дворянства, Петр еще не видел в нем "род третьего сословия", но сепаратизм древних родов был ему памятен. Во всяком случае, из истории он должен был хорошо знать, какая угроза от них исходит. Петр воспользовался приемом последних Рюриковичей, которые удельной знати противопоставили новое дворянство. Как заметил Пушкин, "меньшее дворянство уничтожило местничество и боярство, принимая сие слово не в смысле придворного чина, но в смысле аристократии"¹⁶.

Менялись династии, поднимались и дряхлели роды, но проблема оставалась: аристократия грозила самодержавию.

Отметим одну особенность, весьма примечательную. Как интенсивно XIX век размышлял о русском дворянстве, его исторической роли, так и XVIII век уделил не меньшее внимание проблеме среднего, или третьего, сословия. Именно так, а не наоборот. Этот парадокс отражает наиболее характерную черту в развитии общественного самосознания XVIII - первой трети XIX вв.

Русский XVIII век, неожиданно для себя окунувшись в реалии чужой культуры и политики, поначалу невинным образом пытался их попросту присвоить, по-

---

¹⁶ Пушкин А.С. Указ изд. Т. 6 С. 283.

тому так непринужденно и в правительстве, и в обществе обсуждались проблемы права, государства, свободы, среднего сословия. Таково было свойство века Просвещения, это входило в усвоенный образ мысли просвещенного общества, считалось до поры едва ли не хорошим тоном. Но то, что это было еще чужое, что достижения культуры и уровень политического сознания невозможно перенять в единоечасие, в XVIII в. еще не видели. Ведь ничтоже не сомневаясь, Екатерина II заявила в "Наказе": "Россия есть Европейская держава", так как в пору преобразований Петра российские "правы и климат сходились" с европейскими¹⁷. Соответственно в России должно быть и среднее сословие.

Общество XIX в. смотрело на эту проблему куда более резонно, хотя также мыслило себя не в меньшей мере европейским. В декабре 1825 г. окончательно разбились иллюзии соотечественников о безусловном сходстве с европейским "климатом". Средний люд брал Бастилию - на Сенатской площади оказались все сплошь дворяне - вот, очевидно, изначальный пункт размышлений.

Однако прежде чем выйти в ранг историософских раздумий, проблема среднего сословия в России весь XVIII век составляла предмет реальной социальной политики русских государей. Если восстание декабристов многое, наконец, проявило, облегчив выбор социальной политики Николая I, то монархам XVIII в. пришлось в значительной степени предугадывать тенденцию развития социальных отношений.

Начнем с того, что Петр I, справедливо соотнося успехи западной цивилизации с деловой активностью среднего сословия, решил учредить оное и в России, надеясь на то, что в нашем отечестве природная его предприимчивость принесет свои положительные результаты. Однако это вовсе не означало перехода к принци-

---

¹⁷ Наказ императрицы Екатерины Великой. 1767. Спб., 1907. С. 2.

пиально новой социальной политике, напротив, Петр устремленно шел к усилению и законному оформлению абсолютизма, что не исключало, но явно противоречило бы государственной политике либерализации социально-экономических отношений, подчеркнем, сверху. Петр просто преодолел сословные предрассудки в отношении к человеку, ценя в нем прежде всего его способности. Попавшие же в фавор счастливицы по заслугам получали чины и звания. Так потенциальное среднее сословие было укрощено дворянскими привилегиями и даже положило начало "новой аристокрации".

Наследники Петра дали ход начатой им инициативе пестования российского третьего сословия. Созданный при Елизавете Петровне Московский университет также исходил из сословной терпимости - в XVIII веке из его стен некоторое время выходила разночинная интеллигенция, пока Екатерина II не положила этому конец.

Свободное сословие в России связывалось с представителями свободных профессий, как бы мы сказали, с интеллигенцией, купечеством и с экономически свободным мелким производителем-предпринимателем. Это отражено в "Наказе" Екатерины. Статьи 380 и 381 главы XVI, названной "О среднем роде людей", гласили: "К сему роду причеть должно всех тех, кои не быв дворянином ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле, в ремеслах. А также выходцы из училищ и воспитательных домов"¹⁸. Высочайшее учреждение "свободного" сословия в условиях абсолютистско-крепостнической системы не могло дать и не давало ожидаемых результатов. Земля оставалась либо государственной, либо помещичьей собственностью, также как и промышленные предприятия, на которых использовался труд крепостных рабочих. Среднее сословие как будто бы и было, но в то же время (в

---

¹⁸ Наказ императрицы Екатерины Великой. С. 109.

европейском понимании) его и не было. Российское среднее сословие - это не слой экономически свободных людей, а работающие и служащие, содержащиеся в строгих рамках регламента и не имевшие пространства для проявления хозяйственной самостоятельности.

Государственный характер производства, отсутствие свободных экономических отношений в самодержавно-крепостническом государстве связывали руки любой инициативе, а те, кто имел определенную свободу деятельности, видели и ее близкие границы. Так русский ремесленник или купец на протяжении столетий, вплоть до реформ Александра II, все был "мелкий ремесленный и торговый люд", житель городских слобод и окраин, обслуживавший состоятельные сословия. Ни ремесленники, ни купцы никогда не доставляли особых хлопот правительству. Степень буржуазности общественных отношений в России не зависела от размаха коммерческой деятельности ремесленника или купца, чаще посредника между государственным производителем и рынком.

В XVIII в. в России уже хорошо понимали, что со средним сословием связано экономическое преуспевание государства. В этой связи весьма интересным может показаться сделанный Д.И.Фонвизиным перевод "Сокращение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина". В начале 60-х гг. Фонвизин писал: "Всякая держава, в коей не находится третьего чина, есть несовершенна, сколь бы она ни сильна была. Рабский страх бывает там вместо ободрения; строгость, которую благородные производят, будучи ничем не насытимы, есть недействительна, потому что нет иных побудительных причин". Речь шла о преимуществах экономической заинтересованности, особенно необходимой народу, "который не может иметь любочестия"¹⁹. Очевидно, под

---

¹⁹ Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. М.:Л., 1959. Т. 2. С. 115.

последним Фонвизин имел в виду тщетность ожидания от крепостного сознательного отношения к труду.

В 1865 г. русский посланник во Франции Д.А. Голлицын писал отцу: "Позвольте мне обратить Ваше внимание на то, какое удивительное действие неизменно производит право собственности на землю; на него должно смотреть как на истинное основание, как на прочный фундамент благосостояния государства"²⁰.

Фонвизин считая, что "третий чин" не трудно учредить и в России: "Со временем можно будет оплатить долги государственные или патрикулярные, смотря на состояние всякого, от неволи освобожденного раба; надлежит также продавать увольнение всем знатым купцам и славным художникам"²¹. Необходимо напомнить, что тогда, в начале 60-х гг., предложения об освобождении крестьян не звучали крамолой. Точно так же на этот предмет смотрела и только что взошедшая на престол просвещенная императрица, не скрывавшая своих либеральных взглядов, в том числе и на понимание экономического превосходства вольнонаемного труда, преимуществ конкуренции, демонополизации и т.д. Екатерина была на редкость способной ученицей своих прославленных учителей и прекрасно понимала что к чему. Об этом же свидетельствует и ее желание расширить слой средних людей в России, укрепить это сословие, а в дальнейшем по мере естественного вымирания крепостных и вовсе создать в России общество свободных, или просто свободное общество.

При всей серьезности в отношении к предмету исследования, при совершенно искреннем признании выдающегося политического ума Екатерины Второй мы, как ни стремимся, не можем преодолеть некоторой ироничности тона, которая, конечно же, все портит. Очевидно, это просто высокомерие XX в., когда знаешь, чем

---

20 *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и перв. пол. XIX вв. Спб., 1888. Т. 1. С. 24.

21 *Фонвизин Д.И.* Указ.изд. Т. 2. С. 115.

все это кончилось, но еще не вполне понимаешь - почему.

Наряду с той же либеральной программой Екатерины, выраженной в "Наказе" и в незаконченном проекте "О правах среднего рода людей", мы имеем документально подтвержденную ее высочайшую уверенность в том, что Россия была, есть и будет самодержавным государством, ибо "всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно"²². В теории консервативного либерализма такой исход, а именно гражданский строй в самодержавном государстве, предусмотрен, но для придания жизнестойкости этой идиллии, необходимо было все же не бесконечно решать, а решить крестьянский вопрос.

Но осмелимся сказать, что и не крестьянство (подобно ремесленникам и купцам), по крайней мере до первой трети XIX в., составляло главный предмет заботы правительства, хотя, бесспорно, крестьянский вопрос все ошутимее просился на первое место во внутренней политике. Более века он постоянно обсуждался различными комитетами и комиссиями, созданными специально по этому поводу, но результаты были поразительно ничтожны. И не без основания. Главная причина заключалась в том, что до конца первой четверти XIX в. еще представлялось, что от решения крестьянского вопроса не зависит политическое существование самодержавия. Сила самодержавия, с одной стороны, и полное отсутствие крестьянской активности - с другой, пока не возводили вопрос крепостных отношений в статус политической проблемы.

Так или иначе, но факт в том, что российские императоры и в XIX в., а не только одна Екатерина, если судить по их субъективному стремлению решить крестьянский вопрос, очевидные преимущества экономического развития Запада справедливо связывали с эко-

---

22 Наказ императрицы Екатерины Великой. С. 3.

номической свободой предпринимателя, обладателя частной собственности, образующего слой среднего сословия. Но лишь очень недолго в сознании правящих особ способ существования третьего сословия не соотносился с возможной угрозой самодержавию. Екатерина первая, очевидно, увидела возможную опасность. Ее политику в 70-е гг. отличает охлаждение к "среднему роду людей", что сказалось в фактическом перекрытии доступа в университет разночинному элементу, в переходе к политике "одворянивания" студенческого состава²³. Возможно, политика "консервации" среднего сословия была вызвана тем, что Екатерина, не видя пути обосновать гражданский строй на среднем сословии в силу слабого развития городов, решила обосновать его на дворянстве. Таково мнение В.В.Леонтовича²⁴.

По логике Леонтовича, Екатерина в стремлении укрепить в России гражданский строй предпочла в качестве его главной опоры дворянство, руководствуясь "верной исторической интуицией", не видя за средним сословием в России исторического будущего. (Как же она оказалась права!) Путешествовавший уже по николаевской России маркиз де-Кюстин столкнулся с последствиями гениальной исторической интуиции Екатерины, но не оценил ее: "Откуда же взяться среднему классу, который составляет основную силу общества и без которого народ превращается в стадо?"²⁵.

В подтверждение своей версии Леонтович ссылался на историка русского права К.Зайцева, который логику действий Екатерины обосновывал тем, что роль свободного гражданина, на Западе представленную горожанином, в России играла фигура дворянина, "по которому

---

23 См.: Штранге М.М. Демократическая интеллигенция в России. М., 1965. С. 270.

24 См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. Париж, 1980. С. 33.

25 Русские мемуары. Избр. границы. 1826-1856. М., 1990. С. 330.

равнялись все остальные в общем процессе уравнения и освобождения"²⁶.

В России, действительно, на дворянство "равнялись" все прочие сословия, во многом благодаря системе, введенной Табелю о рангах. Эта система только на первый взгляд выглядит подобием стимулятора роста среднего сословия, в действительности же она сковывала любую социальную активность даже просто страхом потерять службу. Дорога в привилегированное сословие была вымощена чиновной корыстью, что имеет мало общего с правопослушанием свободного гражданина. Недаром весь XIX в. наполнен ужасом и омерзением перед бесмертным, как тогда уже начинали понимать, чудовищем - бюрократической системой. Однако могла ли Екатерина не видеть принципиальной неравноценности замены в переложении определенной исторической роли со среднего сословия на дворянство? Иными словами, так ли уж искренне и последовательно Екатерина стремилась к утверждению в России гражданского общества?

Прослеживая логику действий Екатерины II, мы приходим к выводу, что она последовательно стремилась отвести опасность, угрожавшую самодержавной монархии с распространением среднего сословия в России. Ставя на дворянство, она пренебрегала хорошо известным ей фактором экономически выгодного свободного труда, так как за экономическую выгоду пришлось бы платить правовым оформлением гражданских свобод.

В начале 1789 г. Екатерина признавалась доктору Циммерману: "Я уважала философию, потому что в душе моей была всегда отменною республиканкою; признаюсь, что такое расположение души с моею неограниченною властью покажется, может быть, чудным противоречием; однако же в России никто не скажет, что б я

---

²⁶ Зайцев А. Лекции по административному праву. Прага, 1923. С. 157.

власть во зло употребляла"²⁷. Неоднократные замечания Екатерины в таком духе дают основания с уверенностью заключить, что она прекрасно ориентировалась в современных ей политических теориях и устройствах, но при этом крепко держала в уме одно: Европа - это Европа, Россия - это Россия, искренне полагая, что то, что хорошо для Европы, не всегда и не во всем хорошо для ее государства, но то, что хорошо для самодержавия, то хорошо и ее народу. Это придавало если не гармоничность, то определенную логику ее царствованию. Именно последовательное согласование своих интересов с интересами государства, твердость ее политики и дало основания последующим поколениям назвать императрицу Екатерину Великой.

Стремление укрепить самодержавную власть двигало политикой любого монарха, исходявшего из презумпции богоданности и священности своей власти, что уже исключало возможность разделения ее с кем-либо. Таково традиционное понимание православной государственности, пустившее глубокие корни в сознании русских людей. Для пользы отечества годились достижения любой иной формы государственности, если они не противоречили основному принципу - абсолютному единодержавию, которое плохо уживалось с законом. А за средним сословием с необходимостью шло право, и Екатерине II это было хорошо известно.

Либеральный екатерининский "Наказ" содержит яркий пример казуистического мышления императрицы. Обосновывая исключительность самодержавия для России, она виртуозно переставила местами "закон" и "господина", как бы предупреждая, что ожидает ее подданных в случае разделения властей: "Лучше повиноваться законам под одним господином, чем угождать

---

27 Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины с доктором Циммерманом с 1785 по 1792 г. СПб., 1803. С. 148.

многим"²⁸. Екатерина играла на давней боязни олигархии, используя слабую политическую осведомленность общества.

Таким образом, Екатерина II, следя за логикой развития среднего сословия в Европе, совершенно сознательно проводила политику по свертыванию статуса свободного гражданина в России. Вопрос же теперь заключается в следующем: могла Екатерина, ставя на дворянство, предвидеть его будущую радикальную оппозиционность? Думается, это было несложно. Во-первых, перед глазами постоянно маячил, и чем далее, тем более не давал покоя, гатчинский двор ее сына великого князя Павла Петровича. Вокруг Павла собрались оппозиционно настроенные братья Никита и Петр Панины, Д.И.Фонвизин (близок к ним был и Н.И.Новиков), которые тогда работали над планом государственных преобразований в конституционном духе, о чем Екатерина, в силу царившего доносительства, вряд ли не знала. Во всяком случае, на гатчинский двор она смотрела как на заговорщиков. Во-вторых, не тем ли дальновидным желанием развести дворянство и политику, подкупить дворянство, объясняется появление в 1785 г. Жалованной Грамоты дворянству с ее привилегиями. По силе нейтрализующего воздействия на дворянство Жалованная Грамота не уступала Табели о рангах. По сути, Екатерина удовлетворила требования верховников, представленные Анне Иоанновне в отношении частной собственности. Таким образом, в конце XVIII в. дворянство получило гражданские права личной безопасности и частной собственности, что как будто бы привело к установлению собственно свободного сословия, или гражданского строя, но в отношении только дворянства. Дворянство до того вошло во вкус своих "гражданских прав", что когда их посмел слегка ущемить Павел I, дворяне тут же убрали "тирана".

---

²⁸ Наказ императрицы Екатерины Великой. С. 4.

Насколько это российское право соответствовало собственно праву в адекватном его понимании - речь еще впереди. Пока же мы рассматриваем направленность политики самодержавия по нейтрализации возможной оппозиции.

Казалось бы, со средним сословием (средним, или третьим, сословием в собственном смысле) покончено, если не навсегда, то надолго. Не заинтересованность в результатах труда, а заинтересованность в получении дворянства - вот истинный "двигатель прогресса", ибо воедино схватывает интересы личные и государственные, вот узда, укрощающая разом всех верноподданных. "Мудрено быть самодержавным", - повторим вслед за Пушкиным. Казалось бы, дворянство, свободное от налогов, податей, службы, телесного наказания наконец, но владеющее правом на жизнь и частную собственность и всякими иными привилегиями, - теперь-то верный слуга и опора царю-батюшке, вернее, матушке-императрице. Казалось, в состоянии разумного компромисса можно существовать вечно, казалось, Екатерина предусмотрела все. Однако все же в одном Екатерина просчиталась, дав поколению отцов будущих декабристов узнать, сравнить и обсудить европейский опыт не только реально-исторический, но и опыт европейской мысли, владея которым трудно было долго оставаться в балансирующем компромиссе.

В начале XIX в. в общественном мнении уже прочно утвердилась идея "мятежности дворянства", что опять-таки наводило на аналогию со средним сословием, но уже не экономическую, а политическую.

"Старинное дворянство, - считал Пушкин, - по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния"²⁹. Сходство заключалось не столько в вынужденности зарабатывать своим трудом, сколько в потенциальной революционности дворянства: "Что каса-

---

²⁹ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 6. С. 300.

ется до tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много"³⁰.

Эти слова Пушкин записал в дневнике в декабре 1834 г. на исходе дворянской оппозиционности. Прогнозы Пушкина не оправдались, но несмотря на очевидный спад дворянской активности в 30-40-е годы, в общественном сознании по-прежнему именно дворянству отводилась историческая роль буржуазии. Для примера сошлемся на В.Г.Белинского, который в начале 1848 г. писал П.В.Анненкову: "Теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази"³¹. Белинский мыслил по аналогии с западным развитием. Он был прав в том, что это, возможно, самый оптимальный путь, но не ему следовала Россия.

В материальном положении среднего сословия в Европе и русского родового дворянства виделось некоторое сходство, а именно определенная независимость тех и других, но только независимость дворянина, да и любого разночинца, во внеправовой ситуации самодержавия была иллюзорной. Даже попытки самовыражения на литературном поприще были весьма ограничены, о чем свидетельствуют примеры Ивана Киреевского и Петра Чаадаева, вынужденно замолчавших после первых своих философических статей практически на всю жизнь. Однако в России именно этот слой людей, фактически не имевший ни гражданской, ни

---

³⁰ Пушкин А.С. Указ.изд. Т. 7. С. 294.

³¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 714.

политической, ни экономической независимости отличался независимостью духа, мнения, мысли. Словом, именно интеллигенция в России примерно с конца 30-х гг. XIX в. становилась наиболее серьезной оппозицией правительству.

Пушкин захватил начало этого процесса. По-старому под "аристокрацией" понимая оппозицию, он писал: "Очевидно, что аристократия самая мощная, самая опасная - есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристокрацией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияния обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда"³². Если радикально-оппозиционный потенциал высшего дворянства к концу первой четверти был исчерпан, то оппозиционность внесловной интеллигенции - факт безусловный, в середине 30 гг. выявивший свою тенденцию к росту. С этих пор аналогии между русской интеллигенцией и средним сословием будут уже более предметны, хотя при большей общности останется одно существенное различие: двигателем интеллигентской оппозиционности явится идея, а среднее сословие спланивал интерес. Это существенное обстоятельство не могло не определить всю дальнейшую специфичность русского оппозиционного движения. Отличие дворянской оппозиционности от сменявшей ее интеллигентской заключено в словах П.Вяземского: "У нас не может быть революции ради идеи, они могут быть у нас лишь во имя определенного лица"³³.

При относительно большей степени различия в социально-экономическом положении русского родового

---

32 Пушкин А.С. Указ.изд. Т. 6. С. 356.

33 Вяземский П.А. Записные книжки. 1813-1848. М., 1963. С. 84.

дворянства и европейского среднего сословия, примерно всю первую треть XIX в. они обнаруживали заметное сходство целей и в значительной мере - интересов. Упрощая ситуацию, можно сказать, что и те, и другие сосредоточились на борьбе за свои права. Различье, может быть, заключается в том, что первоочередной интерес среднего сословия на Западе был устремлен на оформление гражданских прав, тогда как в России аристократия, по крайней мере до конца I четверти XIX в., была в большей степени заинтересована в политических правах, то есть в конституции.

Европейский опыт предлагал образцы разделения властей, различные нюансы парламентской практики, в постижении которых формировался русский конституционализм.

Глава II. Ограничение неограниченного

На определенном этапе развития общества очевидным следствием столкновения его с неограниченным самовластием была активизация правовой политической мысли. Личный протест кн. Андрея Курбского как бы предвораля до сих пор нехарактерное для русского общественного сознания осмысление проблемы политической свободы вообще и личной свободы в частности.

Как в зеркале, все достоинства и слабости, характерные для дворянской активности, отразились в первом его политическом самопроявлении в событиях 1730 г., когда съезжавшееся в Москву на венчание великого князя Петра Алексеевича дворянство попало на его похороны, а затем, волею судеб, оказалось участником первой и неудачной попытки нарушить традиционное для России единоначалие. Попытки ограничения власти Василия Шуйского или Алексея Михайловича - глухие эпизоды, несравнимые по масштабу и огласке с подробностями воцарения Анны Иоанновны.

События 1730 г. можно рассматривать как случайно выпавшую карту в игре рока, обман, когда только что вышедшее из политического небытия общество вдруг получило реальную возможность выбора будущего устройства государства и своей собственной судьбы. В пользу же реальности и даже закономерности происшедшего свидетельствует прочное, вмененное в поколения осознание ответственности высшего дворянства перед государством, закреплённое не только Смутой, но и всем XVII в., предоставившим дворянству неоднократную возможность участия в государственных делах. Традиционно прочная связь родов, приближенность дворянства к престолу делали опыт участия предков на Земском соборе или Боярской думе чем-то вроде реаль-

ного руководства и для последующих поколений. К тому же, как оказалось, уже первое петровское поколение отличалось немалой осведомленностью в политических устройствах Европы.

В 1730 г. родовая аристократия пыталась ограничить произвол самодержавия. Возглавлял оппозицию князь Дмитрий Голицын. Из восьми пунктов Кондиций, представленных верховниками Анне Иоанновне, лишь один, пятый, касался прав всего дворянства: "У шляхетства жизни, имения и чести без суда не отнимать". В основном же Кондиции ограничивали власть будущей императрицы лишь деятельностью Верховного тайного совета, и в этом нам видится основная причина поражения верховников, так как для массы дворянства это означало все ту же неограниченную власть, но только олигархии.

Народ в этих раскладках ни в коей мере не участвовал. По образному выражению В.О.Ключевского, для дворянства народ тогда означал лишь "живой государственный инвентарь". Отсутствие организованных выступлений народа с оформленными требованиями, отсутствие последовательной борьбы за свои права позволяло не только сохранять бесправное положение крестьян, но еще практически в течение столетия проводить политику усиления крепостничества.

В событиях 1730 г. наиболее интересна реакция дворянства, которое в те дни обсуждало, главным образом, формы и способы ограничения власти. "Здесь, - писал из Москвы секретарь французского посольства Маньян, - на улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента". Прусский посол Мардефельд писал своему двору, что "вообще все русские, то есть дворяне, желают свободы, но только не могут сговориться насчет ее меры и степени ограничения абсолютизма". Все заняты теперь мыслью о новом образе правления, планы дворянства бесконечно разнообразны, все в нерешительности, - та-

ким видели дворянство иноземные послы. Проговаривались варианты английского, шведского, польского политического устройства или вариант аристократической республики без монарха. "При отсутствии политического глазомера, при непривычке измерять политические расстояния, так недалеко казалось от пыточного застенка до английского парламента", - иронично подытожил В.О.Ключевский¹.

Ключевский, безусловно, был прав: то, что необходимо пройти в сто-двести лет, не перепрыгнуть разом. Но, очевидно, в силу какого-то оптического обмана, вероятность такого скачка представляется весьма значительной. Установить конституцию в России в 1730 г., кажется, было бы много легче, чем в 1825 или 1881 гг., не допусти Долгорукие и Голицын грубых тактических просчетов, доверь они чуть больше дворянству. Источники дают совершенно неожиданную картину политической компетентности русского дворянства. Оно не только ожидало ограничения самодержавия, оно было к нему готово, чего не скажешь о дворянстве середины XIX в. Возможно, представители высшего дворянства, аристократия, собравшаяся тогда в Москве, не вполне представляла основную массу дворянства, но правда и то, что в случае большей предусмотрительности верховников, именно они бы и решали судьбу первой русской конституции, вернее, пракоконституции.

Дворянство в 1730 г. выступало за свои гражданские права - право личной безопасности и частной собственности. Верховники проиграли тем, что отодвинули дворянство от участия в политических правах, ограничив самодержавие лишь Верховным тайным советом. Главный документ верховников - "Присяга", или "Проект формы правления", выражал мнение членов Верховного совета об ограничении власти монарха действиями этого Совета. Сам же Голицын был настроен

---

¹ Ключевский В.О. Соч: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 258

более радикально, предполагая, помимо Верховного совета, устройство трех собраний: Сената, шляхетской палаты и палаты городских представителей. Голицын был готов учитывать также интересы купечества и отчасти крестьянства².

Русское дворянство не воспользовалось шансом, представившимся в 1730 г., в основном из-за разногласий дворянства и дворянской аристократии. Хотя олигархические тенденции и просматривались в планах верховников, но все же они явно преувеличивались в дальнейшем правительством с тем, чтобы создать неверное общественное мнение. Отсутствие опыта политической борьбы и единства мнений позволило в тот переломный 1730 г. победить самодержавной линии. С тех пор самодержавие с легкостью пренебрегало всеми проектами ограничения верховной власти.

Как ни далеки от нас эти события, они все-таки вызывают горечь, будто что-то могло сложиться иначе. Во всяком случае, фатальная обреченность конституционного процесса в России связывается и с печальной судьбой разорванных "кондиций". Невозможно не привести мнение П.Б.Струве по этому поводу, наиболее заостренное. В 1918 г. в сборнике "Из глубины" он писал: "Владимир Ильич Ульянов-Ленин мог окончательно разрушить великую державу Российскую и возвести на месте ее развалин кроваво-призрачную Совдепию потому, что в 1730 г. отпрыск династии Романовых, племянница Петра Великого герцогиня курляндская Анна Иоанновна победила князя Дмитрия Михайловича Голицына с его товарищами-верховниками и добивавшиеся вольностей, но боявшиеся "сильных персон" шляхетство и тем самым окончательно заложила традицию утверждения русской монархии на политической покорности культурных классов пред независимой от них вер-

---

² См.: Кутякин А.Г. Первые попытки ограничения самодержавия в России // Сов. государство и право. 1980. № 7. С. 84-90.

ховной властью. Своим основным содержанием и характером события 1730 г. имели для политических судеб России роковой преопределяющий характер³.

Самодержавие, ставшее в последней трети XVIII в. прекрасно организованной политической силой, складывалось в политической борьбе с аристократией. До первой трети XIX в. дворянская аристократия выступала единственной силой, способной обеспечить в перспективе политические права обществу, прежде, правда, привилегированной его части. На деле это означало бы движение к ограничению абсолютной власти монарха введением представительного органа, имевшего бы определенную степень независимости. Конкретные формы политического устройства в различных европейских странах были различны, но генеральная линия достижения политической свободы шла от аристократии к конституционной монархии.

Особенность российской аристократической оппозиционности заключалась в том, что в силу традиционно ничтожной значимости закона, а также в силу отсутствия сколько-нибудь значительного ограничителя произвола в лице буржуазных слоев русская аристократия в случае победы могла обернуться олигархией. Сознание этого было постоянным негативным примесом в общественном восприятии аристократической активности, причем не только в XVIII в. Таково было устойчивое общественное мнение, что неоднократно отражено в заметках Пушкина: "Чем кончится дворянство в республиках? - Аристократическим правлением. А в государствах? рабством народа, а=в"⁴. Стойкость "олигархического синдрома" отразилась и на перемене взглядов М.М.Сперанского, в конце 30-х гг. вдруг увидевшего в аристократии ее первоначальный грех.

---

³ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 464-465.

⁴ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 6. С. 311.

Сколько бы ни казался нам сейчас экзотическим этот "олигархический синдром" он все же как реальность препятствовал сословному сплочению высшего и среднего дворянства, которых и так разводили различные интересы. Эти противоречия изначально использовались верховной властью в критические для нее моменты с неизменной выгодой: Анна Иоанновна, как известно, разорвала кондиции верховников, а Екатерина II легко пренебрегла конституцией Никиты Панина.

Граф Никита Иванович Панин (1718-1783) принимал участие в возведении на престол Екатерины II. Вскоре после переворота он предоставил ей проект Манифеста, который предполагал учреждение Императорского совета, по сути, законодательного органа. Оспаривать решения монарха и Императорского совета мог Сенат⁵. Екатерина оказалась умнее императрицы Анны в том смысле, что не создала прецедента для общественного обсуждения проекта Манифеста. 28 декабря 1762 г. Екатерина подписала Манифест, но ходу ему не дала - отложила и забыла.

В отличие от князя Д.М.Голицына, представлявшего родовую аристократию, практически к тому времени уже лишённую политического будущего, граф Никита Панин представлял высшую сановную бюрократию, которая стремилась в первую очередь к ограничению произвола царя, но в их действиях было много общего. Во-первых, оба за образец брали шведскую конституцию и, в частности, устройство шведского риксрода, принимая в обоих случаях во внимание и отечественную практику представительства.

Объединяла их и одна тактическая ошибка: ограничение абсолютной власти монарха им виделся как добровольный акт обладателя этой власти. Основания такой иллюзии, очевидно, обусловлены социально-психологическими установками, присущими дворянской оппози-

---

⁵ См.: Сборник РИО. СПб., 1871. Т. VII. С. 202-217.

дионности, а именно, царь мыслился как первый дворянин, выразитель и представитель в первую очередь интересов дворянства, за что само дворянство ему верно служило. Дворянство считало, что оно имеет основания ставить царю условия, а у царствующей особы, предполагалось, есть основания их выполнять.

Крестоцеловальные записи под подобного рода документами, вводившими законные ограничения монаршей власти, делали, вступая на престол, Василий Шуйский, польский царь Владислав, Михаил Федорович. Анна Иоанновна должна была стать четвертой. Не того ли добровольного акта самоограничения декабристы ожидали и от Николая I? В России ситуация междуцарствия, Смута, пресечение династии - все это способствовало как бы практическому воплощению общественного договора, что, по крайней мере до начала XVIII в., осознанно никак не связывалось с теорией. Тем не менее вовсе не поэтому попытки ограничить нового монарха всякий раз оказывались безуспешными. Такая приверженность иллюзии наводит на предположение, что была какая-то довольно основательная причина, поддерживавшая надежду на возможность добровольного или сознательного самоограничения власти. Эти надежды можно назвать "конституционными иллюзиями" русского дворянства; основывались они отнюдь не на раннебуржуазном праве, а на глубокой убежденности дворянства в том, что уже сами обстоятельства воцарения Романовых содержат основания для условий.

Именно такое понимание проблемы, правда, осложненное элементами теории общественного договора, изложено в письме Николаю I декабриста Александра Бестужева-Марлинского (1826): "Правительству (без самодержца) есть не что иное, как верховная его часть (народа). Отрицая же право народа во время междуцарствия избирать себе правителя или правительство, приводилось бы в сомнение возведение царствующей дина-

стии на престоле России⁶. В данном случае не надо обманываться ссылками на народ. В дворянском сознании было укоренено представление, что они и есть полномочные представители народа. "Что такое дворянство? потомственное сословие народа высшее, то есть награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? народом и его представителями. С какой целью? с целью иметь мощных защитников"⁷, - такими вопросами задавался Пушкин в 1830 г. Ответы свидетельствуют лишь о прочности взглядов дворянства на этот предмет, ибо точно также мыслило дворянство и в конце XVIII, и в начале XIX вв.

В последние годы жизни Н.И.Панин работал над Конституцией, которую положил в основу "Прибавления" к проекту "Фундаментальных прав" уже после смерти Н.Панина его брат Петр Иванович. Этот документ дворянского конституционализма, ограничившего произвол монарха, сохранял сословно-крепостнический характер отношений⁸. Не останавливаясь пока подробно на этом факте и уж тем более не имея намерения преуспеть в обличении дворянской ограниченности панинских проектов, отметим только, что и в 60-70 гг. XVIII в. высшее оппозиционное дворянство, если не требовало, то претендовало на минимум политических прав для себя. Речь идет опять-таки не о народе, тот по-прежнему "вне игры". Раздел проходил между дворянством и высшей его элитой.

И правда, Д.Голицын и Н.Панин стремились придать минимальную законность институту российского самодержавия, установить, хотя и ограниченное, но представительное правление, приблизить, таким образом, неограниченное самодержавие к конституционной мона-

---

6 Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.:Л., 1951. С. 512.

7 Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 6. С. 310.

8 См. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII века. М., 1984. С.78-80.

рхии, что в определенной мере должно было соответствовать и интересам основной массы дворянства. Однако слои среднего и мелкого дворянства связывали свои интересы, как правило, только с самодержавной властью. В значительном упрощении ситуацию можно представить следующим образом: главный интерес аристократии заключался в достижении политической свободы, конституционного ограничения самодержавия. Основная же масса дворянства, совершенно лояльная самодержавию, стремясь к сохранению института крепостничества, гарантию своим интересам видела именно в самодержавном образе правления.

В большинстве своем население Российской империи, в том числе и дворянство, в XVIII в. не ощущало сознательной потребности в политических правах. Отстраненное Манифестом о вольности от обязательного участия в государственной службе, дворянство такой привилегией заодно и отстранялось от возможного вмешательства в политику государства.

Не претендуя на участие в политической жизни государства, дворянство, очевидно, не ощущало своего политического бесправия. Во-первых, по отношению к часто плохо образованному и дикому в своих правах помещичьему дворянству, разбросанному по всея империи, не приходится говорить о высоком уровне самосознания. Во-вторых, у дворянства были основания для того, чтобы довольствоваться своей судьбой: право личной безопасности и, главное, частной собственности, данные Жалованной Грамотой, действительно приближали дворянство к гражданскому состоянию, что в немалой степени снимало напряженность политического бесправия. Смысл этой ситуации прекрасно расписал П.Б.Струве: "Самодержавие, отказав культурному классу во властной участии в государстве, вновь привязало к себе этот класс цепями материальных интересов, тем самым отучая его от политических стремлений и

средств и приучая к защите своих интересов помимо постановления и решения *политического* вопроса"⁹.

Значение установления гражданских прав огромно само по себе: оно приближало Россию к правовой государственности, способствовало развитию либеральных отношений в рамках существовавшего строя. В этом плане совершенно правомерно рассматривать "Наказ" и "Жалованную Грамоту" Екатерины как начальные этапы становления гражданственности в России. По мнению В.В.Леонтовича, при Екатерине произошла "частичная замена крепостного строя гражданским", распространение которого на иные социальные слои составляло сознательную задачу русского правительства. Трудно судить, насколько юридически правомерен "гражданский строй исключительно в отношении дворянства"¹⁰, но кажется все же, что в российской действительности данная ситуация не выглядела столь оптимистично. В нач. 80-х гг. Денис Фонвизин, несколько не обманываясь просвещенным тоном императрицы, сказал, что Россия - это "государство, где люди составляют собственность людей, где каждый, следовательно, может быть навсегда или тиран, или жертва"¹¹. Это почти буквально перекликается с пушкинским определением века - "тиран, предатель или узник" (1826). Менялись цари, уходили поколения, но Россия оставалась страной рабов. "Когда император два раза в год раскрывает двери своего дворца перед привилегированными крестьянами и избранными горожанами, он этим не говорит купцу или батраку: "Ты такой же человек, как и я", но говорит дворянину: "Ты такой же раб, как и они, а я, ваш бог, равно властвую над всеми вами"¹². Таково было впечатление от николаевской России иностранца. Рефрен: в России

---

⁹ Струве П.Б. Указ.изд. С. 463-464.

¹⁰ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. С. 40.

¹¹ Фонвизин Д.И. Указ.изд. Т. 2. С. 264.

¹² Русские мемуары: Избр.страницы. С. 324.

все рабы, был, пожалуй, самым характерным для самосознания русского общества конца XVIII - первой половины XIX вв. Понимание этого будило политическую мысль дворян-оппозиционеров. В созданных ими гланах-проектах запечатлелась высокая степень развития общественного самосознания, но они были органической частью традиционного общества, общества, еще в целом не преодолевшего рабского синдрома, общества, мыслившего всецело внеправовыми категориями. Потому памятники правовой мысли XVIII в. интересны в первую очередь как материализация постепенного преодоления традиционного сознания.

К началу 80-х гг. относится записка Д.И.Фонвизина "Рассуждение о неперемennых государственных законах", предназначавшаяся наследнику Павлу. "Рассуждения" мыслились как вступление к конституционным проектам братьев Паниных. Авторы этих проектов обсуждали их основные положения с наследником в 70-е гг., когда зрел заговор против Екатерины II, возглавляемый Н.Паниным.

Образ мысли великого князя Павла Петровича в значительной мере отличался от убеждений императора Павла I. В послании гр. Н.Панину (1778 г.) наследник установил логическую связь между "свободой" и "законом": "Свобода, конечно, первое сокровище всякого человека, но должна быть управляема крепким понятием оной, которая не иным приобретается, как воспитанием, какое не может быть иным управляемо, чтоб служило к добру, как фундаментальными законами, но как сейчас последних нет, следовательно, и воспитания порядочного быть не может"¹³. Следовательно, и о свободе говорить рано. Бумаги Павла, его реформационные проекты, навсаянные в первую очередь совместными обсуждениями политических вопросов с братьями Паниными, остались лишь бумагами, представляющими

---

¹³ Цит. по: *Фонвизин Д.И.* Указ.изд. Т. 2. С. 681.

частный исторический интерес. "Рассуждения о непременных государственных законах" Д.Фонвизина, напротив, еще в XVIII в. расходились в списках, влияя на формирование общественного сознания, а в 10-х гг. XIX в. через племянника Дениса Фонвизина, декабриста М.А.Фонвизина, "Рассуждения" стали известны в декабристских кругах, в частности, их использовал Н.М.Муравьев.

Дидактические по характеру "Рассуждения" нацелены внушить будущему императору мысль о недопустимости произвола, ибо деспотизм губителен уже тем, что ведет к анархии. "Государь должен знать во всей точности все права своего величества", во-первых, для того, чтобы "содержать их у своих подданных в почтении", а во-вторых, "чтоб самому не преступить пределов, означенных... властью здравого рассудка"¹⁴.

Источники, относящиеся к истории права и правосознания в России, дают наглядную картину переходного состояния общества. В общественном сознании одновременно бытовали традиционные понятия о главенствующей роли устоев, нравов, обычаев, средневековое обоснование богоданности власти и в то же время понятия естественного права и общественного договора - провозвестники раннебуржуазного права, то есть права уже в собственном, строгом смысле слова - это был знак того, что общество приступало к их освоению.

В основном же общество мыслило еще традиционно, во внеправовых понятиях. Роль закона выполняли нрав, совесть, Бог. Так начинала Манифест Екатерина II: "Самовластие, необузданное добрыми и человеколюбивыми качествами, в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям бывает причиною". Правда, вступая на престол, Екатерина обещала ограничить законом свою власть, но "закон" в устах Екатерины, по сути, оказался данью тре-

---

¹⁴ Фонвизин Д.И. Указ.изд. Т. 2. С. 258.

бованиям века Просвещения, условностью. Жизнь мыслилась и строилась по традиционным нравам и понятиям, причем эти подмены не осознавались современниками. Новой, правовой постановке вопроса сопутствовал традиционный способ его решения.

Так и Фонвизин, рассуждая о "недопустимости произвола", о "правах его величества", в конце концов считал возможным ограничить самодержавие здравым смыслом, или "властью здравого рассудка".

Второй довод в пользу ограничения власти монарха звучал и вовсе традиционно, а может быть, оттого и более убедительно. Фонвизин выводил его из положения о божественном происхождении власти. Если Бог, по логике Фонвизина, "потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага", то и "государь, подобие Бога, преемник на земле высшей его власти", может ознаменовать свое могущество и достоинство не иначе, как "постановя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем, и которые не мог бы нарушить сам, не перестав быть достойным государем"¹⁵. Фонвизин стремился внушить будущему императору, что "власть, производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от Бога"¹⁶.

В русском контексте конца XVIII в. ссылки на Бога, призванные удержать неограниченную власть от произвола, имели уже новый, дополнительный смысл, который они не могли иметь в традиционной трактовке власти. Теперь Фонвизин теми же аргументами пытался ее обуздать, при этом он вводит понятие "правил непреложных", основанных на общем благе, которые пока не противостоят единодержавию, напротив, Бог, а следовательно, и государь виделись как бы гарантами неотчуждаемости естественных прав. Авторитет Бога призывался в данном случае для сохранения установленного

---

15 Фонвизин Д.И. Указ.изд. Т. 2. С. 254-255.

16 Там же. С. 259.

Богом же порядка вещей, или "блага", что включало уже и данность (богоданность) естественных прав.

Последний (третий) довод Фонвизина о необходимости ограничения власти основывался уже прямо на теории общественного договора: "Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные, ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем; и если она без государя существовать может, а без нее государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках, и что при установлении государя не в том дело было, чем он нацию пожалует, а какую властью она его облакает"¹⁷. При нарушении договора с народом власть становится незаконной, ибо тогда она "ставит себя выше всех законов естественного правосудия". В этом случае нация вправе вернуть свою свободу - "никто не был в праве отнимать у ней свободы"¹⁸. Таким образом, "Рассуждения" Фонвизина содержат чрезвычайно серьезное заявление.

Общественный договор, утверждавший принцип вторичности верховной власти по сравнению с волей народа, был рубежом в развитии европейского общества. Со стороны самодержавия можно было ожидать реакции не меньшей, чем на книгу Радищева, если не более суровой, так как это было высказано не в беллетристической форме, а в политическом документе, предназначенном наследнику. Однако реакции не было никакой. Положения теории общественного договора, старательно переписанные с западноевропейских источников, в XVIII в. не имели никакого общественно-политического резонанса в стране. Причем подобные штудии в различных формах проделывал не один Фонвизин. Знакомство с раннебуржуазными западными теориями будило оте-

---

17 Фонвизин Д.И. Указ.изд. Т. 2.

18 Там же. С. 259-260.

чественную мысль, что нашло отражение в целой серии работ так называемых русских просветителей.

Только общество не увидело в том своих выгод, а самодержавие не усмотрело грозившей ему опасности. Хотя общество и помнило подробности воцарения Романовых и в этой связи не могло не видеть определенной и очевидной логики в притязаниях на выполнение условий общественного договора, но все же сильный только традицией принцип богоданности власти русского царя в общественном сознании брал верх. От таких установок не освобождаются в одночасье, даже с приходом к власти просвещенной императрицы. Еще и века не прошло, как Россия перешагнула свой рубеж средневековья, только в силу этого она не могла адекватно воспринимать просветительские теории - плод довольно развитой буржуазной культуры сознания. В XVIII в. просвещенное общество России лишь постигало азы теорий политического развития общества. Частный случай Д.И.Фонвизина является тому примером.

Понимая, что в России нет еще условий для подобных "преимуществ, коими наслаждаются благоустроенные европейские народы", ибо в России нет твердого законодательства, он предлагал ввести "законы непреложные", гарантирующие безопасность, достоинство и собственность граждан, но под "гражданами" Фонвизин имел в виду дворянство и среднее сословие, что было совершенно типично для прогрессивно мыслявшей русской интеллигенции конца XVIII - нач. XIX вв. "В России надлежит быть, - считал Фонвизин, - 1) дворянству совсем вольному, 2) третьему чину совершенно освобожденному, 3) народу, упражняющемуся в земледельстве, хотя и не совсем свободному, но, по крайней мере, имеющему надежду быть вольными"¹⁹. Так что в грозном "возвратить свободу нации" Фонвизина заключалось тре-

---

¹⁹ Фонвизин Д.И. Указ.изд. Т. 2. С. 116.

бование личной свободы дворянству и горожанам, но отнюдь не подавляющему большинству "нации".

Екатерина II держала под присмотром весь панинский заговор, отставкой его лидера дав понять, что терпение ее кончилось. Сама же императрица всей своей деятельностью демонстрировала искусство совмещать признание принципов либерализма с незыблемостью устоев самодержавия. В этом была, безусловно, и уловка умной женщины, но все же в значительной степени таково было органическое восприятие действительности. Краткий эпизод конца ее царствования является тому ярким примером.

События Французской революции поставили правительство Екатерины перед проблемой прав человека почти в европейском ее звучании. Как вспоминал впоследствии секретарь императрицы А.В.Храповицкий, известие о принятии королем конституции вызвало у Екатерины "приметную досаду", но узнав о казни короля, "ее величество слегла в постель, и больна, и печальна"²⁰. В тот же день "был оборот к собственному ее правлению с вопросом у меня, - вспоминал Храповицкий, - о соблюдении прав каждого". Напуганная императрица высматривала возможности компромисса на путях "соблюдения прав каждого". Знаменателен ответ вельможи о напрасном беспокойстве императрицы, ибо права и привилегии дворянству "пожалованы и утверждены"²¹. Екатерина спрашивала о "правах каждого", но окружавшие вполне органически слышали о привилегиях для себя, притом все выходило довольны. Оставалось только подписать указ Сенату о разрыве политических отношений с Францией, с тем, чтобы впредь та не путала наши внутренние дела. Этот курьез свидетельствовал об огромном жизненном потенциале самодержавия, о довольных еще резервах власти, о том, что до

---

20 Храповицкий А.В. Дневник. 1782-1793. М., 1902. С. 219.

21 Там же. С. 246.

реального решения вопроса о правах русское общество было еще очень далеко.

Однако Екатерина совершенно верно уловила угрожающий стабильности самодержавия смысл требования прав человека и активнейшим образом включилась в борьбу против Франции, провозгласившей "Декларацию прав человека и гражданина", которую она так неосмотрительно позволила напечатать в "Санкт-Петербургских ведомостях". "Ослабление монархической власти во Франции,- заявила Екатерина,- подвергает опасности все другие монархии. Безначалие есть злейший бич, особенно, когда действует под личиною свободы, сего обманчивого призрака народов"²².

Политика либерального консерватизма Екатерины II и традиционный взгляд на природу самодержавия, присущий в основном обществу, тем не менее не только не снимали, но с годами обостряли проблему законного ограничения верховной власти, если к ней обращались крупнейшие сановники государства.

В ряду так называемых "придворных" проектов особый интерес вызывает записка князя А.А.Безбородко "О потребностях империи Российской" (1799). О записке стало известно после смерти автора, а ее умеренность позволяет говорить о том, что она отражает идеи государственного деятеля, в некотором упорядочении власти видевшего залог ее долголетия. Безбородко никак не отнесешь к оппозиции. Это был крупнейший вельможа, пользовавшийся большим доверием как Екатерины II, так и, что случалось редко, Павла I. Сторонник "беспредельного" самодержавия, он тем не менее определенно высказывался за необходимость строго придерживаться закона. "Государь самодержавный чувствовать должен, что власть дана ему беспредельная не для того, чтобы управлять делами по прихотям, но чтоб держать в

---

²² Грибовский А.М. Записки об императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 48.

почтении и исполнении законы предков своих и самим им установленные; словом, изрекши закон свой, он, так сказать, сам первый его чтит и ему повинуются, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут²³. Аналогичное понимание власти было характерно для Европы XVII в.

В отношении сословной политики Безбородко выражал мнение, типичное для дворянства. Он считал, что состояние сословных прав-привилегий не требовало никаких дополнительных законов, так как права дворян и мещан ("общие выгоды") обозначены в Жалованной Грамоте, "но что принадлежит до поселян, то состояние их требует поправления. Боже сохрани, - уточнял канцлер, - чтобы я тут разумел какую-либо излишнюю вольность, которая под сим невинным названием обращалась бы в своеволие и подавала повод к притязанию на какое-либо равенство всеобщее или суе химерическое"²⁴. "Поправление" положения поселян заключалось в необходимости урегулировать крестьянские повинности, не более. Безбородко не без основания считал, что "наши нижние классы" застрахованы от такого "умственного разврата" как "французское мнимое равенство", ибо в России "каждый из меньшего предпочитал лично добиться большего. Отпущаемый на волю крестьянин или казенный поселянин старается быть купцом, а разбогатевший купец - чиновником или дворянином. Полезно сии желания оставить в их силе, но затруднять событие их", - резюмировал мудрый канцлер²⁵.

Безбородко чрезвычайно точно схватил тенденцию, характерную для XVIII и еще в большей степени для первой половины XIX вв. - стремление потенциально буржуазных слоев (свободных, казенных крестьян, купцов, мещан) жить по-феодальному: "русская буржуазия"

---

23 Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко. В связи с событиями его времени. Спб., 1881. Т. 2. С. 643.

24 Там же. С. 643-644.

25 Там же. С. 644.

в то время была поставлена в такие условия, когда ее материальное преуспевание зависело от деятельности небуржуазного характера.

Представители низшего сословия, как правило, в одиночку добивались решения своих интересов - и немудрено, так как процент крестьян, способных откупиться, был чрезвычайно мал, а дальше в фортуна крестьянина, ремесленника, купца первую роль играл имущественный ценз, служба, при достижении заветного уровня маячил "классный чин", дворянство, и тогда уже вступало в действие развращающее влияние Табели о рангах. Сознание возможности выбиться в люди делало человека послушным орудием бюрократической машины, повязывало возможную социальную энергию бюрократической моралью, парализовывало тот мятежный дух третьего сословия, который в Европе, объединяя массы, был сильнейшим источником социальных движений.

Привычно сетуя на дефицит правосознания русского общества, не следует возможные причины тому выводить из менталитета русских. Россия в XVIII в. оставалась еще традиционным обществом, только приступившим к философскому, теоретико-политическому осмыслению проблемы прав человека. В этом процессе оно столкнулось с уже сравнительно развитым правом западноевропейских государств, основанном на признании собственных, неотъемлемых прав человека, но применить уже имевшееся право к себе русское общество еще не могло, так как за редким, единичным исключением не воспринимало принципа всеобщего равенства людей. Потому право заменял закон, а права свободных граждан, по сути, были лишь сословными привилегиями.

Сословная же политика правительства была такова, что сплошь и рядом расставляла ловушки формировавшемуся правосознанию русского общества.

Милые хитрости царствования Екатерины послужили поводом ироничному замечанию В.О.Ключевского: "В обществе, утратившем чувство права, и такая случайность, как удачная личность монарха, могла сойти за правовую гарантию". Историк неточен только в одном: нельзя утратить того, чего еще не имеешь.

В благодушии, обусловленном именно отсутствием того самого "чувства права", находилось русское общество при вступлении на престол императора Александра I, сама личность которого давала уверенность надежде. Что ж, простодушие - прекрасная черта русских. Но вот русский посол в Англии аристократ Михаил Семенович Воронцов писал сыну в самый разгар народных гуляний в апреле 1801 г.: "Они счастливы, как никогда, вырвавшись из величайшего рабства, и воображают теперь, что они добились свободы и забывают об ужасном деспотизме, под которым они должны трепетать только потому, что им дано позволение носить круглые шляпы и сапоги с отворотами. ...Если теперешний государь добр, то эти люди уверены, что они теперь действительно свободны, и не помышляют о том, что тот же человек может измениться характером или же иметь преемником тирана. И теперешнее состояние страны не более, как временное прекращение тирании. Наши соотечественники подобны римским рабам во время сатурналий, после которых они снова впадали в прежнее рабство"²⁶.

Прекрасный документ. Он как нельзя лучше дает представление о существовании двух уровней сознания в обществе - массовом, традиционном и критическом сознании просвещенной части общества. Описание более чем точное - это в современном смысле безошибочный

---

²⁶ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 17. С. 6.

аналитический прогноз. Сколь он ни мрачен, но случилось все по-писанному: общественный подъем начала Александрова царствования обернулся прежним рабством.

Воронцов выразил взгляды аристократической оппозиции, которая меряла Россию европейской шкалой. В то же время воодушевление первых лет нового царствования было столь велико, что не верилось или не хотелось верить очевидному - на короткий срок аристократия сошла со своего оппозиционного пьедестала, увидев в заверениях Александра I своего единомышленника. Молодые либералы А.Чарторыйский, В.Н.Кочубей, А.Строганов, Н.Н.Новосильцов, Д.Н.Блудов, А.Р.Воронцов, Н.С.Мордвинов, М.Орлов и другие принялись устремленно готовить русскому императору документы, обосновывавшие его своего рода отречение от абсолютной власти, надеясь при этом на его добрую волю. Все повторялось. Иной царь, иное поколение дворянской аристократии, не каждый действует в соответствии со своей логикой. История ничему не учит? Сказать так мы не решаемся. Но, очевидно, очень трудно выйти из своих родовых признаков.

История все же учила, но других, тогда еще, пожалуй, не родившихся. Учила не забивать голову бесполезными конституционными тонкостями, знаниями европейских государственных устройств, не рьянить о принципах разграничения верховной власти и вообще, так, как они, дворяне, с царем не церемониться. У демократов были все основания презирать дворянскую оппозицию. Тем не менее она сделала все, что могла по своему родовому и историческому предназначению.

До начала 20-х гг. XIX в. общественная атмосфера в России способствовала иллюзиям возможного установления конституции и проведения буржуазных реформ постепенно и сверху. Повод тому в первую очередь давал сам император Александр I. Его неприятие тирании Наполеона и предпочтение, оказываемое республиканцам,

его инициатива и поощрение реформационного творчества, его намерение ограничить верховную власть законом и в законно-либеральном духе реформировать систему государственного управления - все это воспринималось как официальная либеральная политика правительства. Да это и было действительно так, ибо в начале XIX в. именно правительство Александра I выступило инициатором государственных преобразований в духе буржуазного конституционализма.

Зная опыт французской монархии, Александр понимал, что для того, чтобы сохранить власть, надо привести в соответствие с требованиями времени формы государственного управления и социально-политические отношения, то есть придать государственным учреждениям вид законности. "Он понял, - писал об Александре его сподвижник В.П.Кочубей, - что для России, сделавшей в течение столетия огромные успехи в цивилизации и занявшей место в ряду европейских держав, существенно необходимо согласовать ее учреждения с таким положением дел"²⁷. Речь шла о коренном реформировании системы государственных учреждений, или государственной машины. Состояние дел в этой сфере подробно изложено во многих исторических трудах. Нам же важно подчеркнуть, что возможность усовершенствования государственного управления связывалась с радикальными мерами, претворение которых означало бы превращение крепостнического абсолютизма в надсловную монархию - это во-первых, а во-вторых, что особенно важно, к осознанию этого пришло не только либерально настроенное высшее дворянство, но и сам государь, который разделял поначалу все планы государственных преобразований²⁸.

---

27 Корф М.А. Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского. Неизданная глава из "Жизня гр.Сперанского" // Русская старина. 1903. № I. С. 30.

28 См.: МIRONENKO С.В. Указ соч. С. 28-36.

Планы государственных преобразований молодой император связал с деятельностью Негласного комитета (1801-1803), куда вошли его либерально настроенные друзья в бытность его великим князем - Строганов, Чарторыйский, Новосильцов и Кочубей; к работе привлекался также А.Р.Воронцов. Все они подолгу жили в Западной Европе, хорошо знали политическое устройство и право европейских стран. Работа Негласного комитета запечатлена в довольно объемистом архиве графа П.А.Строганова²⁹. Но уже очень скоро членов Негласного комитета постигло разочарование: Александр действовал неторопливо, но главное непоследовательно, не имея, на первый взгляд, ясной цели, отвлекаясь мелочами, пресекая инициативу. Уже тогда становилось очевидным, что император не собирается в скором времени производить коренные изменения, полагая ограничиться исправлением некоторых неудачных решений предыдущего царствования. В.О.Ключевский, говоря о "трудностях практического осуществления" политических убеждений Александра, тонко подметил, что "это больше мечты или смутные желания, чем государственные идеи..., больше *настроение политическое*, чем правительственная программа"³⁰.

Политическая организация русской государственности при Александре оставалась тем же, что и при Екатерине и Павле - самодержавной монархией. По-прежнему не ограниченная никаким законом власть превращала монарха в самовластного тирана. Гарантисей в данном случае могла быть только "удачная личность" самого государя, его нрав, склад характера, что сближало Россию с политическим устройством восточных деспотий. Привести российское государство в соответствие с политическими институтами западных стран хотя бы в

---

²⁹ Николай Михайлович, великий князь. Граф П.А.Строганов. Ист. исслед.эпохи Александра Первого. Спб., 1903. Т. 2.

³⁰ *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 249.

какой-то мере мог только закон, ограничивавший верховную власть. Александр I с этим был полностью согласен и не только на словах: в 1809 г. он дал конституцию Финляндии, а в 1815 г. Польше, входивших тогда в состав Российской империи. История реформ начала XIX в. также хорошо изучена, но нас более интересует вывод: ни в одном из вышедших в период царствования Александра правительственных документов ни в коей мере не ограничивалась власть российского самодержца.

Самодержавная власть сама по себе не способна к самоограничению. Ей по определению как бы задан ход в одном-единственном направлении - концентрация власти. Так что сколько бы Александр ни понимал, ни стремился, он не мог преодолеть логику единодержавия. Возможно, в этом и его разгадка, и его трагедия.

Вторая причина заключалась в родовой черте самого дворянства. Русское дворянство стремилось оградить от проявлений тирании только свое сословие, что и определило тот "либеральный потолок" преобразовательных проектов Негласного комитета. Это стремление отражено в Коронационной грамоте (готовилась ко дню коронации Александра), все редакции которой (их было четыре) начинались с подтверждения дворянских привилегий, данных Манифестом о вольности и Жалованной Грамотой дворянству. В целом грамота оставляла неизменными основы крепостнического строя. Верховная власть ограничивалась лишь в отношении дворянства. Грамота вводила закон, гарантирующий (только дворянскому сословию) безопасность личности, ее действиям и собственности; сословное неравенство, таким образом, сохранялось. Однако обсуждение грамоты закончилось ничем. Члены Негласного комитета не могли завершить работу, видя высочайшее к ней охлаждение³¹.

---

³¹ См.: *Претеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.:Л., 1956. С. 190-199.

"Дней Александровых прекрасное начало" еще не предвещало трагического завершения невиданного еще Россией подъема общественных сил. Тем не менее на фоне всеобщего ожидания перемен уже раздавались и скептические голоса, в то время немногочисленные. Мнение русского посла Воронцова мы уже приводили. Не обманул нарочитый либерализм Александра I и Василия Федоровича Малиновского, позже директора Царскосельского лицея. В 1803 г. он записал в дневнике: "Правление российское ныне есть деспото-аристократия, владыко-вельможное"³². Скепсис был совершенно оправданным, довольно было беспристрастного взгляда на соотношение сил и "диапазон" выдвигаемых идей, на характер деятельности нового правительства, чтобы увидеть тщетность ожиданий коренных политических перемен.

Много позже, размышляя о прожитом, князь Петр Андреевич Вяземский в поэтической строфе схватил эту парадоксальную соединенность несоединимого в образе русского самодержца:

Послушать - век наш век свободы,
А в сущность глубже загляни:
Свободных мыслей коноводы
Восточным деспотам сродни.

До завершения Отечественной войны и европейских походов в массе консервативно настроенного русского дворянства лишь немногие видели политическую и историческую бесперспективность неограниченного самодержавия. Эти люди, как правило, хорошо осознавали преимущество многих достижений европейской цивилизации. Они-то, обосновывая необходимость реформ, выдвигали доводы не этического порядка (о без-

---

³² Русские просветители (От Радищева до декабристов): Собр. произведений: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 251.

нравственности деспотизма и рабства), а социально-экономического, политико-правового. Именно таких людей в случае победы восстания декабристы прочили в члены Временного правительства. Наиболее полное выражение политических взглядов русской аристократии мы находим в письмах и бумагах графов Воронцовых, в записках Мордвинова и, конечно же, у Сперанского.

Граф Николай Семенович Мордвинов, приверженец теории естественного права, видевший в свободе проявление закона природы, во многом опередил своих современников. Историческую отсталость России по сравнению с развитыми западноевропейскими странами он связывал с "политическим небытием" крестьянства и экономической незаинтересованностью его в труде. Н.С.Мордвинов предложил проект о разрешении купцам и казенным крестьянам покупать незаселенные земли; для оказания материальной помощи крестьянству в этом деле Мордвинов выступил с весьма показательной идеей организации Трудопоощрительного банка. В соответствии с уровнем западноевропейской политической мысли Мордвинов считал необходимым разграничение законодательной, исполнительной и судебной властей, выступал против общинного землепользования, противопоставляя ему экономически выгодное индивидуальное.

Огромная роль в развитии русского конституционализма, правозаконности и правосознания принадлежит Михаилу Михайловичу Сперанскому. Судьба этого человека примечательна. Сын приходского священника, благодаря выдающимся способностям и уму, в короткий срок сделал головокружительную карьеру, в начале XIX в. став ближайшим соратником, сподвижником, собеседником и даже доверенным лицом императора Александра I. Но сближали их не только преобразовательные планы. После смерти молодой жены едва переживший трагедию Сперанский утешение обрел в мистическом богопознании. Мистика, причастность мисти-

ческой тайне также сближала двух выдающихся людей эпохи - царя и его слугу.

До ссылки (1812) Сперанский был убежденным конституционалистом, можно сказать, он в наиболее систематическом виде изложил позицию русской аристократии Александра царствования. Во всех его проектах государственных преобразований и политических трактатах (1801-1811) последовательно проводилась мысль о необходимости подчинения самодержавной власти закону. Так же как и граф Мордвинов, Сперанский считал, что личность монарха - недостаточная гарантия гражданским правам. Прежде необходим переход к конституционной форме правления, где верховная власть будет ограничена Государственной думой. В свою очередь конституция выступала гарантией гражданским законам, ибо государственной власти будут поставлены прочные конституционно-правовые пределы. Однако эти положения, как и либеральные идеи адмирала Мордвинова, не получили никакого отражения в опубликованном 8 сентября 1802 г. Манифесте, над которым работал Сперанский, ни в основной его работе - "Плане государственного преобразования" (1809 г.). "План" Сперанского был самым последовательным реформаторским документом, исходившим из правительственных кругов. Дворянство отнеслось к нему, да и ко всей деятельности Сперанского, крайне враждебно. Александр, в то время чем-то обиженный на Сперанского, вынужден был уступить - в марте 1812 г. после длительной беседы с царем Сперанский тут же, в течение нескольких часов, был отправлен в ссылку. Однако он еще вернется в столицу, чтобы судить декабристов, чтобы порадеть об одиночном двадцатилетнем заключении своего друга, соратника, соседа наконец - Г.С.Батенькова, чтобы создать Российский свод законов уже в царствование Николая I. Говорят, и он умер "в душе республиканцем", говорят, за него Наполеон сулил Александру любое государство центральной Европы. Это очень вероятно - Сперанский был уди-

вительным, замечательным человеком и тайна его под-
стать тайне императора Александра.

Конституционно-либеральные планы Мордвинова и Сперанского, которые в своих рассуждениях отталкивались от западноевропейского опыта, слишком диссонировали с господствующими интересами дворянства. В такой ситуации трудно было оставаться последовательным, если не в убеждениях, то уж в своих действиях. Ни общество, ни они сами не были готовы к решительным преобразованиям. Еще в августе 1810 года французский посол в России А. Коленкур писал Наполеону: "Это царствование, будучи по форме более либеральным, чем предыдущее, закончится в итоге усилением абсолютизма. Русское дворянство... осуждает всякое правительство, которое допускает, чтобы его власть разделилась с кем-либо"³³.

В начале XIX в. в прогрессивной общественности обсуждалось немало идей, ценных для нас тем, что они характеризуют общественное сознание передовой интеллигенции. Наиболее распространенным было требование частной собственности (Мордвинов, Сперанский, А.С. Кайсаров, В.Ф. Малиновский, И.П. Пнин). Пнин указывал на непосредственную зависимость гарантированных прав человека от наличия права частной собственности³⁴, отстаивая при этом нерушимость монархического правления и сословного неравенства. Вот наиболее распространенное выражение "буржуазного радикализма" начала XIX в., свидетельство просветительского понимания равенства: "Права граждан, без сомнения, - считал Пнин, - должны быть все равны, но *преимущества* их не могут быть одинаковы"³⁵. С монархией связывал гарантии свободы и частной собственности такой

---

³³ Николай Михайлович, великий князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1802-1812. Спб., 1907. Т. 5. С. 93.

³⁴ Русские просветители. Т. 1. С. 194-195.

³⁵ Там же. С. 195.

убежденный противник крепостного права, как А.С.Кайсаров. Более последовательно идеи сословного равенства, свободы личности и частной собственности проводились в трудах демократической интеллигенции, например, В.В.Попугаева, М.Мерцалова, А.С.Лубкина и других. Гарантию буржуазным требованиям они видели только в конституционной монархии.

Столь ценные либеральные идеи оставались достоянием узкого круга. Более причастной духу времени оказалась проблема гарантии прав дворянства. Если наиболее радикальные и демократические требования практически не брались правительством в расчет или сходу отвергались высшим дворянством, принимавшим участие в преобразовательной деятельности, то проблема прав дворянства подолгу обсуждалась в правительстве, что создавало весьма казусную, но предельно характерную для России ситуацию, когда требование феодального права, права для одного класса, четко осознаваемое, совмещалось с довольно туманно представляемыми демократическими требованиями, в частности, требованием сословного равенства.

Одной из основных причин, сдерживавших решительность как либеральных сторонников преобразований, так и консервативно настроенных почитателей просвещенного века, была одна - боязнь, что даже минимум свободы всколыхнет на борьбу народные массы. Вот как мотивировал невозможность ограничения самодержавия в России С.Р.Воронцов, убежденный противник тирании: "Произвести столь существенные изменения в наиболее обширной во всем мире империи, среди народа свыше 30 миллионов, неподготовленного, невежественного и развращенного, и сделать это в то время, когда на всем континенте происходит брожение умов, это значит, не скажу рисковать, но наверное привести в волнение страну, вызвать падение трона и разрушение империи... Нельзя только сразу совершить прыжок из рабства в

свободу без того, чтобы не впасть в анархию, которая хуже рабства"³⁶.

Таким образом, все усилия преобразователей были направлены на введение закона, недопускающего проявление произвола по отношению к дворянству и только в этом плане ограничивавшего самодержавие в России, что, впрочем, не так уж мало, если учесть, что даже этого так и не случилось. Попытки ввести в существующее законодательство статьи, гарантирующие безопасность личности, ее достоинства, право собственности были определенным достижением правового сознания. По сути, это было требование аристократической конституции, которое в условиях неограниченного самовластия, иначе, деспотизма, не поддается однозначно отрицательной оценке. Положение всего народа, всех сословий при деспотическом правлении предельно точно охарактеризовал Сперанский, указав, что в России есть только два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. "Первые называются свободными только в отношении ко вторым. Действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов"³⁷. В таких условиях требование аристократической конституции означало ограничение самодержавия именно в тех его крайних проявлениях, которые были характерны для России. По сути, в те годы решался вопрос о правовом обуздании власти тирана. Реформы могли бы привести к упорядочению законодательства, к изменению структуры государственной власти, к коренным переменам в социально-экономической жизни.

Все передовые идеи в России локализовались в верхушке общества и в большей мере осознавались в качестве морального долга, - в таком виде они не могли представлять большой опасности самодержавию. Не привитые народному сознанию, передовые идеи долгое

---

³⁶ Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 10. С. 99-100.

³⁷ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.:Л., 1961. С. 43.

время оставались нежизнеспособными. Эту характернейшую для общественно-политической жизни России особенность точно сформулировал В.О.Ключевский, говоря о "Плане государственных преобразований" Сперанского: "В Европе возникли движения во имя идей, тревожившие Россию. Она шла против этих движений и возвращалась домой с вызвавшими их идеями, подавляя следствия, усваивая причины. "План" был кабинетным опытом русского правительства сделать для своего народа то, что на Западе народы пытались сделать для себя вопреки своим правительствам"³⁸.

Судьба всех проектов социально-политических преобразований в России, созданных за последнюю треть XVIII - первую четверть XIX вв., оказалась удивительно схожей. Это обстоятельство наводит на некоторые общие выводы.

Самобытное развитие России всегда в большей или меньшей степени испытывало влияние западных идеологий, как правило, принадлежавших качественно иному обществу, более зрелому. Попадая в Россию, они, с одной стороны, стимулировали и направляли ее развитие к уже известному и "апробированному" идеалу, а с другой - не могли не путать ее собственного традиционного хода, как не могли и совершенно сбить с него. Отсюда особая экзотичность русского пути - синтез чужих тенденций и собственных основ, новаторская постановка проблем при традиционном решении.

На формирование политико-правовых взглядов русского дворянства XVIII-XIX вв. опыт европейских стран оказал особенно существенное влияние. Очевидные экономические успехи и преимущества социально-политических устройств молодых буржуазных госу-

---

³⁸ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 253.

дарств являлись сильнейшим притягательным стимулом к использованию готовых политических и юридических форм. Неукорененность или совершенная умозрительность первых политических проектов составляет одну из характернейших особенностей формирования политико-правового сознания российского общества.

Во-вторых, все эти проекты создавались в непосредственной близости от двора (Фонвизина-Паниных, Безбородко), по указанию императора (проекты "молодых друзей" Александра I, Негласного комитета, проекты М.Сперанского, Новосильцова-Вяземского) или в кругах среднего и высшего дворянства с привлечением первых саповников (декабристы).

Важнейшей особенностью существования политико-правовых идей в России была их отчужденность от общественного мнения. Узкий панинский круг, сосредоточенный вокруг опального наследника в Гатчине, не имея сознательной среды бытования новых теорий, практически не давал выхода своим идеям. Они обсуждались в немногочисленном кружке Н.И.Новикова, смутно проглядывали в переписке, но не стали фактом общественного сознания, предметом, на осмыслении которого общество бы возросло. Общество в XVIII в. еще не знало вкуса политической идеи, но именно такое общество получило вдруг книгу А.Н.Радищева. На нее, может быть, и сама Екатерина II не обратила бы внимания, если бы не революция во Франции. Книга была созвучнее французским событиям, чем умонастроению дворянской интеллигенции конца XVIII в., да и не только ей, известно, что все слои русского общества равно отрицательно отнеслись к факту казни Людовика XVI.

Политически неискушенная русская публика получила же почти революционную прокламацию, где содержались призывы свергнуть власть тирана, о чем не думали даже тайные оппозиционеры. Эта книга не соответствовала господствовавшему тогда в обществе взгля-

дам, она была явно преждевременна. Но как началось — так и пошло. Планы панинской оппозиции, несравненно более лояльные, нежели призывы Радищева, планы постепенного стирания различий между сословиями, постепенного ограничения верховной власти более соответствовали состоянию общества и конкретной ситуации. Следовательно, претворенные, они могли бы иметь реальные результаты, результаты реформированного общества, или общества, вступившего на путь реформ. Именно эти планы русское общество вообще никогда не узнало, но узнало радикальные идеи и революционные призывы, по сути, прожектерские, ибо они не имели реальной почвы для своего воплощения, но главное, они ничем не грозили в данный момент самодержавию.

Реакция самодержавия оказалась плачевной не для развития революционных идей в России, но для развития реформаторства. Устранение даже не с политической арены (он таковой не имел), а из общества Радищева и его книги, не имело никаких последствий, ибо это явление не имело корней, но разгром панинской оппозиции, новиковской компании явно отодвигали Россию от цивилизованной дороги вновь на средневековую колею. Начав указом о свободе частных типографий, Екатерина II окончила книжными кострами и указами о казни писателей, замененных пожизненными заключениями.

Обширные планы государственных преобразований, разработанные в царствование Александра I, также не стали фактом общественного сознания, вылились в диспуты чуть более многочисленных, не тайных и элитарных собраний, что предопределило их обреченность, ибо, как заметил А.С.Пушкин, "какой же народ вверит права свои тайным обществам и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры"³⁹.

---

³⁹ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 6. С. 19.

Не имея собственной отечественной школы конституционализма, общественное сознание формировалось на доходивших до него идеологических призывах, предназначенных изначально иному обществу, заразительная агитационность воздействия которых затмевала беспристрастный взгляд, манила политически неискушенную, но готовую на жертвы молодежь России.

Таким образом, вторым объединяющим признаком является определенная элитарность происхождения и среды бытования проектов, что не могло не обусловить логическую цепь последствий.

Однако единственным и главным последствием было именно отсутствие таковых. Это обстоятельство отодвигает на второй план ценность результата сравнительного исследования конкретных проектов, но подводит к необходимости более пристально взглянуть на само общество, которому эти новые идеи предназначались. При Петре I оно училось грамоте, при Анне - языкам, при Елизавете зачитывалось французским романом, а при Екатерине II взялось за политические трактаты - ни одно общество не развивалось так динамично. И все же мы вправе поставить вопрос об адекватности восприятия, о соответствии провозглашаемых идей уровню сознания общества.

Есть одна особенность в восприятии политико-социального развития России, а именно его ход как будто бы подчинен законам обратной перспективы, то есть ближе то, что должно быть дальше. Возможно, это ощущение вызвано тем, что Россия XVII в., доабсолютистское государство, имевшее сословные собрания и аристократическую удельную оппозицию, видится потенциально ближе к правовому обществу, чем Россия конца XVIII в. Развитие неограниченной монархии сопровождается усилением феодального начала в социальной жизни и в политике. А возможно, этот оптический обман связан с побочным эффектом энергических преобразований Петра, который, выбирая из западного опыта

лишь пригодное для усиления российского самодержавия, неизбежно прихватывал что-то, несоответствовавшее современному состоянию общества, и это что-то стимулировало некоторые опережающие процессы, диссонировавшие с данной фазой развития.

Таковыми неизбежными следствиями были повсеместное бытование идей, понятий, теорий, происходивших из раннебуржуазных политико-правовых концепций, которые не могли работать в обществе, едва начавшем освобождаться от религиозного мировоззрения. Однако это не означает, что теории, пригодные более развитому западному обществу, в России исполняли роль мартышкиных очков. Общество XVIII в., превознося и отрицая их, с неизбежностью их же и осмысливало, что определило специфичность сложившейся в России правовой ситуации.

Общественные отношения еще полностью регулировали средневековые права-привилегии, учреждаемые волею в свою очередь неограниченной верховной власти. Последнее обстоятельство обусловило в точном правовом смысле юридическое бесправие всех перед произволом монарха, которому ничто не мешало отменить данные им же или его предшественником привилегии. Члены общества, независимо от сословной принадлежности, перед лицом монарха все были, по выражению Ж.-Ж.Руссо, "равны в бесправии". Так, хладнокровная Екатерина II могла пренебречь указом чувствительной Елизаветы, отменявшем смертную казнь в России. Павел ввел телесные наказания для дворянства, отмененные Екатериной II, а Александр I указом 1822 г., разрешавшим помещикам ссылать неугодных крестьян в Сибирь, отменил свои же постановления об ограничении произвола крепостников. Последние два века, если чего и опасались Романовы, так это только дворцового переворота, или, по выражению мадам де Сталь, сугубо русской конституции - удавки.

И вот в этом еще средневековом по преобладавшему сознанию обществе появилась идея естественного изначального равенства людей, легшая в основу буржуазного права на Западе. В России эта замечательная идея не вырабатывалась всем ходом общественного развития, как на Западе, то есть не общество пришло к ней в силу логики развития и обстоятельств, но она пришла к русскому обществу с новой культурой, в безудержном и хаотическом потоке чужих реалий, в том числе и интеллектуальных. Соответственно она стала достоянием лишь просвещенной элиты высшего общества и прозядала в тайных планах, но и там идеи естественного права не получили адекватного толкования. Так, например, П.А.Строганов, один из "молодых друзей" Александра I, в записке "О состоянии нашей конституции", требуя гарантии "прав нации", не распространял свое понимание нации на крестьянство⁴⁰.

Идея гражданского всеобщего права "принципиально не могла родиться на собственной почве феодальных прав-привилегий", так как раннебуржуазные "права человека и гражданина" не выводимы из средневековых сословно-корпоративных "вольностей". Это ценное замечание Э.Ю.Соловьева помогает нам лучше понять правовую ситуацию в России⁴¹. "Искусственное" появление идеи всеобщего гражданского права в русском обществе надолго обусловило ее реальную недееспособность, а именно, идея изначального равенства напоминала змею, лишенную жала, так как в сознании русского дворянства не проходил принцип именно *всеобщего* (в социально-политическом, юридическом смысле) равенства людей. Как ни стремилась русская аристократия встать "с веком наравне", она была не способна разом выйти за рамки

---

⁴⁰ См.: *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России. С. 100.

⁴¹ См.: *Философия эпохи ранних буржуазных революций.* М., 1983. С. 169-170.

сословно-догматического мышления и отказаться от своих привилегий.

Однако дело не только и не столько в "ограниченности дворянского мировоззрения" - оно было до конца последовательно. Реальная слабость идеи правового равенства связана именно с ее беспочвенностью, несоответствием уровню самосознания русского общества. Жизненность идеи естественного равенства людей может быть обеспечена лишь при условии предельной концентрации воли бесправных, доведенных до предела людей к правовому существованию, то есть к признанию за ними элементарных человеческих прав, как это и было на Западе в ситуации циничного социального гнета.

В России ситуация была иной. Нередко встречавшиеся высказывания современников, в том числе и Пушкина, о том, что русскому крестьянину живется легче, чем, например, английскому, как ни странно, во многом были оправданы. Это мы приучены смотреть на русскую деревню глазами Некрасова, но к тому времени, то есть к середине XIX в., ситуация резко изменилась. В начале же XIX в. наблюдался спад крестьянского недовольства, а из регулярных обзоров III-го отделения с очевидностью следовало, что "настроение умов удовлетворительно только в низших сословиях"⁴². Да, "барство дикое" встречалось повсюду на Руси, но между крестьянином и царем стоял помещик, против которого и был направлен локальный гнев доведенных им же до отчаяния. Помещик, таким образом, ограждал верховную власть от объединенных выступлений крепостных. Но и тот же помещик брал на себя присущие верховной власти патерналистские функции, ибо от благополучия его крестьян нередко зависело и его собственное благополучие. В такой опске

---

⁴² См.: Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая. По донесениям М.Я.Фока А.Х.Бенкендорфу. Июль-сентябрь 1826 г. // Русская старина. 1881. Т. 32, № 9. С. 188; 32. № 11. С. 529.

заклучался часто не принимаемый во внимание весьма бажный элемент ответственности, в том числе и нравственной, помещика за вверенные ему (подаренные) высочайшей волей крепостные души. Факт помещичьей заботы и ответственности, ограждавшей крестьянина в его социальном бесправи, приводил Н.М.Карамзин в качестве довода превосходства крепостного права перед его отменой. Мы далеки от оправдания системы крепостничества, просто необходимо понять, что ее проявления в России были различны. Отечественное отношение к крестьянству в России, очевидно, встречалось не реже зверств Салтычихи. Именно оно двигало Милорадовичем, который, умирая от пули декабриста П.Каховского, завещал освободить своих крестьян. Именно оно владело помещиками, возводившими сельские больницы, школы, подобно Л.Н.Толстому, или выпускавшими книги "Сельское чтение", подобно князю В.Ф.Одоевскому.

О социальном гнете церкви в России вообще следует говорить весьма осторожно. Православная церковь была заложницей самодержавия, а бесправное положение духовенства, часто материально зависимого, приближало его более к народу, к низшим слоям общества.

Так что если и были в России механизмы социального и экономического угнетения народа (а они были), то были и механизмы снятия социальной напряженности. Такая ситуация благоприятствовала возможности внеправового бытования народа. Механизмы сдерживания социальной активности одновременно обеспечивали и лояльность сословий.

Пока идея правового равенства была достоянием только высшего общества (интеллектуальным трофеем), она была безопасна. Отсюда такая непоследовательность политико-правовой мысли и деятельности в конце XVIII - начале XIX вв., ибо тот класс, который ею обладал, все-таки не был так беспредельно унижен и угнетен. Идея естественного права начинала приобретать свою

взрывную силу лишь тогда, когда субъектом права стал ощущать себя крепостной раб. Не ранее чем к концу 40-х началу 50-х гг. XIX в. идея равенства в общественном сознании стала приобретать сколько-то строгий юридический смысл, что воплотилось в судебной реформе 1864 г.

До середины 30-х гг. все общество, все сословия, правда, в различной степени последовательности, мыслило себя в категориях религиозно-нравственных, отсюда "книжность" идеи социального равенства по праву. Более понятной оставалась христианская идея равенства, основанная на евангельских принципах равенства всех перед Богом.

О том, что идеалы равенства, в 20-30-е гг. XIX в. манившие средний и низший люд, исходили из христианского идеала, свидетельствуют отчеты III отделения, российского политического сыска, объективность которых у нас нет оснований отрицать, ибо носили они сугубо "служебный" характер. У партии мистиков много приверженцев в городах среди дворянства, чиновников и монахов, почему они и поддерживают сношения с некоторыми раскольничьими сектами. Возможно, что найденные во многих местах империи афиши и плакаты с призывами к восстанию исходят из этого источника. Главной доктриной большинства сект в той или другой форме было всегда равенство согласно евангельскому слову. Это было доказано при раскрытии тайн секты мартинистов или Новикова⁴³. Возможно, не без основания тень московских масонов и в 1830 г. беспокоила правительство, во всяком случае, нам важно то, что идея социального равенства связывалась по-прежнему, как в веке XVIII, с христианскими идеалами. В российских условиях преломленная в требование отмены крепостного права, она получила широкое распространение в

---

⁴³ Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827-1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 37 (6). С. 143.

массах не столько, думается, потому, что Сен-Симон повлиял на Белинского, а Белинского читал русский крестьянин, сколько в силу укорененности христианских идеалов в социальных низах. Под "расколом" обобщенно понимались секты, которые равно воспринимались в тех или иных местах как хранители истинной веры. Главной идеей, утешавшей народ в те годы, оказывалась идея христианского равенства. Между ней и идеей политической свободы, двигавшей оппозиционностью дворянской аристократии в конце XVIII - перв. четверти XIX вв., лежала пропасть.

Глава III. Рубеж свободного выбора

Очевидно, лишь с большими оговорками определенная часть русского общества может рассматриваться как полномочный выразитель самосознания всего народа. Если правомерно утверждение, что самосознание общества выражает его наиболее просвещенная, рефлексизирующая, мыслящая часть, в том числе и потому, что более иных владеет даром самовыражения, то правомерно также и то, что не в меньшей мере лицо эпохи представляет общество, не то чтобы не мыслящее, но та часть общества, которая далеко не всегда в рефлексизирующей верхушке своих социальных представителей согласна видеть и своих выразителей. Как правило, это большая часть общества и есть опора власти, ее негласная поддержка, выражение консервативной направленности развития. Именно о ней писал А.Х.Бенкендорф в 1821 г.: "Утвердительно можно сказать, что внутри России и не мыслят о конституции. Дворянство, по одной уже привязанности к личным своим выгодам, никогда не станет поддерживать какой-либо переворот; о низших же сословиях и говорить нечего: чернь всегда и везде была и будет чернью. Русские очень привыкли к образу настоящего правления, под которым живут спокойно и счастливо и который соответствует местному положению, обстоятельствам и духу народа, и что и мыслить о переменах не допустит"¹.

Этим описанием, пусть лица заинтересованного, мы и ограничимся, однако в дальнейшем все же будем учитывать инерционную роль этой социальной силы.

---

¹ Записка А.Х.Бенкендорфа о тайных обществах в России // Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826-1855. Спб., 1909. С. 580.

Рассматривая историческую ситуацию начала XIX в. в России, да и в Европе в целом, в первую очередь приходится учитывать "эффект присутствия Наполеона". Этот выскочка, французский император, поражал современников какой-то фатальной удачливостью и разрушительной энергией. Наполеон являлся наглядным уроком бездействия правительства и угрозой абсолютным монархиям. Именно с Наполеоном император Александр Павлович вступил в единоборство, возглавил борьбу по созданию международной коалиции против Франции, понимая, что от исхода ее усилий зависит судьба российского самодержавия.

Если внешняя политика Александра I преследовала цель военного поражения Франции, то во внутренней политике русский царь исходил из стремления предотвратить повторение пагубного примера, предупредить угрозу, заявленную свободной Францией. Это был именно тот конкретный случай, когда "импульс буржуазного развития идет не только (а порой и не столько) изнутри, но и извне, от уже сравнительно развитого буржуазного Запада, который выступает как в качестве примера, так и в качестве внешней угрозы"². Александр I, не сбременя себя сомнениями, является ли и насколько Россия европейской страной, всеми помыслами и силами стремился к титулу "Император Европы", который до поры носил Наполеон. Это вторая, очень характерная для всей эпохи Александра I черта - "эффект включенности в Европу" - определяла общественное сознание того времени. Император, видя упоительную силу и заразительность провозглашенных свобод и идеи гражданского равенства, мог опасаться разрушительных для трона последствий, но претила ему, в то же время, и слепая реакция. Цель политики Александра I заключалась в предотвращении равно как революции, так и реакции путем введения либерально-буржуазных принци-

---

² Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Указ.соч. С. 25.

пов в рамках "законно-свободных учреждений" в условиях монархического правления.

Это был тот редкий случай, когда самодержавие, адекватно оценивая ситуацию, осознавало единственно верную возможность либерального развития и в этом направлении сосредотачивало свои усилия, не дожидаясь социального кризиса. Таков был свободный выбор русского царя и он соответствовал конкретной исторической фазе развития русского государства. Возможно, поэтому молодой русский император занял лидирующее положение среди европейских монархов, пользуясь безусловным авторитетом. Обновление, по мысли Александра I, должно было охватить все государства Европы - внешнеполитические проблемы занимали его тогда едва ли не больше, чем внутренние. Он горел желанием совершенствоваться если не мир, то хотя бы Европу. После победы над Наполеоном Александр пытался проводить принципы теории "вечного мира", который устанавливается, по мысли основателя этой теории Сен-Пьера, в ходе постепенного совершенствования правительства. Конкретную же форму совершенствования правительств Европы Александр I связал с идеей герцога Скоули об организации "лиги христианских государств", положив ее в основу "Священного союза". По замыслу, монархи, влившиеся в "Священный союз", "соединенные узами братства", в своих действиях должны были руководствоваться "заповедями святой веры и законами Бога Спасителя". Подданные "Священного союза" составляли единое христианское сообщество вне конфессиональных и национальных отличий.

Александр I, действительно, был незаурядной личностью. По тому, что было им задумано, можно предположить, что Россию ожидала встряска не меньшей силы, чем устроенная сто лет назад Петром Великим. Он слишком хотел видеть Россию не просто обновленной, не только европейской, но ведущей европейской державой, первой в едином христианском содружестве.

Однако Александр переоценил свои силы: политика "Священного союза" свелась к так презираемой им реакции. Внутри страны император не решился на "коренные преобразования". Ничего из столь мудро задуманного Александром I не было реализовано - о его деятельности следовало бы писать в сослагательном наклонении. Отдельные принятые законы касались в основном усиления централизации государственной власти и исправления злоупотреблений, допущенных Павлом I. Александр так и не решился ввести конституцию в России.

Один из последних конституционных проектов правительства "Уставная грамота" (1820) (над ней работали Н.Н.Новосильцев и П.А.Вяземский, находясь на службе в Польше) была опубликована польскими повстанцами только в 1831 г., что послужило поводом для беспокойства уже Николая I. Тогда же он написал князю Варшавскому: "Напечатание сей бумаги крайне неприятно; на сто человек наших молодых офицеров девяносто прочтут, не поймут или презрят, но десять оставят в памяти, обсудят - и главное *не забудут*. Это пуще всего меня беспокоит"³.

Мертвящее царствование Николая I, так поразительно лишенное какой-либо идеи конституции, есть расплата за нерешительность старшего брата.

Осознание полного краха внутренней и внешней политики весьма угнетало Александра I в последние годы. Великий князь Николай Михайлович, описывая состояние и поведение Александра I в 20-е годы, указывал как на наиболее характерные: психоз, разлад духовный, сумбур разума и мыслей, метания нравственно расстреленного человека, упомянул даже о "полном маразме в характере" своего венценосного родича, насту-

---

³ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1903. Т. 2. С. 390.

пившего перед кончиной⁴. Печальный исход царствования проще всего объяснить личными чертами Александра I, его слабой волей при упрямстве, непоследовательностью при высокомерии, нерешительностью при некритичном представлении о своих возможностях, подозрительностью и недоверием сподвижникам, что вряд ли вполне будет убедительным, хотя сама личность Александра Павловича, над загадкой которой бились многие историки, безусловно, в немалой степени определяла характер развития событий. И все же Россия XIX века - самодержавно-дворянское государство.

Что же представляло собой русское общество в начале XIX в. и, в частности, господствующее сословие, опора государя, дворянство? Возможно, ответ на этот вопрос позволит понять, почему, в силу каких причин невиданный всплеск общественной активности закончился приобретением лишь горького опыта в деле продвижения по пути, как было принято тогда говорить, к обществу всеобщего благоденствия? Почему столь модная идея гражданского общества, с которой вступил на царствование Александр I, провозгласивший "важнейшей задачей своего правления - установление прославленных прав гражданина", была им же с удивительной легкостью отвергнута? Почему российской истории пришлось пережить вариант, предложенный официальной идеологией, вариант, по сути, даже не консервативный, но сугубо реакционный?

Содержание общественных процессов, происходивших в России в нач. XIX в., в значительной степени было определено событиями Великой французской революции. На революцию так или иначе отреагировали все

---

⁴ Николай Михайлович, великий князь. Император Александр Первый. Спб., 1912. Т. 1. С. 249. 212.

слои общества, но реакция с развитием событий во Франции была различной - от "энтузиазма негоциантов, купцов, мещан", вызванного известием о падении Бастилии, до волны самоубийств в 1793 г.

Французская революция, так потрясшая русское общество, преследовала буржуазно-демократические цели и в результате свергла абсолютную монархию, провозгласила гражданское равенство, отмену феодальных привилегий. В России же за последние десятилетия XVIII в. крепостной режим достиг своего апогея при безусловном укреплении самодержавия. Это несовпадение не было и не могло быть тогда осознано обществом. Опыт Французской революции был так близок, идеи, ее подготовившие, давно знакомы, - многим казалось, что достаточно правительству Александра I предпринять ряд мер, чтобы, избежав кровопролития, достичь тех же результатов.

Привилегированная часть общества с падением Павла I, получив право вновь носить французские шляпы и читать французские газеты, была уже вполне довольна, а с возвращением дворянских привилегий, отнятых Павлом, дворянство имело основания более ничего не желать.

Тем не менее общественное мнение объединяло осознание необходимости коренных преобразований. В течение 20-ти лет в правительственных и оппозиционных кругах не прекращалась работа над проектами всевозможных реформ и конституций. Это было время деятельного законотворчества. Вопросы о преобразованиях в России посвящали свои "Записки", предназначенные Александру I, Лагарп, его учитель, А.Р.Воронцов, М.М.Сперацкий, Н.М.Карамзин, не говоря уже о многочисленных программах дворянских оппозиционеров. Результатом было все то же удивительное несоответствие задуманного и исполненного - роковая черта Александрова царствования.

В начале XIX в. русское государство пребывало в состоянии экономической и политической стабильности. Эта ретроспективная оценка совпадает с самоощущением русского общества того времени, которое институт крепостничества и институт самодержавия за редким исключением воспринимало как незыблемые. Практически все просвещенное общество, включая демократические слои, приветствовавшие подписание Людовиком XVI конституции, отрицательно восприняло известие о свержении монархии⁵. Весь пыл общественной полемики тех лет свелся в результате к проблеме ограждения от произвола тирана, чем так напугало русское общество пребывание у власти императора Павла.

При всех отличиях предложенных в то время программ или проектов общими были, во-первых, антиитиранические устремления, во-вторых, антиреволюционная убежденность, то есть признание только мирных путей преобразования общества. Свержение монархии во Франции, кровавые ужасы 1793 г., тирания Павла и диктаторство Наполеона - эти события в совокупности явились причиной того, что для всех, даже демократических слоев, и революция, и тирания были равно неприемлемы. Эту парадоксальную, но лишь на первый взгляд, зависимость остроумно отметил Н.М.Карамзин: "Что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оногo"⁶. Таким образом, в различных кругах, настроенных разнo, равно цeло осмысление актуальнейших социально-политических проблем, касавшихся положения России. Общественное сознание в первую четверть XIX в. развивалось именно в этой атмосфере при выраженных социально-политических приоритетах.

---

⁵ См.: Штрамге М.М. Русское общество и Французская революция. 1789-1794. М., 1956. С. 129-139.

⁶ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. Спб., 1914. С. 42.

Для массы крепостного крестьянства ни проблемы форм политического устройства, ни проблемы прав не стояло: массовое сознание еще не владело этими понятиями и уж во всяком случае не могло их выдвинуть в качестве политических требований. Пугачевское "дать волю" было лишено осознания исконно присущей человеку свободы, свободы как данности, как естественного права. Оттого понятное стремление русского крепостного не быть рабом органично уживалось с рабским сознанием. Не знающая сомнений вера в царя при отсутствии оформленного правосознания на деле означала бесконечное терпение низов.

Правительство стремилось при неперменном сохранении помещичьего землевладения повысить заинтересованность крестьян в труде, а главное, нейтрализовать или сгладить проявления постыдного для страны рабства. Предлагаемые полумеры были непригодны для снятия последствий внеэкономического принуждения. Например, указ о разрешении купцам и казенным крестьянам покупать ненаселенные земли (от 12 декабря 1801 г.) и указ о вольных хлебопашцах (от 20 февраля 1803 г.) имели незначительные последствия в силу чрезвычайно низкой покупательной способности крестьян. Более решительные проекты (О.П.Козодавлева, Н.С.Мордвинова), предусматривавшие возможности откупа крестьян, то есть чуть затрагивавшие интересы помещика, просто не проходили в правительстве. Все же отдельные мероприятия способствовали процессу расщепления крестьянства, содействовали укреплению материального положения сравнительно малочисленной зажиточной части казенного крестьянства.

Проявление мелкобуржуазных устремлений крестьянства в экономическом плане сдерживались крепостным состоянием, делавшим возможными только внеэкономические формы принуждения. Соответственно способность крестьянства как-то откликнуться на буржуазные проекты вообще была крайне мала, к тому же

крестьянский вопрос в правительстве рассматривался крайне медленно и далеко не последовательно, а сама работа над этими проектами носила закрытый характер⁷.

Решение крестьянского вопроса становилось все более трудным по мере его оттягивания, однако факт был в том, что освобождение крестьян в начале XIX в. было невозможно. Во-первых, господствовало мнение, что нельзя дать вдруг крестьянину свободу, не избежав социального катаклизма. "Дать свободу" тогда означало освободить без земли, ибо отнять землю у ее землевладельцев правительство не могло. Ожидаемый взрыв мог быть вызван невозможностью распорядиться свободой в силу слабого развития рынка, частного предпринимательства и всех необходимых структур, с этим связанных, что ставило бы сразу в затруднительное положение как землевладельца, так и свободного крестьянина. Так что в начале XIX в. боялись бунта свободных, а не бунта крепостных.

Нежелание дворянства идти на отмену крепостного права, часто представляемое в литературе как главный тормоз реформ, заслоняло другую, более серьезную причину. Крепостное право, противопоставляя помещика и крестьянина, выводило самодержавие на неуязвимую вершину третьей ступени, укрепляя тем его позиции. Крепостничество питало силы самодержавия.

Наконец, немалая роль принадлежала тогда и моральному аспекту проблемы. По общему мнению, рабская психология считалась уже укорененной в сознании непросвещенного крепостного, который просто не смог бы справиться с благом свободы, - спился бы или обленился без кнута. Таков был общий глас. Даже Карамзин, исходя из собственного опыта, считал, что освобождение крестьянам принесет лишь вред. Надо сказать, что просвещенное сословие отличала удивительная нравствен-

---

⁷ См. подробнее: *Мироценко С.В.* Указ.соч. С. 51-146.

ная терпимость, сострадание душевладельца умолкало при трезвых доводах человека, живущего чужим трудом. Резкие слова Пушкина о том, что сожаления о судьбе русского крестьянина были "тогдашним модным красноречием", во многом не лишены основания⁸. Нередко хозяином не ведавших о своем естественном праве на свободу крестьян был прехвещенный барин, весьма трезво и современно рассуждавший об изначальности свободы личности, как, например, Андрей Сергеевич Кайсаров, друг братьев Тургеневых, Жуковского, участник "Дружеского литературного общества", известного вольномыслием. В своей работе "Об освобождении крепостных в России" (1806) он писал: "Человек рождается свободным и никому не дано права быть господином над другими, говорит каждому явственно его здравый смысл"⁹. Большинству же здравый смысл подсказывал не торопиться с освобождением крестьян.

И все-таки развитие гражданского строя в России, распространение статуса свободного гражданина и на крестьянство, при условии сохранения самодержавного строя, вряд ли бы имело искомый результат. Как показало развитие пореформенной России, гражданские свободы неразрывны со свободами политическими, то есть с законодательным ограничением верховной власти. Но ставя вопрос таким образом, мы уходим от адекватной реконструкции конкретной ситуации в общественном сознании, навязывая более поздний подход к проблеме в попытке расставить то, что складывается произвольно в силу естественного исторического хода. Если на Западе верховная власть чаще выступала заложником тех или иных социальных интересов, то в России расстановка сил была прямо противоположной: сословия оказывались заложниками политики правительства. Поэтому наиболее сознательной части общества доставалось в

---

⁸ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 6. С. 347.

⁹ Русские просветители. Т. 1. С. 360.

удел лишь обсуждение правомерности того или иного действия правительства, - правительства, либо убежденного этой, осознавшей историческую необходимость, частью общества, либо напуганного угрозой народного бунта, но в любом случае правительства. И решение крестьянского вопроса, и установление конституции в XIX в. равно зависело от воли правительства.

Однако одно - воля правительства, другое - общественное мнение. В общественном мнении первой четверти XIX в. предпочтение отдавалось все же конституции, которая в свою очередь давала бы ход решению крестьянского вопроса. В то же время характерен был тип монархиста, убежденного противника крепостного права, каким являлся, например, Н.И.Тургенев. В известной книге "Россия и русские" он запечатлел спор оппонентов. "Добрый адмирал, - вспоминал Тургенев о своем разговоре с Н.С.Мордвиновым, - не придавал должного значения огромному злу, проистекавшему от рабства. Он хотел политической свободы, и особенно верхней палаты, организованной аристократии; он восставал с благородным и горячим негодованием против всемогущества императорской власти. Я говорил, что пока крестьяне не освобождены, я готов мириться с этой властью, лишь бы она только была упогреблена для освобождения страны от чудовищной эксплуатации человека человеком"¹⁰. Как известно, Николай Тургенев не смог примириться с крепостнической Россией и навсегда покинул ее, правда, в эмиграции он проживал деньги с имения, которым владел его брат, А.И.Тургенев.

Примечательно то, что готовность мириться с самодержавием выражали многие радикально настроенные противники не только крепостничества, но и режима - А.И.Герцен тому яркий пример, питавший иллюзорные надежды на возможность установления граж-

---

¹⁰ Русские мемуары. Избр.страницы. 1800-1825. М., 1989. С. 296.

данского общества в самодержавном государстве. Субъективно эти надежды основывались всегда на личности правящего государя. Пушкин был, пожалуй, ближе к истине, указывая на полнейшую взаимозависимость проблем: "Нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян"¹¹.

Постепенное становление и укрепление гражданского строя, безусловно, благотворно повлияло бы на повышение правовой сознательности народа. Распространение права частной собственности на все слои общества означало бы образование предпринимателя-собственника, кровно заинтересованного в правовых гарантиях, что обеспечило бы неизбежный переход к конституции. Таков идеальный или просто наиболее рациональный путь к правовому государству, по которому прошли передовые страны Запада. Правда, и для них он не был усыпан розами, тем не менее они были последовательны в своем продвижении.

Мог ли повторить этот путь Россия тогда, в начале XIX в.? Гипотетически - да. Реально - нет. Все та же бездна причин, где одна рождает другую. И первая - своенравный нрав самодержавия, в отличие от западных монархий не ограниченный никакой второй силой - ни сувереном, ни церковью, ни, уж конечно, средним сословием, буржуазией. Необузданная воля самодержавия, мыслившего себя как выразителя воли Бога, была плохим гарантом последовательному развитию гражданского строя. Ее постоянно коррелировали как личные качества императора, так и стечение обстоятельств, коренным образом влиявших на дальнейшую политику, такие как, например, казнь Людовика XVI, европейские революции нач. 20-х гг. XIX в., 14 декабря 1825 г., 1 марта 1881 г. и так далее.

Во-вторых, крепостничество в своих российских формах также не повторяло западное феодальное право.

---

¹¹ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 7. С. 162.

Отмена крепостного права означала бы для самодержавия крушение занятой им чрезвычайно выгодной позиции, при которой, используя противоборство двух сторон, дворянства и крестьянства, оно могло вести свою линию, определяемую интересами сохранения абсолютной власти.

Проблема крепостничества, помимо всего сказанного, выявляла феномен чисто русского отношения к праву. Крепостническое сознание, которому было подвержено практически все общество, исключало проблему крепостной зависимости из объективно-правового подхода, оставляя для ее решения какую-то иную, псевдоправовую лазейку. Это обстоятельство чрезвычайно точно подметил В. Леонтович: "Налицо было сознательное стремление трактовать крепостное право как отдельную правовую систему, иную, чем право всех других сословий"¹². Патриархально-патерналистское восприятие крестьянства характерно было для сознания всего дворянского общества, а не только правительства. Оттого крестьянское сословие в России так и не получило статуса равного в правах гражданина, то есть и после реформы 1861 г. не приходится говорить об установлении гражданского строя. Наше видение ситуации подтверждает мнение авторитетного историка: "Новая гражданственность" и новый правопорядок хотя и зарождались в результате реформ, но сохранились традиционные государственность и политическая культура, сложившиеся на основе крепостного права. Россия оставалась страной верноподданных, а не граждан, страной авторитарного режима"¹³.

Гражданский строй не устанавливается в одночасье даже в результате реформы, но создать условия тому в России в начале XIX в. было не только во власти правительства, но и ему под силу. Готовность общества к пе-

---

¹² Леонтович В.В. История либерализма в России. С. 202.

¹³ Захарова Л. Освободительные реформы в России 1861-1881 // Знание сила. 1992. № 2. С. 21.

ременам в то время - факт бесспорный. Народ, освободивший страну от Наполеона, ждал справедливой награды. Дворянство осознавало свой долг перед народом. Мнение многих выразил П.Вяземский: "Рабство - одна революционная система, которую мы имеем в России"¹⁴. Смысл этих слов был обращен, конечно же, к правительству, ибо тогда только оно одно и имело реальную силу, но правительство еще не связывало крепостное право с угрозой самодержавию. И все же династические интересы здесь как бы начинают расходиться с интересами государства: Александр I мог сдвинуть Россию, но и нынешнее ее положение как будто бы ему ничем не грозило. Александр колебался. Это в его царствование образовалась трещина, которая с тех пор будет расходиться, в его царствование пролегла грань между государственными и династическими интересами. Именно здесь, в этой точке мы видим начало конца самодержавной России.

Общество же еще надеялось на высочайшую волю и высочайший ум. Среди передовой интеллигенции начала XIX в. чрезвычайно активно обсуждались проблемы сословного равенства и свободы личности, но идеи вспыхивали и гасли. Адмирал А.С.Шишков был не так далек от истины, когда сетовал, что "превратно понятые имена вольности и равенства" возникли из "хаоса Французской революции"¹⁵. Пока на сцену не выступили декабристы все эти обсуждения передовых идей можно сравнить с любительской постановкой пьесы.

Явление декабризма менее всего ограничивается формальными рамками тайного Общества. Небольшая часть дворянского общества в декабре 1825 г. взяла на

---

¹⁴ Переписка кн. П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1820-1823 // Остафьевский архив князей Вяземских. Спб., 1899. Т. 2. С. 16.

¹⁵ *Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шихова*. Берлин, 1870. Т. 1. С. 84-85.

себя ответственность открыто заявить о своем, как им казалось, более соответствовавшем интересам России, понимании "порядка вещей". Предельная условность границы между обществом и тайным Обществом объясняется вовсе не тем, что сами будущие декабристы и составляли это общество, постоянно и тесно общались с "недекабристами". Дело даже не в тактических расхождениях декабристов с Вяземским, Сперанским, братьями Тургеневыми, декабризм - это нетерпеливое, пылкое, часто пристрастное служение идеям, которые составляли мыслительную атмосферу всего русского дворянского общества последней трети XVIII - первой трети XIX вв. В этих же теоретических координатах шло развитие политических взглядов "недекабристов" - М.М.Сперанского, Н.С.Мордвинова, П.А.Вяземского и многих других, не принадлежавших тайному Обществу. Вне господствовавшей либерально-конституционной атмосферы не понять Грибоедова, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Воронцовых, Раевских, Орловых, вообще все царствование Александра I и даже начало царствования Николая. Причем сильный привкус национализма вовсе не противоречил европейскому пафосу преобразователей, напротив, он составлял неременную черту подобного рода процессов.

Молодой и сильный национализм радикальной оппозиции Александра царствования, по сути, был весьма противоречив. Получив энергетический заряд в Отечественную войну 1812 г., он, с одной стороны, легко уживался с западноевропейскими ориентирами декабристов, но, с другой - явно подогревался космополитической политикой Александра I. Это противоречие одной формулой отразил Г.Федотов: "Декабристы - завершители старого века. Их либерализм питается национальной идеей". При таком национал-либеральном взгляде Россия выступала незаслуженно обиженной по сравнению с развитыми странами Европы и даже с ближними российскими провинциями - Польшей и Финляндией.

Над аналитическим здесь преобладал эмоциональный подход: народ, победивший тирана-Наполеона, подчинившего себе всю Европу, несправедливо прозябает в рабстве. Такая логика при всей ее правомочности отодвигала на второй план учет особенностей и закономерностей исторического развития русского государства.

В начале XIX в. радикальное крыло дворянской оппозиции вступило в конфликт с государственной властью, противившейся, по ее разумению, немедленному перенесению достижений западной цивилизации в Россию. В этой логике правительство выступало непатриотично, действовало не в интересах нации. Соответственно пафос радикальной оппозиции сосредоточился на идее спасения России с окончательной целью создания могущественной славянской цивилизации - панславянского мира.

Неформализованное бытование декабристской концепции оградило ее от окончательных выводов. Все осталось лишь в тенденции: предпанславизм, предславянофильство, предмессионизм. Однако направленность все же вырисовывалась, и ей уже тогда, в начале XIX в., противостояло иное видение, правда, тоже пока неоформленное. Еще в "Письмах русского путешественника" Н.М.Карамзин обмолвился: "Главное дело быть людьми, а не славянами". Перестановка смысла едва заметна, а сами тенденции столь зыбки, что имена участников диалога можно легко поменять местами, если только за цитатами обратиться, с одной стороны, к Северному крылу декабристского движения, а с другой - к "Истории государства Российского" Карамзина. Универсализм и открытость эпохи Александра I давали простор парадоксальным толкованиям. Противоречия отражали свойства эпохи и ими же снимались. "Нет, кто знает Карамзина, - говорил А.И.Тургенев, - только по его "Истории" - не знает его! Он, помнится, прибавляет: "Что хорошо

для людей вообще, то не может быть дурно для русских¹⁶.

Уравновешенность позиции Карамзина в силу своей универсальности была более основательной. В основе его концепции лежал принцип историзма. Известны его слова: "Не требую ни конституции, ни представителей, но по чувствам останусь республиканцем и притом верным подданным царя Русского: вот противоречие, но только мнимое"¹⁷. Противоречие, действительно, мнимое. Факт пригодности самодержавия на нынешнем этапе развития России не отрицает возможной исторической эволюции к республике в принципе. Как равно признание исторической правоты самодержавия в данной конкретной ситуации не может опровергнуть объективного превосходства правовой либеральной государственности.

Самосознание русского общества формировалось в постижении передовых идей эпохи и обретало свое лицо в осмыслении их применимости для России и пригодности России для них. И декабристы, неотъемлемая часть общества, мыслили в тех же мировоззренческих категориях, свойственных сознанию русского дворянства. Соответствовавшие такому миропониманию ценностные ориентиры в конечном счете выступили бессознательным регулятором действий декабристов, с очевидностью менее последовательных, чем их теории. Именно с особенностями дворянского миропонимания связаны коренные объяснения феномена декабризма.

А если это так, если судить о декабристах, принимая во внимание господствовавшие в русском обществе мировоззренческие установки, то необходимо признать, что в декабристском движении эти установки проявились со всей очевидностью, ибо они-то и держали под

---

¹⁶ Переписка П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым // Оставьевский архив. Спб., 1899. Т. 3. С. 204-205.

¹⁷ Карамзин Н.М. Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву Спб., 1866. С. 248-249.

узды молодых генералов и юных поручиков. Такой уздой были, во-первых, неизжитость установки богоданности и нерушимости самодержавия в России, а во-вторых, преобладание нравственных императивов над политической волей.

Поколения дворян, жившие в эпоху Екатерины II, Павла I, в царствование его сыновей Александра и Николая, были последними, кто родился в сознании извечной данности самодержавия. Здесь неизбежны вопросы: а Пестель? а Рылеев? а планы цареубийства и тем более сами дворцовые перевороты, разве не дела и мысли тех же дворян? На последний ответить легче: цареубийство не отрицает принципа незыблемости института монархии. Правда, Французская революция и казнь Людовика XVI сыграли огромную роль в разрушении традиционных установок. Однако ни радищевский радикализм, ни республиканизм Рылеева, ни демократизм Пестеля для того времени не были характерны. Не только общество не воспринимало радикальные планы, но и для самого декабристского движения радикализм был нехарактерным эпизодом, сознательно преувеличивавшимся в различное время в различных идеологических интересах. Декабризм как социально-политический феномен развивался в идейно-теоретических пределах конституционного монархизма. Только в таких содержательных границах он был воспринят и поддержан обществом, что и позволяет нам говорить о русском обществе первой трети XIX в. как о поколении декабристов.

Общественное сознание в начале XIX в. еще не тяготил синдром абсолютности монаршей воли. Именно он как психологическая подоснова восприятия верховной власти дворянством обусловил зависимость любого проявления общественной самодеятельности от этой высочайшей воли. Проще говоря, даже просвещенное русское общество полностью зависело от прихоти самодержца, которому вольно было прорубить окно в Европу, вольно переписываться с безбожным Вольтером, вольно

дать своим внукам в учителя республиканца, что с неизбежностью толкало общество к усвоению новых увлечений монарха. Наконец, вольно было обмануть все поколение надеждой. "Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России, - писал А.Бестужев-Марлинский Николаю I из крепости в 1826 г. - К несчастью, обстоятельства того не допустили. Правительство само произнесло слова: "Свобода! освобождение!" Само рассеивало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона"¹⁸.

Граф А.Х.Бенкендорф, глава политического сыска, который, кстати, также как и декабристы начинал с масонских лож, сумел выразить роковую зависимость судьбы своего поколения от грез его господина. В разговоре с Николаем I, когда речь зашла о князе Петре Андреевиче Вяземском, Бенкендорф сказал императору, что все ошибки князя "были ошибками, свойственными всем нам, всему нашему поколению, которое прежде царствование ввело в заблуждение"¹⁹.

Практически эти же слова сказал императору Николаю I и Н.М.Карамзин во время восстания декабристов. Ту же мысль, мысль о не-превосходстве общества перед своим монархом, Карамзин выразил в письме кн.Вяземскому, как только узнал о кончине Александра I: "25 лет мы, невинные и неподлые, жили мирно, не боясь ни тайной канцелярии, ни Сибири: скажем ему спасибо... Если он как человек не был лучше нас, то и мы все вместе не лучше его"²⁰. Подобное свидетельство общественной рефлексии над предметом российской власти было еще невозможно в XVIII в., когда общество

---

18 Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. С. 510.

19 Вяземский П.А. Письма к жене за 1830 г. // Звенья. М.:Л., 1936. Т. 6. С. 234.

20 Письма Н.М.Карамзина кн. П.А.Вяземскому. 1810-1826. Из Остафьевского архива. СПб., 1897. С. 168.

не только не мыслило себя вне монаршей власти, но и не отделяло себя от нее.

Декабризм как явление русской истории имеет две стороны - теоретическую и практическую. Теоретическая сторона декабризма формировалась в классических образцах западноевропейских либерально-буржуазных и радикальных течений. Она была вполне на уровне передовых движений, организаций и идеологий развитых западноевропейских стран. Практическая же сторона дела обусловлена всем социально-психологическим комплексом, завязанным на особенностях национального развития. Здесь мы имеем в виду не практику тайных обществ, а именно выход, само стояние и какое-то непонятное бездействие декабристов на площади. В поведении декабристов 14 декабря, в том, как они действовали, нам видится прямое подтверждение того, что сознание общества еще не освободилось от монархической установки.

О действиях декабристов 14 декабря написаны книги, но в каком-то ином повороте главным событием мы видим все же отсутствие таковых, отсутствие активной воли, а имевшие место события, как, например, смертельное ранение генерала Милорадовича выглядит случайным. В то же время неслучайно не-убийство Николая I, как неслучаен не-выход диктатора князя С.Трубецкого, Г.Батенькова, как не случайны потерянные метания по городу К.Рылеева. Сомнения, не трусость, сомнения мутили ум, сковывали волю. "Возникло во мне сомнение: я спрашивал себя, имеем ли мы право, как честные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринимать государственный переворот и свой образ воззрений на государственное устройство налагать почти насильно на тех, которые, может быть, довольствуясь настоящим, не ищут лучшего, если же

ищут, то... стремятся к нему путем исторического развития"²¹.

Дворяне не могли чувствовать себя вправе судить царя открыто, даже если они могли прибить табакеркой или придушить его тайно, но при согласии наследника престола. На восстании декабристов закончилась тактика дворцовых переворотов. Немалую роль играло также и то обстоятельство, что образ действий и мыслей декабристов в большой степени был обусловлен масонской принадлежностью многих. Масонами были Рылеев, Пестель, Лунин, братья Муравьевы-Апостолы, братья Кюхельбекеры, Н.Муравьев, Батеньков, Фонвизин, Н.Тургенев и другие. Масонами были их кумиры: Пушкин, Чаадаев, Дельвиг, Грибосдов и т.д. Масонство в России - это в первую очередь сосредоточение на нравственных основах бытия, это религиозно-нравственный круг чтения и размышления, это предпочтение сугубо этических форм и нравственных средств преобразования общества перед политическими.

В воспоминаниях князя Евгения Оболенского о Союзе Благоденствия явно слышится голос масона. Первою целью Союза он назвал "нравственное совершенствование каждого". Признание декабриста ценно как редкое свидетельство происходившей внутренней борьбы между нравственными убеждениями членов общества, в личностном совершенствовании видевших пути достижения общего блага, и сознанием необходимости политического выступления. Оболенский признавался, что выбор определило данное слово чести участвовать в деле, но не убеждение в правомерности восстания. Отсюда обостренное понимание жертвенности шага и предвидение еще до начала восстания его обреченности²². "Я смутно понимал, - вспоминал

---

21 Воспоминания князя Е.П.Оболенского // Общественные движения в России в первую половину XIX в. Спб., 1905. Т. I. С. 243.

22 См.: Общественные движения в России в пер.полов. XIX в. Т. I. С. 250.

Е.Оболенский, - что кроме законов уголовных, гражданских и государственных, как выражения идей свободы, истины и правды, в государственном устройстве должно быть выражение идеи любви высшей, связующей всех в одну общую семью"²³.

Внутреннее, очевидно, неосознаваемое по большей части, предпочтение нравственных критериев перед политическими существенным образом отличало дворян-преобразователей от последующей оппозиции. Нравственные императивы сознания были как бы особой метой первой русской интеллигенции, но одновременно и свидетельством ее принадлежности обществу, только приступившему к преодолению традиционных основ мировоззрения.

Всматриваясь в лица и жесты декабристов в то роковое утро, приходится учитывать еще одно обстоятельство: сколь бы ни готовилось восстание, выход его был случаен - приговор и пуля предназначались иному лицу - царю-обманщику, Александру I. Его неожиданная кончина просто спутала карты. Как стрелять в царя, не зная каков он будет, каковы его государственные планы? Но заявить о том, что медлить нельзя, что общество требует перемен - необходимо, чего бы это ни стоило!

В записках Дмитрия Иринарховича Завалишина мы встречаем характернейшее откровение, сделанное уже в ссылке: "Я первый признавал всегда неотъемлемым достоинством наших товарищей, что они сумели однажды возвыситься до пожертвования всеми своими выгодами, но необходимо было этот бессознательный порыв чувства возвести в сознательное убеждение"²⁴.

Нельзя не обратить внимания на то, что едва ли не основным мотивом в сочувственной оценке декабристов было выделение их сознательной жертвенности. "Каковы бы ни были суждения о деле вообще, представителями

---

23 Общественные движения в России... Т. I. С. 245.

24 Записки Д.И.Завалишина // Русская старина. 1881. Т. 32. № 10. С. 425.

которого явились декабристы, в нем выделяется одна общая черта, которую отрицать невозможно, признавая даже самое дело ошибочным или следствием заблуждения. Черта эта есть самопожертвование²⁵. Заметим, что это тоже нравственная оценка нравственных действий.

"По мнению людей истинно просвещенных и истинно преданных своей родине, как в то время, так и позже, это восстание затормозило на десятки лет развитие России, несмотря на полный благородства и самоотвержения характер заговорщиков. Оно вселило в сердце императора Николая I навсегда чувство недоверчивости к русскому дворянству и потому наводнило Россию тою мелюзгою фонов и бергов, которая принесла родине столько неизгладимого на долгое время вреда²⁶. Это не частное, вернее, не только частное мнение: на позициях консервативного либерализма находилась большая часть сторонников преобразований, таков был дух Александра царствования и он совпадал с умонастроением, со спецификой мировидения того дворянского поколения. "Либералисты в душе" или "республиканцы в душе", многие, формально непричастные тайному Обществу, "проявились" бы в случае победы декабристов, но гораздо больше было готовых поддерживать либеральные преобразования верховной власти, т.е. тех, кто стремился к лучшему "путем исторического развития". Оно-то и было сорвано. Генерал Левашов сказал уже арестованному князю С.П.Трубецкому: "Ах, князь! Вы причинили большое зло России, Вы ее отодвинули на 50 лет"²⁷.

Приговор консервативного дворянства наиболее ярко отражен, например, в письме С.А.Хомякова к сыну, будущему философу, А.С.Хомякову (1826). Отец писал о

---

²⁵ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1903. Т. 1. С. 435-436.

²⁶ Салогуб В.А. Воспоминания гр. Владимира Александровича Соллогуба. Спб., 1887. С. 102.

²⁷ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Т. I. С. 280.

"гнусных заговорщиках, об их бессмысленных и человекоубийственных планах". "Их преступление есть оскорбление нации"²⁸. Сын, как видно из письма, разделял мнение отца, что было, очевидно, весьма типично для основной массы дворянства. В этой связи особенный интерес представляет суждение Хомякова-отца о том, что заговорщики отличались "грубым незнанием народного духа", непониманием того, что народному духу чуждо цивилизованное понимание свободы: "Для русского крестьянина свобода заключалась бы в свободе называться. Надо знать их мысли насчет свободы!" - заключил "народную тему" простой русский дворянин²⁹. Если дворянство различалось в том числе и своими взглядами на народ, то самонадеянность в отношении народа была его общей, родовой чертой.

Последний же верноподданнический пассаж Хомякова-старшего звучит просто ошеломительно. Он требует политической проверки и чистки всех почтовых работников, потому что "одной перлюстрации недостаточно, нужна полная уверенность в "не-карбонаризме" занимающихся ею"³⁰.

На таких людей Николай I мог бы положиться вполне. Их сближала не знавшая сомнений уверенность в том, что составляет интерес государства, гордость нации и дух народа. Объединяло их и непризнание иного понимания.

Из двух приведенных точек зрения, осуждавших восстание (Левашова и Хомякова), независимо от того, за кем стоит численное большинство, первая, либерально-консервативная, более соответствовала интересам России. Мирное развитие, постепенное совершенствование государства, общества и человека не есть ли наиболее достойный удел человечества? Поколения, наученные кровавыми бойнями Пугачева, террором рево-

---

28 Русский архив. 1893. № 5, Кн. II. С. 123.

29 Там же. С. 125.

30 Там же. С. 126.

люционной Франции, уже хорошо знали, что допустимы перемены лишь мирные. С этого начинала Екатерина II, искренне убежденная в правоте основного принципа консервативного либерализма: "Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями"³¹. Тем же в 1835 г. итожил свои размышления над путями русской истории Пушкин: "Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества"³². Но ведь это и декабристская точка зрения, приверженность которой они подтвердили своим стоянием. Мнение же, выраженное Хомяковым-старшим, до конца последовательное как в отношении декабристов, так и во взглядах на крестьянство и на свободу общества, неистинно, неисторично уже своим изначальным непризнанием элементарного человеческого права.

То, что социальную опору неограниченного самодержавия составляли в преобладавшем большинстве именно люди таких убеждений, свидетельствовало о неуклонном процессе уродливой деформации института самодержавия, в 1825 г. отказавшегося от своего возможного совершенствования. По мнению современников, определенная доля вины в этом лежала и на декабристах. "Это печальное событие, - резюмировал Н.К.Шильдер, - надолго отдалило возможность какой бы то ни было либеральной реформы в России"³³. Мы же не склонны ни в чем винить декабристов - они были последовательным выражением дворянского мировоззрения. И если честь, благородство и преданность интересам отечества - его фундаментальные понятия, то в высоте нравственного самостояния декабристы были прекрасными выразителями дворянской эпохи.

---

31 Наказ Императрицы Екатерины Великой. С. 13.

32 Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 6. С. 350.

33 Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Т. I. С. 312.

В событиях 1825 г. все было как будто бы предопределено, но даже понимание этого не снимает проблемы альтернативы. Во-первых, потому, что это был важнейший, а может быть, и единственный рубеж, когда России была суждена иная судьба, когда возможность иного пути была наивероятной. И вот почему.

Рассматривая до сих пор власть и дворянскую оппозицию именно как противостоящие друг другу тенденции, мы не обращали внимания на, может быть, более важное обстоятельство, их объединявшее. Как кратко эту ситуацию определил Г.Федотов, "интеллигенция целое столетие делала общее дело с монархией". "Общее дело" - это дело постепенного преобразования русской государственности, это общая либеральная тенденция мирного совершенствования. Но каждая из сторон оказалась последовательной в своей непоследовательности.

Просвещенная Екатерина дала сыну Павлу в учителя явного оппозиционера Никиту Панина, а любимому внуку Александру - республиканца Лагарпа. Дело не в дворянской непоследовательности или причудах власти - дело в непоследовательности русских государей, пренебрегших либеральными принципами развития государственности, которыми они владели и которые разделяли хотя бы в начале царствования.

Превращение абсолютной монархии в конституционную тогда, в первую четверть XIX в., было вполне своевременной, трезвой, необходимой мерой, что привело бы к постепенному реформированию общественного устройства, нуждавшегося в реформах, но в то же время еще не достигшего критической стадии. Все, от кого зависело проведение реформы власти, были не просто согласны, но убеждены в ее необходимости. Именно *все*, от кого зависело. Утверждая это, мы исходим из признания искренности утверждений Александра I: он дал все-таки конституцию Финляндии и Польше и не прекра-

шал работу над ней и для России. В царствование Александра I сложилась редчайшая ситуация реальности конституции, когда совпали желание императора, либерально-конституционная настроенность ближайшего к нему придворного и высшего сановного дворянства и укорененность либеральных идеалов в культурном обществе.

В то же время, таинственная личность императора Александра I, непредсказуемость его поведения и взаимоисключающая противоречивость его действий и намерений все же не способствовали разрешению проблемы конституции в России в первую четверть XIX в. Вовсе не иллюзорная реальность конституции и одновременно ее несбыточность создали интереснейшую ситуацию, которая уже более ста лет манит историков своей парадоксальностью. Правомерно разведение интересов самодержавия и народа, народа и дворянства, самодержавия и дворянства, дворянства и дворянской аристократии. Одновременно смысл происходившего раскрывает диалектика тактических союзов самодержавия и народа, самодержавия и дворянства, дворянства и народа. В конечном счете все неудачи русского конституционализма начала XIX в. можно объяснить тактической разъединенностью, отсутствием политической воли, четких представлений о конечных целях борьбы или, наконец, личными качествами императора Александра. Но все же в феномене российской истории останется что-то, не поддающееся рациональной логике, нечто иррациональное по своей природе. Это "что-то" в том числе заключается в неизжитости идеи самодержавия, его богоданности в общественном сознании.

Именно поэтому исторический спрос не с дворянской оппозиции, не с Николая, а с Александра Первого. Он должен был довести начатое до конца, потому что только он и мог. И правительство, и оппозицию составляли люди образованнейшие, воспитанные в идеалах гуманистической культуры, впитавшие лучшие идеи

Просвещения. Общество жило надеждой на перемены. Социальное неравенство законопослушными еще сословиями воспринималось как данность, но преодолеваемая, потому социальная ненависть не слепила глаза, не затмевала ум. Всех мирила и смиряла вера в мудрость и твердую волю Государя-императора, царя-батюшки.

Зная, как трепстало общество во время правления тирана Павла I, зная, как невыносим был гнет николаевского режима, не сразу понимаешь, отчего такой ненавистью и презрением дышали слова в адрес либерала-Александра именно тех, кто пережил его царствование. И все же они справедливы, если учесть, что все его клятвы, все высокие идеалы свободы, провозглашенные при вступлении на престол, оказались "либеральной эпитимьей", положенной в искушение греха цареубийства, по выражению ироничного Г.Г.Шпета, а многолетние труды над одной Конституцией, все обещания дать России законы и права, в конечном счете расстали как мираж. А ведь этими идеями и надеждами жило все общество, в ожидании грядущей свободы формировались идеалы поколения. Но царь-освободитель оказался обратным, а мистический уход его - то ли смерть, то ли маскарад с переосвоением в смиренного старца, - отдавал обманом. Так что если бы на площади в день восстания оказался тот, кому изначально и предназначалась пуля, то, не исключено, что обманутое поколение расплатилось бы с бывшим кумиром.

1825, а не 1881 год решил окончательно исход дела. Претворенные тогда, в начале XIX в., идеалы свободы и права могли бы укорениться в общественном сознании. Во всяком случае, повторим вслед за Г.Федотовым: "Ничто не доказывает, что либеральная дворянская власть была большей утопией для России, чем власть реакционно-дворянская".

Если перед социальными катаклизмами неоспоримо преимущество эволюционного развития, то с эпохой Александра I закончилось время возможного успеха

либеральных реформ, за которыми бы пошло то общество. Чем более общество пребывает в рабстве, тем далее оно отстоит от свободы. Конец Александра II обнаружил только одно: поздно. Сама непоследовательность линии Александра II (развитие реакционных тенденций после откровенно реформаторского курса) на фоне ужесточавшегося, слепящего терроризма демократической оппозиции, его убийство накануне утверждения проекта "лорис-меликовской конституции" и поворот политики Александра III к контрреформам - все это подтверждало старую мудрость: дорого яичко к Христову дню.

С кем бы теперь ни консолидировалось правительство или какая бы сила "не ставила" на самодержавие - династия Романовых была обречена, была обречена и историческая форма самодержавия как наследственного института власти. Формировалась оппозиция, совершенно лишенная самодержавных иллюзий. Террор, начатый в отношении дома Романовых, закончился уничтожением самодержавия и привилегированного сословия, заодно пострадали и многие иные, из податных. Но когда рассеялся дым войн и революций, грезилось, что русское общество уже XX в. чем-то очень напоминает прежнее. Институт безграничной единоличной власти, иной по форме, был по-прежнему вне закона. Сменился социальный состав, но сохранилось привилегированное сословие. Общество же, слишком медленно трезвея, по-прежнему уповало на справедливый суд и совесть своего господина. Кажется, тот же результат был бы (при иных реалиях), случись победить Пугачеву.

Таковы признаки отката, признаки консервативной реакции, революционной консервативной реакции. Впрочем, все аналогии, возникающие при сравнении самодержавно-крепостнического строя с тоталитарным, вполне обыграны за последнее время, но аналогии ничего не объясняют.

Русское общество приговорено идти за чужими идеями, идеями или идеалами иного общества, выношен-

ными в иных условиях и в иное время. Лидеры различных радикально-оппозиционных движений не считались с такой мелочью, как естественная укорененность идеи и ее соответствие уровню развития общества. Высокомерное отношение к народу объединяло едва ли не всех борцов за народное счастье. Еще никто не знал, как мало времени останется России до безумных войн и революций, но было уже очевидно, как камениста та почва, которую Александр II пытался засеять семенами свободы, закона и права. Оттого так легко были сметены войною и революциею эти чахлые всходы правосознания, что они не успели укорениться в обществе, где и власть, и сословия были уже раздираемы различными целями, а главное - ненавистью. Разъединенность русского общества обусловила тот факт, что слишком долго не было национальной силы, которая могла бы повлиять на эволюцию самодержавия так, как того требовали интересы общества. Однако в пассивности народа или в бессилии передовой интеллигенции не следует ли признать, в первую очередь, силу власти и, как следствие, незрелость общества, неготового к коренным переменам. Именно эта неподготовленность и служила кредитом власти.

После 1825 г. русское общество только-только начинало свое движение в сторону от власти. До этого срока единство царя и всего русского общества, включая дворянскую оппозицию, было залогом успеха любых начинаний, инициатором которых было бы правительство. Это не только ретроспективное - таково было восприятие эпохи современниками. Вот что писал Пушкин в 1822 г.: "Желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы"³⁴. Этого не случилось. Монолит дал первую трещину. Упущенная возможность либерального

---

³⁴ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 7. С. 162.

реформирования общества сверху означала, что решение проблем откладывается до тех пор, пока само общество окрепнет и поможет государю преодолеть его родовое стремление к единодержавию, законодательно определив пределы его власти и свои правовые требования.

В царствование Александра II фатально скрестились два взаимосвязанных движения: верховная власть еще не мыслила себя вне первого и единственного права на инициативу, но общество, в какой-то одной и малой его части, уже преодолевало (и стремительно) комплекс верноподданничества, заявив об этом в 1881 г.

Любое общество неоднородно, но в периоды критические оно стремится к консолидации - законы жизни указывают компромиссы и в следовании им заключается знак зрелости общества. Русское общество, расколотое в XVII в. по признаку веры, в XVIII - по признаку культуры, в XIX-м оказывается раздираемо различными политическими целями. Пропасть распространяется не только между сословиями, но и между властью и сословиями, между церковью и народом. Измена Александра I идеям века положила начало пропасти между либерально настроенной частью общества и монархом. Политика Николая I обнаружила явную ненужность государству мыслящей дворянской элиты - здесь начало ее исхода.

Но какое поколение в истории России уходило вдохновенным и благословенным? Так и уход дворянской аристократии был тяжел и трагичен. Бесповоротность же, окончательность такого исхода подтвердил 1881 год. Страшная смерть царя-освободителя на Екатерининском канале - не есть ли кровавый знак обреченности этого прекраснодушного дворянского поколения, ибо Александр II, воспитанник В.А.Жуковского, принадлежал к нему более, чем кто-либо из его современников? Такие как он тогда уже были в меньшинстве, окруженные праведным, но слепым нетерпением.

В 1818 г. общество, очевидно, уже предчувствовало несвершимость конституции в России (хотя полное отрезвление наступило к 1823 г.). Наиболее близок к пониманию сути вещей, кажется, был Николай Михайлович Карамзин, историк и пророк. Тогда, размышляя над феноменом либерализма в России, он писал князю П.Вяземскому: "Я либерален даже и там, где идет дело о юной либеральности. Мы оба думаем так, как нам думать свойственно. Мысль не дело, а дело будет не по нашим мыслям, а по уставу судьбы"³⁵. Карамзин понимал, что некий иррациональный дух России определил фатальное несовпадение мысли и дела, убеждения и поступка, действия и его последствия. Если мы не находим иного объяснения этому року несовпадения, кроме как во внутренней, подсознательной часто приверженности традиционному миропониманию, но искаженному внешне новейшими идеологами, то Карамзин эту неизжитую приверженность России самодержавной идее четко сформулировал в 1818 г.: "Дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь важного человека в гасрское платье. Россия не Англия и даже не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую и удивительную и скорее может упасть, нежели еще более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь ея, как республиканское правление было жизнью Рима"³⁶. Именно неизжитость презумпции богоданности самодержавия позволяла Екатерине II, Карамзину, да и всему мыслившему поколению бесконфликтно пребывать "республиканцами в душе".

---

35 Письма Н.М.Карамзина князю П.А.Вяземскому. 1810-1826: Из Остафьевского архива. С. 65.

36 Там же. С. 60.

Для современного ему состояния государства Карамзин не видел ничего другого, как просвещенное самодержавие, "самодержавие, очищенное от примесов тиранства"³⁷. Он не был сторонником введения закона, ограничивавшего самодержавие, но утверждал, что государь должен следовать "законам Божиим и совести", "царствовать добродетельно"³⁸. Для Карамзина это были не пустые понятия - он вводил нравственные критерии в вопросы политики, придавал им первостепенное значение. Эту позицию лаконично определил Жуковский: "Самый верный хранитель общественного порядка есть не полиция, не шпионство, а нравственность правительства". Пушкин же смотрел на это с другой стороны: "Развратная государыня развратила и свое государство".

По убеждению Карамзина, государь, исполняющий свои "священные обязанности", "царствующий добродетельно", личным примером "обуздает своих помещиков в злоупотреблениях"³⁹. По логике Карамзина, ограниченное только "законом Божиим" и совестью, самодержавие способно решить все социальные проблемы. Это была вера в действенную силу слова, знания, личного примера, утопическая вера в то, что просвещенное самодержавие способно повысить "нравственную цену человека".

Дворянские мыслители, такие как Карамзин и Жуковский, считали, что только просвещение, высокая культура чувств и деятельная нравственность способны решить социальные противоречия общества при безусловном сохранении самодержавия и крепостного права, естественно, лишенных унижающих человека крайностей. Благородная задача исправления нравов уводила от наболевших проблем российского бытия, допуская в конечном счете следующие заявления: "Для твердости бы-

---

³⁷ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. Спб., 1914. С. 37.

³⁸ Там же. С. 47-48.

³⁹ Там же. С. 48.

тия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственности"⁴⁰. На эту минуту они как будто бы забывали очевидное, что именно рабство отдаляет человека от свободы. Они как будто бы не замечали трагического состояния личности, в том числе и душевладельца, в равном бесправии всех перед волей одного. Правда, прекраснодушные и социальная наивность ни в коей мере не были фарисейством, тогда они были глубоко органичны для такого типа дворянских интеллигентов. Совершенно естественной чертой присущего им мировоззрения было это снятие социального нравственным, что позволило им провозгласить "равноправие душ", "равноправие чувств", абсолютную ценность человеческого достоинства, что вело к совершенно новому взгляду на человека как на личность. Они провозглашали гуманистические идеалы, которые тогда в массовом сознании имели особую притягательную силу - именно они в тот момент были необходимы обществу. Атмосфера сентиментальности, романтичности, в которой пребывало русское общество в начале XIX в., возможно, наиболее существенной содержательной стороной имела процесс укоренения гуманистических идеалов в общественном сознании.

И то, что такое видение человека отвечало потребностям русского общества, подтверждается тем массовым успехом, с каким была встречена проза Карамзина, поэзия Жуковского. Соответствие идеи внесловного равенства людей духовным потребностям общества свидетельствовало о происходившем процессе гуманизации общественного сознания. (Правда, чрезвычайно интенсивно развивавшееся тогда общество вскоре усомнилось в глубине и правдивости изображенных чувств, но важна была сама идея, положительное значение которой новые идеалы опровергнуть не могли). Гуманистический па-

---

⁴⁰ Карамзин Н.М. Записки о древней и новой России. С. 83.

фос русской литературы был всегда велик, но особенно в первую половину XIX в. заметно стремление русских писателей вызвать чувства умиления и сострадания образами Самсона Вырина, Акакия Акакиевича, образами героев "Бедных людей" или "Записок охотника".

К первой четверти XIX в. в постижении гуманистических идеалов общество достигло кратковременной гармонии.

Всем странам (и Россия здесь не исключение) гуманистическому беспрепятственному развитию было отпущено очень мало - это роскошь истории, ее минутный прекраснодушный каприз. И все же наличие и непотревоженная продолжительность этого периода в жизни любого общества значит очень многое. В царстве жестких законов истории гуманистическое уmonoстроение всегда обречено выглядеть утопией, роскошной принадлежностью немногих избранных счастливчиков. Но в силу этих же законов истории эти люди, как правило, определяют общественное уmonoстроение, своим авторитетом утверждая иные, сугубо гуманистические критерии в выбираемой обществом шкале ценностей.

В позиции Карамзина отразился характерный для русского общества внесправовой подход к проблеме, переносивший смысл ее с политико-юридического на морально-этическое обоснование, что было характерно для Западной Европы XVI-XVII вв. Он нарисовал картину идеального самодержавия, где царствует закон совести. В определенном смысле Карамзин "реалистичнее" смотрел на положение закона в России, а именно - хорошо понимал, что отсутствие традиции непреложного следования закону в силу чрезвычайно низкого правового сознания не только народных масс, но и господствующего сословия, правящих кругов, чиновничества сводит значимость самого закона в конкретных условиях России практически на нет. При том, что неоднократные попытки вручить кондиции, неоднократные попытки реформы государственного аппарата, Сената, попытки

разделения властей всегда оканчивались фактически ничем, традиционный произвол власти, по логике Карамзина, делал решающей проблему не внесения нового закона в законодательство, а следование неписанному закону совести и чести (правственному закону).

Однако правственный закон не является альтернативой закону юридическому, такая подмена есть свидетельство наивности политического сознания общества, его молодости. Пока оно осваивало однако не менее важные высоты: в русле гуманистического миропонимания на первое место выходила идея самодостаточности личности и ценности человеческого достоинства. Именно гуманистические ценности, провозглашенные Карамзиным, определяли необходимый русскому обществу путь развития, именно во взглядах Карамзина сконцентрировалось видение, наиболее характерное самосознанию русского общества.

На основе того факта, что философские, социальные, политические идеи Просвещения были хорошо известны русскому просвещенному обществу конца XVIII - начала XIX в., делался вывод, что русское общество было готово к восприятию идеологии Просвещения и воспринимало ее адекватно. Несоответствие слова и дела, заявленного и исполненного, столь характерное для России, заставляет усомниться в безусловности такого вывода. Если бесспорно то, что русское общество стремительно постигало новую идеологию, то безусловно также и то, что восприятие это не могло быть адекватным, пока общество в гуманистическом напряжении не вышло к осознанию самоценности любого человека, за права которого оно будет бороться. Без усвоения идеалов гуманизма и веротерпимости знание идей Просвещения было не только недостаточно, но просто непригодно для решения проблем российского бытия, а задачи, стоявшие перед русским обществом в начале XIX в., существенно отличались от задач, решаемых европейскими обществами. Стабильность российского са-

модержавия означала, что главной задачей общества является борьба с рабским сознанием.

В начале XIX в. эта борьба начиналась с сознания необходимости перемен в обществе, с осознания необходимости исправления, возвышения человека, нравственного воспитания и просвещения. В то же время эти общественные ориентиры не противоречили конституционным устремлениям. Конституция способствовала бы предотвращению многих социальных конфликтов, но на путях нравственного совершенствования разрешить их не удавалось, пожалуй, еще ни одному обществу. Совершенствование общества, еще далекого от кризиса, преобразования общественного и государственного устройства в соответствии с духом времени неизбежно способствовало бы и укреплению тенденции на возвышение человека. Но не наоборот. Коснеющее, самодовлющее самодержавие не способствует возвышению нравственных основ бытия.

В начале XIX в. Россия, как уже говорилось, была далека от предельной (кризисной) ситуации и имела несколько альтернативных возможностей развития: аристократическая конституция, буржуазно-демократическая конституция, дальнейшее укрепление самодержавия. Александр I не пожелал разделить свою власть с кем-либо - Россия выбрала не тот путь, который, возможно, был лучшим, но тот, который ей более соответствовал. Очевидно, он соответствовал, в первую очередь, коренным убеждениям Александра I, внука своей бабки Екатерины Великой и сына своего отца Павла I, так как его пассивность и нерешительность, частые равнодушие и забывчивость в делах преобразовательных сыграли немалую роль в том, что ни одна из задуманных им политических реформ не попала в окончательный вариант правительственного документа.

С приходом на историческую сцену декабристов ситуация не изменилась объективно - по-прежнему государство не испытывало кризиса, по-прежнему был кре-

пок альянс дворянства и царя. Смею думать, что предварительная законотворческая деятельность декабристов сродни конституционным грезам императора Александра, ведь когда дошло до решительного шага, вовсе не из растерянности или трусости декабристами не было применено политическое оружие. Офицер и солдат стояли рядом, равные в своей жертвенности - так начавшаяся на рассвете 14 декабря революция к первым сумеркам превратилась в высочайший нравственный акт. В этом поражении - победа декабристов. Победа нравственного выбора вполне соответствовала прекрасной александровской эпохе, равно как выбор в пользу неограниченного самодержавия соответствовал коренной сути русской государственности. А конституционные бумаги Александра Павловича и декабристов по приказу Николая Павловича были равно изъяты, запорты и ушли из жизни общества, как будто их и не было...

Россия шла своим крестным путем.

Часть вторая

"Дух смирения, терпения, любви..."

Золотой век России... Это сильное государство, это бесспорный приоритет национально-государственных интересов, это время объединяющих обществу надежд. Надежд на тот вариант государственного развития, при котором интересы сильного государства учитывали бы и интересы человека. Надежды не оправдались. Но разве безысходность - главный итог золотого века? Нет, это скорее настроение. Бесспорный же итог заключается в том, что за это время сформировался человек, осознавший свои интересы, почувствовавший потребность в правах, понявший, что он достоин того, чтобы с ним считалась власть. Он знает, что зависим и подчинен, он согласен быть подданным, но холопом, шутком даже небесного царя уже быть не согласен. На заре золотого века это заявил М.В.Ломоносов, и на закате его будто эхом то же повторил Пушкин: "И у царя небесного..."

Да, за века Екатерины и Александра появился новый человек, заявивший о своем праве на права, но не только это. Не менее значима и история духовных стяжаний русского человека. Ее страницы не столь явны, скорее сокрыты, но они бесценны и трагичны. Может быть, именно они и объясняют причину неудачи борьбы за права, может быть, они откроют истоки терпения непонятной русской души...

Глава I. Старая вера новой России

Очевидно, со второй половины XVII в. правомерно выводить самое начало кризиса церковного сознания, вызванного в первую очередь реформой патриарха Никона. Отход от официальной церкви старообрядчества означал неприятие данной, конкретной, никоновской (читай: неверной, богопротивной) церкви, что соответственно не противоречило созданию своей, истинно православной церкви. Нюансы обряда в данном случае имеют второстепенный характер. Главное же заключалось в том, что критическое отношение к государственной церкви (что само по себе не ново) впервые привело к решительному и массовому отказу от нее и появлению иной конкурирующей церкви. Хотя религиозное миропонимание общества еще и не было вовсе поколеблено, а реакция на "неверную" церковь все же имела формы церковные, с расколом все-таки связаны первые симптомы кризиса церковного сознания, ибо тогда впервые была нарушена исключительность единой церкви. Именно крах идеи единой и непогрешимой святой церкви дал импульс к зарождению и довольно стремительному распространению различного рода сект и религиозных течений на Руси с конца XVII в.

Исключительную услугу процессу секуляризации религиозного сознания оказала не только церковная реформа Петра Великого, но и вся его деятельность. С реформ Петра для России началось Новое время. Корни многих вечных вопросов, вставших перед русским обществом, уходят в этот вековой перелом. Без оглядки на петровские преобразования невозможно понять процессы духовной жизни интересующего нас периода последней трети XVIII - первой трети XIX вв.

Переворот был грандиозен. Прервался естественный ход вещей. Сколь молниеносны были петровские перемены, столь же быстро и непоправимо произошел раскол русского общества - второй после церковного,

фатальный для России раскол. Первый оторвал часть общества от официальной церкви, второй - от культуры. Традиционная культура, в которой еще недавно духовно было едино все общество, волевым порядком оказалась низведенной до уровня крестьянской, земледельческой. Государство приняло культуру иную, принадлежавшую и, главное, выношенную более развитой цивилизацией. Преимущества последней были столь привлекательны, что с тех пор правительством заимствовались то моды, то идеи, то религии, стремясь сделать Россию страной истинно европейской. Если Древняя Русь за редким, единичным исключением еще не могла взглянуть на себя со стороны, не выделила себя из времени и племен славянских, то с начала XVIII в. ежечасный сравнительный опыт заставил довольно спешно взрослеть засидевшееся дитя, которому еще долго любая европейская мелочь: кружева ли, политическая теория или устройство английского парламента - равно казалась пригодной. Первою в совершенной приемлемости чужой культуры засомневалась, кажется, мудрая Екатерина II, но никому не сказала, лишь будто бы обмолвилась в беседе с Дидро. И только Николай I оставил затею старших Романовых, усомнившись, видимо, в пользе подражания.

Однако для всего XVIII в. характерно творческое или бессознательное заимствование в дворянской среде - "новая культура становится социальным признаком привилегированного сословия"¹. В то же время уверенно можно говорить о преобладании прежнего, традиционного уклада в народе и смешении культур при большом тяготении к традиции в пограничных слоях общества - таков как бы внешний абрис состояния общества в результате петровских преобразований. Но проходили и глубинные процессы в духовной сфере, связанные с ре-

---

¹ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Спб., 1913. Ч. 3, вып. 2. С. 196.

формами Петра и в первую очередь с его церковной реформой.

Итак, церковная реформа, проведенная Петром Первым в 1721 г., явилась изрядным потрясением для религиозного сознания всех слоев русского общества. В результате отмены патриаршества православная церковь не только потеряла возможность быть самостоятельной альтернативой государственной власти, но и утратила имевшуюся независимость. Петр, как неоднократно уже было замечено, предполагал преобразовать церковь по примеру протестантских стран. Самостоятельная, независимая, "папистская" церковь его не устраивала. С другой стороны, восточнохристианская церковь традиционно находилась в большей или меньшей, но зависимости от светской власти. За исключением теократических претензий некоторых святителей (например, патриарха Никона), которым так и не суждено было осуществиться, православная церковь в принципе и не претендовала, подобно папе, на мирскую власть. Точно также и православное духовенство со временем, по мере проведения политики секуляризации, все более попадало в зависимость от мирского правителя, в отличие от католического духовенства, подчинявшегося в конечном счете папе. Так что Петр уничтожил не сам прецедент, но лишь возможность его. Сходство петровских преобразований с реформационными были чисто внешними, ибо они не касались существа веры. Однако в любом случае церковная реформа Петра - мера весьма последовательная в ряду прочих преобразований великого реформатора, стремившегося к предельной концентрации власти.

В результате реформы церковь подчинилась государственно-бюрократическому органу - Духовной коллегии (Синоду). Традиционные формы церковного управления были ликвидированы. В обер-прокуроры Св.Синода по указу Петра Сенат выбирал "из офицеров доброго человека", которому надлежало действовать, применяясь к инструкции генерал-прокурора. То, что

изначально составляло компетенцию сугубо церковной сферы - забота о духовном состоянии и нравственном воспитании общества - теперь полностью контролировалось государством. По мысли Петра, главными обязанностями Синода были: религиозно-нравственное просвещение народа, преследование суеверий, противодействие расколу. Особо стоял вопрос об устройстве духовенства, главным образом, черного, численность которого Петр стремился значительно сократить и соответственно строго очертить обязанности монашества.

Однако именно в результате церковной реформы отмечается рост суеверия и массовое распространение раскола. Подчинение церкви государственному аппарату имело сильнейшие нигилистические последствия. Здесь заключается побуждение к поиску иных, внецерковных форм верований. Недоверие синодальной церкви стимулировало религиозно-нравственные искания всех слоев общества.

И не без основания: потеряв независимость, синодальная церковь приобрела страшные и пагубные для ее авторитета функции - функции доносчика и религиозно-политического надзирателя. Конечно же, сама церковь не могла принять с восторгом навязываемые ей перемены, но, затаив недовольство, вынуждена была подчиниться. Такая уступчивость церкви не только оттолкнула от нее многих, причем одержимых в вере, но и обнаружила почти полную несостоятельность русской Реформации "сверху". Петр не заметил, что вместе с авторитетом духовной власти лишил русскую церковь авторитета нравственного, то есть добился эффекта прямо противоположного пафосу и результату западноевропейской Реформации.

Духовник, которому предписывалось нарушение тайны исповеди, пусть даже в государственных интересах, не мог уже рассчитывать на откровенность, и более того - на уважение прихожан. Формализованная церковь формализовала и отношение к ней верующих. Внешнее

следование обряду, видимое благочестие уже не означало истинной веры.

Нереализованное религиозное чувство, сопровождаемое сильнейшим религиозным стимулом страдания за веру, подкрепленное любезной русскому человеку идеей мученичества, в социальных низах выливалось в различные формы религиозного фанатизма. Уже в начале царствования Петра народ был встревожен и настроен: ранние обиды царя, такие как резание бород или перелив колоколов на пушки, безусловно, способствовали росту недовольства. Пренебрежительное отношение Петра к православной церковной традиции настраивало против него народные массы. Окончательный удар по церкви лишь подтвердил давно возникшее подозрение, что Петр на самом деле Антихрист. Деятельность Петра дала как бы второе дыхание расколу. Раскольники создавали свою церковь, более строгую, где было более осмысленное отношение к службе, более аскетичное исполнение обряда, непосредственное обращение к Св.Писанию, где община, нарушая принятое церковное управление, могла контролировать и избирать священника.

Раскольники посягнули на основные церковные догмы, которые предписывали возможность спасения и общения с Богом только через церковь. Это было реальное, заинтересованное "участие самого народа в церковной жизни", что позволило старообрядчеству на деле осуществить, по словам Г.Г.Шпета, "свою нравственную и духовную культуру". Раскольники откупались от обязательной церковной исповеди. В поисках истинной церкви они нисколько не осознавали себя отошедшими от православия, наоборот, их правота была настолько очевидна, что они без труда "отвращали народ от церкви". По донесениям Синода Петру, в Москве "раскольники так умножились, что в некоторых приходах никого,

кроме них, нет"². Парадокс заключался в том, что именно раскольничья церковь более всего соответствовала протестантскому идеалу Ф.Прокоповича.

Выразитель петровских взглядов Ф.Прокопович признавал преимущества протестантизма в первую очередь перед католицизмом, сторонником которого выступил тогда Стефан Яворский. В то же время скептическое отношение Прокоповича к церковной обрядности, чудесам и подвигам, его противопоставления Св.Писания - Церкви, как света Слова Божия - темноте богословских толкований, деятельно воспринятые церковью, могли бы вывести ее из кризиса. Но, заучивая "Духовный Регламент", "программу Русской Реформации", по выражению прот. Г.Флоровского, церковь оставалась столь же избыточно обрядовой и столь же, если не более, заорганизованной. Если на попытки совершенствования в протестантском духе догматического православия, в определенной мере необходимые, официальная церковь не реагировала или реагировала слабо, то усиление старообрядчества, рациональных еретических и иррациональных мистических сект свидетельствовало о ревностной реакции всех иных, еретических, с точки зрения официальной церкви, религиозных движений.

В рационализирующийся век Прокопович проблемы веры связывал с интересами государства. Усилия Прокоповича были сосредоточены на теоретическом обосновании и утверждении божественности царской власти. Петр объявлялся высшим, "крайним судиею" церкви. Более того, Прокопович называл Петра Христом, Епископом Епископов, подтверждая, как и следовало почитателю С.Пуффендорфа и Г.Гроция, беспредельность монаршей власти.

Петр создал прецедент мирской церкви, то есть чего-то, в понятиях православия, ложного. Верный шаг,

---

² Саломеев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX, тт. 17-18. М., 1963. С. 512.

с точки зрения предельной концентрации власти, был неудачен по произведенному эффекту - произошел еще больший раскол общества, упал авторитет церкви. Противоречие заключалось в стремлении приблизить русскую церковь к протестантскому облику без Реформации, т.е. без обновления веры и основ православной этики при том, что православный, освободившись от власти церкви, не получил какой бы то ни было автономии - и народ, и духовенство оставались бесправными рабами царя земного. В результате церковной реформы появился беззубый монстр, от которого несклонные к компромиссам верующие открестились как от Антихриста и ушли в раскол или в "светскую религию". Оставшиеся могли почувствовать утрату главного утешения, которое даровала патриаршая церковь - надежду на спасение души. Исход ее ощущался не сразу, но все же с годами мотив личного спасения будет более и более определять мироощущение обделенных Петром православных.

Чрезвычайно интересное наблюдение середины прошлого века мы находим у историка раскола В.Кельсиева, отметившего уже отдаленные последствия петровской реформы: "Нельзя не заметить особенного развития, которое приняло христианство на нашей почве. Православный, принадлежащий к синодской церкви, не считает своей веры годной к спасению души - он человек мирской, суетный, верует по церкви и потому не христианин. Неудовлетворительность господствующего исповедания чувствуется всем народом. В низших классах существует склонность к старообрядчеству и вообще к расколу; в высших - возникают вопросы об улучшении быта духовенства и даже о коренной реформе государственной церкви"³.

---

³ Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В.Кельсиев. Лондон, 1861. вып. 2. С. V.

Получалось, что секты, толки, религиозные извращения "людей божьих" - это не только причуды мятущегося или убогого сознания, это еще и следствие цезарепапистских амбиций светской власти, с одной стороны, и чрезмерного послушания церкви - с другой, беспрестанно путавшей дела Божьи и дела мирские. Наивно думать, что последствия вмешательства политики в дела религии оставались незаметны для общества или что общество с ними легко и безболезненно справилось. прот. Г.Флоровский назвал следующие последствия воспитания первого петровского поколения "в началах служилого утилитаризма": "Душа растрчена и опустошена. Нравственная восприимчивость притупилась. Религиозная потребность заглушена"⁴.

Шло тотальное обмирщение жизни. Именно в этом контексте и следует рассматривать упразднение патриаршества. Для своеобразной конституализации мирской жизни Петр указом о переводе сочинений С.Пуффендорфа и Г.Гроция ввел в ткань общественного сознания понятие "естественного закона", выступившего удачливым соперником "закону церковному". Одно из наиболее серьезных заявлений по поводу возникшей ситуации принадлежало Василию Никитичу Татищеву. Он дерзко отказал церковному закону в священстве, ибо он только "самовольный, человеческий", а потому "пристойнее, чтобы законы церковные состояли под властью мирского управления".

Упразднение патриаршества, ликвидация последней самостоятельности русской православной церкви, явное присвоение монархом регалий и прерогатив главы власти духовной - таков итог многовектовой борьбы светской и духовной власти в России. Если прежде периоды единоборства сменялись обоюдовыгодными временными альянсами, а те или иные попытки секуляризации экономического или политического

---

⁴ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 114.

могущества церкви в целом еще не могли потревожить господства религиозного сознания, то такая секуляризация, как отмена патриаршества и введение церкви в структуру государственного аппарата как зависимого и подотчетного подразделения, потрясла основы средневекового общества, в сравнении с чем венгерский кафтан или "голые лица" христиан казались невинными забавами.

Господство религиозного мировоззрения в средневековом русском обществе не противоречило тому факту, что церковь в России не имела самостоятельности и тем более независимости от светской власти. Скорее наоборот, светскую власть в России с большими оговорками можно назвать светской в силу ее значительной сакрализованности. Причем сакральность верховной власти идеологически обосновывалась именно идеологами русской церкви, которые тем самым невольно приближали свое полное подчинение "кесарю". С веками секулярные процессы в государстве постепенно набирали темпы, что в результате и сделало возможным "резкий опыт государственной секуляризации" (прот. Г.Флоровский) при Петре.

Изначальный тандем сакрализованной светской власти и обмирщенной церкви создавал особый идеологический эффект - преобладание не чисто религиозного, но религиозно-государственного сознания в обществе. Такое двуединство можно отнести к особенностям национальной идеологии и даже с большой степенью вероятности предположить, что по сути своей она не изменилась и в послепетровское время, разве только произошла перемена акцентов - религиозно-государственная идеология позднесредневекового общества эволюционизировала к государственно-религиозной.

В то же время подчиненное положение церкви не противоречило факту единства церкви и государства, отсутствовавшего на Западе и создавшего одну из особенностей русской государственности: церковь в России од-

нозначно выражала интересы государства, а государство, принимая это как должное, все же следило, чтобы данное положение вещей сохранялось. Словом, русская церковь была такой, какой ее сделала верховная российская власть за века своей эволюции и выступать против такой церкви значило выступать против государства (что также составляло отличительную черту, ибо на Западе реформационные выступления против католической церкви имели прогосударственный подтекст). Можно выступать против погрязшего в грехах клира, более того - даже в официальной религии при известном уровне сознания можно обнаружить богопротивные извращения истинной веры, но человек, воспитанный в сознании священности царской власти, не мог направить свои сознательные действия против официальной церкви, ибо это означало бы покушение на Самодержавие и Православие, что до поры было просто невысказано. Такое видение церкви спасало ее от необходимых и назревавших реформ, которые позволили бы ей преодолеть догматическую косность и аосмысленности проповедуемого Слова приблизиться к человеку. Именно поэтому в России неприятие официальной церковности могло выражаться только в пассивных формах - формах удаления от "антихристовой" или просто суетной, мирской церкви.

Ломка вековых устоев жизни и быта не могла не затронуть традиционные формы сознания. Причем к началу XVIII в. для всех слоев общества можно предположить равную приверженность традиции, равную консервативность в вопросах религии. Жизнь равно для всех определялась религиозной моралью, заповедями Священного Писания, церковным календарем, "Домостроем" и т.д.

Реакция социальных низов на религиозную политику Петра была реакцией общества, у которого отнимают нечто священное и освященное, не предлагая ничего равноценного взамен. Перед крестьянством не вста-

вало альтернативы иного образа жизни. Перемены воспринимались в традиционных понятиях - осквернение веры, страдание за веру. Введение новых реалий жизни и быта в народе также рассматривалось в рамках традиционного сознания, как проникновение чужого, иноверного. Сам же уклад жизни не менялся так основательно, как в высших слоях общества, а нововведения не затрагивали коренных нравственных основ бытия, чтобы могли означать серьезное покушение на господствующее мировоззрение.

Таким образом, в народе кризис веры был пережит в формах религиозного сознания, вылился в движение за чистоту веры в рамках традиционной культуры.

Иной, и не столь скорой, была реакция дворянства, просвещенных слоев общества, где петровские преобразования вызвали своего рода кризис мировоззрения. Высшее культурное общество оказалось перед необходимостью выработки нового мировоззрения. Связь с традицией постепенно ускользала, во всяком случае опора на традицию уже не сулила стабильности бытия. Жизнь разительно менялась не только внешне - менялись ценности. Узел проблем был завязан на вынужденном и довольно резком переходе к светскому образу жизни. Согласимся с мнением П.Милюкова, что этот переход во многом облегчило обмирщение церкви. "Слабость и низость религиозного сознания в древней Руси, ослабление его уходом усерднейших в раскол + еще более облегчили этот переход. Соединяющим звеном между старым и новым мировоззрением явился религиозный индифферентизм"⁵.

В то время, на расстоянии взгляда и вытянутой руки, многим казалось, что новая Россия возводится (при участии Антихриста) за счет человека - так очевидны были нравственные потери. Довольно дерзко эту особенность выразил А.Н.Герцен: "Переход Руси допет-

---

⁵ Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры. Вып. 2. С. 204.

ровской в новую Русь - через публичный дом"⁶. Падение нравов при явных успехах (главным образом, внешних, наружных) светского образа жизни - таково первое острое ощущение современников. "Мы подлинно в людкости и в некоторых иных вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей. Но тогда же с гораздо вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов, и достигли даже до того, что Вера и Божественный закон в сердцах наших истребились, тайны божественные в презрение впали, гражданские узаконения презираемы стали". И далее князь М.М.Щербатов, масон, выводит печальную картину последствия падения нравов и веры в русском обществе: "Несть ни почтения от чад к родителям... Несть ни родительской любви к их исчадию... Несть искренней любви между супругов... Несть родственные связи... Несть дружбы, ибо каждый жертвует другом для пользы своей. Несть верности к Государю, ибо главное стремление почти всех обманывать Государя, дабы от него получать чины и прибыточные награждения. Несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконец нет твердости духу, дабы не токмо истину перед монархом сказать, но ниже временщику в беззаконном и зловредном его намерении попротивиться"⁷. Щербатов запечатлел состояние общества в момент перехода религиозной культуры в светскую. Насильственное стимулирование этого процесса порождало массу нравственных издержек и печальных потерь.

Безусловно, это не абсолютный результат переходного века. Таково, повторим, обостренное впечатление

---

6 О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и Путешествие Радищева. Факсимильное изд. М., 1984. С. XI-XII.

7 *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и Путешествие Радищева. С. 1-2.

первого поколения, скорбящего о благочестивых формах бытия. Но пройдет всего-то полвека и Пушкин воздаст должное Петру Великому, преодолевшему самодержавное презрение к холоду. Человек станет цениться по делам его и способностям. Только в XIX в., пожалуй, станет вполне очевидной возвышающая личность направленность новой культуры.

Пока же, в послепетровское время, при захлестнувших общество прагматичности и утилитарности, когда чума обогащения затмила все иные ценности, все острее ощущалась нравственная неудовлетворенность, душевная опустошенность человека. Нельзя было просто не видеть того, что хотя и "грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лезть и самством наполнилось; отсюда произошло раболепство, презрение истины, обольщение Государя и прочие зла, которые днесь при дворе царствуют, и которые в домах вельможей вознездились"⁸. Светская жизнь, отвергая старый быт, бывшие устои, была подчеркнута недуховна, да и куда - в одно поколение пришлось перейти от лавок и сундуков к шелковым обоям и английским мебелиам. Еще более разительно менялись моральные нормы; не только явные пороки, но, кажется, все семь смертных грехов, без боязни поощряемые императрицей, овладевали православными.

Новый стиль жизни, жизни светской, устанавливался едва ли не силой - новшествам следовало подчиняться. Но надеть немецкое платье да парик было куда легче, чем психологически свыкнуться с новым образом жизни, соответствующим принципиально иной культуре. Теперь все, что делалось и как делалось, во имя чего жилось, по старым, вековым, никем еще не проклятым понятиям, было греховным. Христианизированный быт допетровской эпохи с

---

⁸ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и Путешествие Радичева. С. 23.

торжеством благочестия и предполагаемой личной аскезой разительно противостоял полной удовлетворенности и как будто бы нацеленной на удовлетворение человеческих слабостей жизни светской. В то же время именно христианизированный быт содержал немалую опасность формализации веры, что и наблюдалось еще с конца XVII в. В основе новой морали, которая тогда воспринималась именно как отказ от морали, лежал естественный закон, реабилитирующий чувство, тело, личный эгоизм, то есть стремление к удовлетворению естественных человеческих потребностей и к самосохранению. В противовес средневековой христианской аскезе, низводившей в человеке человеческое, личностное, растворявшей человека без остатка в "рабе божьем", этика светской жизни исходила из приоритета чувственной природы человека, утверждая правомочность "разумного эгоизма". Именно тогда такие мыслители, как Д.С.Аничков, Д.И.Фонвизин, Я.П.Козельский, С.Е.Десницкий, А.А.Каверзнев и др., обосновывали взгляд на человека как на общественное животное, что тогда звучало ошеломительно. Но те формы, в которые облекалась новая мораль, могли показаться чудовищной уткой Ирода выбиравшемуся из патриархальных глубин народу.

В просвещенном обществе осмысление новой жизни проходило как в рамках религиозного мировоззрения - поиски истинной церкви, истинной веры, так и в рамках светских понятий, в первую очередь, в понятиях естественного права. В последнем случае неизбежен был выход к религиозному нигилизму, "вольтерьянству". Немалый повод тому давала и сама церковь. Огосударственное, покорное воле монарха, официальное православие, обладая огромным духовным потенциалом, в той конкретной форме, какую приняла государственная религия, было бездуховно. В то же время правительственная политика секуляризации, оправдывавшая антицерковные настроения, как бы способствовала критике не

только церковной организации, но в какой-то мере средневековых идеалов христианства,

Официальная религия пребывала в догматической самоуверенности, не была способна ответить на вопросы мятущегося духа, сама нуждалась в обновлении. Лишенная нерва душевной сопричастности и авторитета нравственного пастыря, церковь, часто фарисействуя, превращала таинство в повседневный ритуал, формальность, машинальный жест. Если светская жизнь не сулила душевного покоя, не давала ощущения истинности, праведности бытия и даже отнимала подчас надежду на спасение, то и официальная церковь, все более обмирщаясь, теряла свойство духовного наставника, утешителя.

Не составлял тайны и низкий культурный уровень духовенства. Например, английский историк Уильямс Кокс в "Путешествии в Польшу, Россию, Швецию и Данию" (1778 г.) писал о том, что умственный уровень приходского духовенства показался ему крайне неудовлетворительным. Многие приходские священники не в состоянии были читать Евангелие. "Во время моего пятидесятилетнего пребывания в Петербурге при постоянных сношениях с русской знатью и дворянством, мне ни разу не случилось встретить в посещаемых мною домах ни единого представителя белого духовенства, что отчасти объясняется тем, что здешние приходские священники настолько грубы и неотесаны, что не могут быть допускаемы в образованное общество"⁹.

В результате удачных цезарепапистских притязаний Петра церковь была укрощена, духовенство напугано, унижено. С тех пор в словах "духовный чин" слышалось презрение или жалость. И тем не менее прот. Г.Флоровский, описывая положение церкви той

---

⁹ Обзор статей по русской церковной истории, напечатанных в светских журналах за 1877 г. Е.М.Прилежасва // Христианское чтение. 1878. 3-4. С. 542-543.

эпохи, уверенно заявлял: "Мистическая полнота Церкви не была повреждена".

Русская церковь не была бы русской церковью, если бы ее можно было описать одной краской, если бы только презрение было ее единственным уделом. Будто не знала она века борьбы со светской властью, будто не гибли ее святители, защищая правду Христову, будто не имела она вековой опыт духовного стяжания? Да, православная церковь приняла псевдореформационный позор, отдала независимость, подчинилась абсолютной власти кесаря, приняла коллегияльное правление - она согласилась на реформационные декорации с тем, чтобы эта видимая, официозная, порабощенная церковь в дальнейшем равнодушно прозябала в них. Согласилась покорно и молча, но молчание церкви всегда двусмысленно... Среди равно рукоположенных, равно принявших таинство священства, также как и в любом обществе, есть "лучшие люди". Не нам судить, но отметим взгляд на те процессы протоиерея Г.Флоровского: "Лучшие замыкаются внутри себя, - уходят во "внутреннюю пустыню" своего сердца"¹⁰. От "внутренней пустыни" сердца всего один шаг до "внутренней церкви" в сердце, то есть до внутренней, мистической церкви, которая для многих в конце XVIII в. станет и единственно верной. Мистическая внутренняя церковь в душе - это ли не итог цезарепапистских притязаний светской власти? Это ли не смысл Русской Реформации XVIII века?

И духовенство, отходившее от государственно-политической деятельности, и зарождавшаяся светская религиозная мысль на переломе двух эпох равно были одержимы поисками истинного благочестия, истинной веры и их интеллектуальные и духовные усилия в стяжании благодати святого духа чаще всего были непосредственно связаны с погружением в мистический опыт.

---

¹⁰ Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 89.

Естественно предположить, что подобные нравственно-религиозные искания охватили лишь малую часть общества, большая же часть дворянства могла просто не осознавать "противоречия между старой верой и новой жизнью" (Милюков).

Тем не менее именно это "противоречие" нашло свое воплощение в русской действительности, поставив перед послепетровскими поколениями просвещенного дворянства проблему религиозно-нравственных основ бытия, определившей духовное содержание переходной эпохи.

К началу царствования Екатерины основные тенденции наметились. Только с этого времени соотносимо начало сознательного самоопределения общества. Речь идет об общественной зрелости, способствующей адекватному восприятию чужой культуры. Первые стремительные шаги к этому русское общество совершило в первой половине XVIII в., пройдя период ученичества, освоения новых языков, форм и понятий. Теперь этот процесс мог бы быть успешным только при условии включенности общества в гуманистический тип мышления. Требовалось обоснование и укоренение в общественном сознании положения о самоценности и самозначимости человека, представления о его духовной и физической красоте, силе, независимости, что предполагало и внерелигиозное видение человека. Однако коренные изменения в мировоззрении не могли произойти столь же быстро, как смена стиля жизни - религиозного на светский. Россия, не имея классического прототипа, не имела и примера для "возрождения". Проблема ренессансного (в смысле свободного от средневекового догматизма) мышления перед ней стояла, но вылепить подобие прекрасного эллина и заявить, что человек просто прекрасен, она еще не могла, сколько бы античных статуй не украшало Летний сад.

Процесс становления гуманистической культуры, имеющий единственный существенный смысл в воз-

вышении человека, проходил, с одной стороны, в освоении обществом идеи прав человека, а с другой - в освобождении от церковного догматизма, в свободном религиозном самоопределении личности.

Важнейшей особенностью распространения в России идей христианского гуманизма было то, что инициатива, главным образом, исходила из светских кругов, что свидетельствовало о том, что это было не обновление церкви, но начинался процесс создания нового типа человека. Человека, освобождавшегося от униженного раболепства перед догмой, человека, начинавшего понимать себя как равного всем во Христе, но неповторимого в своей личной вере, в бессмертной душе и свободной совести. Такое религиозное освобождение человека или становление личности в вере неизбежно предшествовало как общая закономерность процессу гражданского становления личности. В XVIII в. Россия только начинала вырабатывать бесценную энергию христианского гуманизма.

Мы не знаем, что ощущал человек в невнятности дониконовского многогласия, но знаем доподлинно, что в XVIII в. он загорелся желанием услышать чистый голос Бога.

Глава II. Искус масонской идеи

Законы светской жизни не оставляли в сердце человека места для подвижнического обостренного отношения к Богу. В атмосфере рационалистического восприятия жизни живой вере пришлось как бы упорядочиться до примерного богопочитания. Рационализм в жизни и в вере - такова была закономерная реакция на одновременно застарелый формализм и фанатизм в деле вероисповедания.

Для тех, кто не принимал условия или правила поведения, диктуемые официальной стороной, неизбежно вставал вопрос о выборе - ради чего жить и как жить. Объяснить, в чем истина жизни и истина веры, наполнить жизнь духовным смыслом и в этой оппозиционности сфидиозу предоставить человеку внутреннюю свободу могла только внецерковная "светская" религия - масонство¹ - "наука добра", "христианская нравственность в деятельности ее". Так, по крайней мере, его восприняли первые русские масоны. В таком понимании масонства сказалась русская особенность - морализм как одно из основных качеств национального мировосприятия.

---

¹ История масонских лож, имеющих уже современные формы организации, восходит к Англии начала XVIII в. Истоки же масонства сокрыты в мистериях и преданиях глубокой древности, основу которых составляет легенда о строительстве храма Соломона. Поэтому организационные формы и внешняя символика соответствуют отличительным знакам средневековых цеховых корпораций свободных каменщиков - строителей храмов. В России первые ложи появились в 20-30 гг. XVIII в. в среде иностранцев. К 1731 г. относится первое достоверное упоминание о ложе, основанной в России английским капитаном Филипсом. С 40-х гг. масонские ложи начали распространяться в пределах Российской империи.

Распространение масонства в России есть реакция на духовный разлад общества, утратившего традиционные основы бытия. После вековой отечественной традиции, когда из поколения в поколение передавались устои, правила, ценности, освященные непрерываемым авторитетом, а чтимые заповеди вели жизнь православного в берегах дозволенного, диктуя для всех едино, что благо, а что грех, - теперь все это разнообразие новых требований и норм навалилось разом и оглушило. В подобные периоды ломки заведенного хода человек испытывает особое психологическое напряжение, вызванное ощущением нестабильности бытия.

Русское масонство XVIII в. не имеет никаких точек соприкосновения с политическим масонством, широко распространившимся в России в начале XX в. Масонство как таковое - чрезвычайно сложное учение, архисложная система сопощинения, строгая тайна. Осмелимся сказать - все это вещи, весьма затруднительные для русского барства, тяжелы для вольной русской души. Масонство XVIII в. в России - это прежде всего состояние, что-то компенсирующее, причастность, что-то сулящая... Далее мы ненадолго остановимся на некоторых аспектах учения русских масонов, оно, безусловно, было, но при этом верными остаются и слова Г.Г.Шпета: "Как далека философия от глупости, так далека она от тех теософических и quasi-мистических настроений, которые распространялись в России в конце XVIII и в первой половине XIX века среди масонствующих и немасонствующих представителей полуобразованного дворянства того времени. Эти настроения рождались не в порядке движения идей, а составляли, скорее, явление порядка социально-психологического"². Русское масонство второй половины XVIII в. напоминает духовные катакомбы, где от беспощадного разврата и цинизма высшего света не

---

² Шпет Г.Г. Соч. М., 1989. С. 74.

только спасалась, но и пестовалась первая русская интеллигенция. "Масонство было у нас в XVIII в. единственным духовно-общественным движением. Лучшие русские люди были масонами"³, - не противореча, уточняет оценку скептического Г.Г.Шпета Н.А.Бердяев.

Изнемогавшим от нравственного оскудения пришлось по сердцу давние заповеди английских каменщиков, уподоблявших работу по нравственному совершенствованию шлифовке грубого камня. Казалось, в деле исправления общих нравов вернее начать с себя. "Надобно человеку, так сказать, морально переродиться. Тогда Евангельская нравственность будет ему природна, тогда он будет любовью к Богу любить ближнего"⁴. В деле нравственного возрождения главную роль масоны отводили уже не церкви, а самому человеку, его воле в познании Творца, природы и самого себя. "Сие моральное перерождение, чрез которое только человек становится образом и подобием Божиим... не может, конечно, произойти без действия силы Всемогущей, но непременно содействовать оному должна и воля человеческая, коей свобода дана от Бога, как дар величайший и особенно составляющий величие человека"⁵.

Новая светская культура освобождала человека от религиозных догм, традиционных норм, ставших тяжелыми или нелепыми условностями, но не могла разрешить возникшего при этом противоречия между внешней жизнью и внутренней, между личным эгоизмом и духовными запросами личности, замешанными на христианской жертвенности.

Масонство же, наполняя внешне светскую жизнь духовным смыслом, снимало этот комплекс. Не придумывая ничего нового, масоны возродили старый хри-

---

³ Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 57.

⁴ Лопухин И.В. Записки сенатора И.В.Лопухина. М., 1990. С. 21.

⁵ Там же. С. 22.

стианский идеал: "Невидимый Бог показал нам, каков он хочет быть в человеке, а именно во Христе, коего жизнь есть для нас нить, по которой мы следуя, можем учиниться богочеловеками..., а поскольку Христос непрестанно действовал для спасения рода человеческого, то и мы к той же цели непрестанно стремиться должны"⁶. Максимализм нравственных требований, предъявляемых масонством человеку, не выходил из границ христианства, что способствовало восприятию масонства как истинного учения. Дух Христов, писал Лопухин, "долженствует быть истинною жизнью человека - в духе чистой любви к Богу и ближнему, которое есть единственный источник совершенной добродетели"⁷. Человеку, воспитанному в православной культуре, в критическое время естественно обратиться к Священному Писанию, иной, столь же авторитетной "теории" Россия не знала.

Широкое распространение масонства в условиях обессилившего православия - было признаком ломки традиционного мировоззрения.

Культурно-историческая ситуация в России последней четверти XVIII в. была чрезвычайно сложной. Ее специфичность определялась как бы наложением трех различных культур: во-первых, традиционной, православной, в формах и категориях которой проживало и мыслило себя подавляющее большинство населения. Во-вторых, гуманистической, поворачивавшей к "естеству" в образе жизни, общественном мнении и даже идеологии, что определяло светскую жизнь широких кругов дворянства и частично среднего сословия, горожан. Наконец, просветительской, имевшей сравнительно небольшую сферу влияния исключительно на интеллектуальную верхушку общества, оставаясь при этом, как нам видится, "умствованием", чаще - "душепагубным

---

⁶ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780-1792. Пг., 1915. С. 256.

⁷ Лопухин И.В. Записки сенатора И.В.Лопухина. С. 21.

чтением Дидеротов и Гельвециев", то есть чужой, даже еще не заимствованной, но осознанно чужой, "французской теорией". И вот почему. Для неискушенного русского ума просветительская теория сама по себе, вне исторического развития и логической связи (а именно так она и предстала перед русским читателем во второй половине XVIII в.) воспринималась неадекватно, не как теория современного общества. С ней заигрывали, ее отвергали, превозносили или ею ужасались, но во всех случаях эта теория в той конкретной российской ситуации не работала. И первой понимала это Екатерина II.

Истово и болезненно преодолевавшая инерцию средневекового мировосприятия, Россия была, безусловно, далека от политико-революционных и социальных проблем Европы. Россия видела иные сны. Она только осваивала гуманистическое мировосприятие. Освобождаясь от средневековых пут церковности и Домостроя, на свет Божий выходил человек более открытый и естественный, высвобождалось подлинное чувство, сострадание, явилась красота открытого женского лица. Возвышение земного, грешного человека во многом еще неосознанно определяло общественную атмосферу, проявляясь в культуре, идеологии, религии, науке, но в первую очередь в обыденной жизни. Начинался процесс "водворения подлинной человечности", который В.В.Зеньковский поставил в центр русского гуманизма⁸.

Но для адекватного самовыражения Россия не имела соответствовавшего словаря, поэтому вполне логично, что она обратилась к тому, что лежало ближе всего. Таким образом полусредневековая Россия вместе с привозной европейской литературой (художественной, социально-экономической, политической, религиозной), в изобилии заполнившей столицы и поместья, по-

---

⁸ Зеньковский В.В. История русской философии. Париж, 1989. Т. 1. С. 94.

лучила словарь зрелой Европы, давно освоившей гуманистическую, ренессансную культуру, пережившую Реформацию и стоявшую сейчас перед проблемами Просвещения.

Вполне очевидно, что "французская философия как система не могла стать цельным и определенным мировоззрением за отсутствием у нас известных культурно-исторических условий. Сама философия у нас только зарождалась. Зародыши философской мысли в России не могли также противопоставить вольтерьянству критицизма, основанного на известной эрудиции, и примирить противоречия системы энциклопедистов. Вместо усвоения французской философии как системы, мы видим ее русификацию в широких кругах русского общества"⁹. "Руссификация" в данном случае означает поверхностное, упрощенное и даже утрированное восприятие отдельных положений (принципов, лозунгов, понятий и т.п.) просветительской идеологии и философии, не доходившее до целостного ее понимания.

С этой "революционной" теорией без страха кокетничала Екатерина. Смелость императрицы мы объясняем тем, что она в сочинениях энциклопедистов видела лишь "несбыточные теории", не имевшие практически никаких точек соприкосновения с тогдашней Россией. Вспоминая о своих беседах с Дидро, Екатерина признавалась Сегюру: «"Я долго и часто с ним беседовала, но более с любопытством, чем с пользою. Если бы я послушалась его, то пришлось бы все перевернуть в моем государстве: законы, администрацию, политику, финансы - уничтожить все и заменить несбыточными теориями. Я откровенно ему сказала: "Господин Дидро! ... Со всеми Вашими великими началами, которые я понимаю отлично, хорошо писать книги, а плохо действовать. Во всех своих планах преобразований Вы забываете

---

⁹ *Тугалевский В.* Искание русских масонов. Из истории философских направлений в русском обществе XVIII в. СПб., 1911. С. 8.

различие наших положений. Вы имеете дело с бумагой, которая все терпит, между тем как я, бедная императрица, имслю дело с людьми"»¹⁰. Екатерина была мастерица передергивать: Дидро, конечно же, имел дело с бумагой, но не только с ней, в первую очередь, он имел дело с иным обществом, по которому и "мерил" Россию. Но в главном Екатерина была права - модные, пагубные, безбожные идеи энциклопедистов были "несбыточны" и ничем ей тогда не грозили. Однако мудрая императрица почему-то испугалась наивно-назидательной, религиозно-правоучительной литературы, в избытке выпускаемой частной типографией Н.И.Новикова, созданной по ее же удивительно смелому указу о частных типографиях.

Екатерина II испугалась литературы, выпускаемой московскими масонами, повторим, литературы не политической, но сугубо религиозно-этической, испугалась не деистов или нигилистов, но теистов, людей искренне верующих. Они, правда, также толковали о свободе и равенстве, но иначе, нежели энциклопедисты. Конфликт просвещенной императрицы с масонами - тоже своеобразный знак эпохи.

Из воспоминаний русских масонов известно, что к масонству пришли бывшие поклонники модного вольнодумства, вольтерьянства, в котором они очень быстро разглядели лишь разрушительную энергию, покушавшуюся на веру, нравы и государство. "Проповедники богопрогивной (антихристовой) сей церкви суть: оные модные философы, которые тщатся доказывать, что душа смертна; что самолюбие должно быть основанием всех действий человеческих; что Христианство фанатизм. Сии-то вредные пустословы, - продолжает И.В.Лопухин, еще недавно охотно читавший "вольтеровы насмешки над религиею" и переводивший

---

¹⁰ Шугуров М.Ф. Дидро и его отношение к Екатерине II // Оснадцатый век. Исторический сб., изд. П.Бартеневым. М., 1868. Т. 1. С. 288-289.

Гельвеция, - прелестными для плоти писаниями своими много содействовали к порождению буйного стремления ко мнимому равенству и своеволию, в противоположность порядка небесного и земного благоустройства, и в противность Божественному велению, Царя чтить и повиноваться властям предержавшим¹¹.

Просветительская теория обосновывала требования сословного равенства и свободы личности. В России просвещенческая идея свободы принимала сразу абстрактный характер, ибо в условиях "уверенного в себе" самодержавия и процветавшего всеобщего рабства идея свободы имела смысл метафорический, точно также тогда оставалась непонятной идея внесословного равенства. Особенно наглядно это было видно в социально-политических проектах тех же масонов Фонвизина-Паниных: до конца оставалось не ясным, о каких правах идет речь и кто может быть равен в правах с дворянством, ведь не крестьяне же - это очевидно. Князь М.М. Щербатов идею "равности состояний новых филозофов" искренне считал "химерой". Попытки встать на европейский уровень и сформулировать требование "прав нации" также были смехотворны, ибо нация - это кто? ведь не крепостные же - это опять очевидно. Проблема равенства в политико-правовом значении была не то что нова, но непривычна русскому уху, да и чаще просто непонятна.

В российской действительности последней четверти XVIII в. проблема свободы сводилась к проблеме рабства (крепостничества), решение которой откладывалось в бесконечность, ибо ставилось в зависимость от степени просвещения народа. Это пресловутое "как только - так сразу" звучало успокаивающим совесть лейтмотивом в общественном мнении практически до появления книги

---

¹¹ Лопухин И.В. Некоторые черты о внутренней церкви, о едином пути истины и о различных путях заблуждений и гибели. Спб., 1801. С. 22-23.

А.Н.Радищева, да и позже, не обнаруживая трагизма ситуации, верно не потому, что общество сплошь состояло из извергов. Позиция Е.Р.Дашковой, отец которой также принадлежал к русскому масонству, выражала общее мнение. "Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок, - говорила Екатерина Дашкова Дидро в 1770 г. - Когда же низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушат порядка"¹².

Масоны же проводили идею равенства, исходя из принципов христианства: все равны во Христе, все друг другу братья. Отсюда следовали нормы и заповеди, регулировавшие и направлявшие поведение человека. Равенство в религиозно-нравственном смысле было понятно и звучало адекватно господствовавшим представлениям в обществе. Соответственно и проблеме личной свободы русские масоны перевели в совершенно иную плоскость: из практической, но не реальной, призрачной, - в духовную, обернув ее как понятие нравственное, и даже более, определив свободу как "дар Божий, составляющий величие человека" (Лопухин), масоны представляли ее как неотъемлемое, вековечное свойство человека. Такое понимание свободы в определенной мере смыкалось с теорией естественного права, хотя масоны вели речь о свободе иной, внутренней. "Тщательно старайся соблюдать свободу души твоей, чтобы не сделать ее, через беспорядочные желания временного, рабою и невольницею земных вещей, ибо душа твоя благороднее всего мира"¹³.

Идея автономии личности стала известна русскому просвещенному обществу из западноевропейских источников еще в первой половине XVIII в. Она логически

---

¹² Дашкова Е.Р. Записки княгини Е.Р.Дашковой. Спб., 1907. С. 102.

¹³ Арндт И. Об истинном христианстве. М., 1784. Ч. I. С. 494.

исходила из теории естественного права, в общих чертах известной в России. Соответственно, поклонники теории естественного права, коих становилось все больше, в той или иной мере разделяли принципы автономии личности. В этом плане очень верно замечание В.В.Зеньковского, что естественное право являлось как бы одним из идеологических устоев русских гуманистов XVIII в. Однако теория естественного права в России оставалась только теорией, причем ее академическая разработка преследовалась правительством. Тем не менее широко представленная в западной литературе, распространенная с ней у нас, она в огромной мере определяла общественную атмосферу, оправдывала направление развития секулярной культуры. Массонство, представляя собой в первую очередь организованный образ жизни и мировоззрения, давало возможность превратить автономность личностного существования из отвлеченной идеи в способ существования. Массоны прошли соблазн рационалистической логики, отвергли ее, но и всех ближе подошли к пониманию феномена внутренней свободы - характернейшей черты русской интеллигенции, питавшей, в конечном счете, и ее оппозиционность.

Революционный пафос просветительской идеологии, преждевременный в конкретных условиях России, был как бы неуместен, оттого не страшен. В то же время масонские идеи человеколюбия представляли весьма серьезную силу. Оттого-то реакция Екатерины II, приказавшей сжечь всю религиозно-нравственную литературу, но оставить сочинения энциклопедистов, оказалась безошибочно верной (с точки зрения интересов самодержавия).

Религиозно-этическая направленность русского масонства соответствовала гуманистическому движению, охватившему общество, явилась реакцией на рациона-

лизм просветительства, а также, как всякое мистическое внецерковное движение, - на формализм и догматизм церкви. Формирование движения масонов совпало со временем становления буржуазных отношений в XVII-XVIII вв. Переломная эпоха породила новую волну мистицизма, оформившегося в такие религиозные образования, как кружки янсенистов, квиетистов, квакеров, хлыстов и т.п. С масонством эти мистические течения объединяет ряд общих признаков, а именно "во-первых, усиление, по сравнению с ортодоксальным христианством, религиозно-антропоцентрических моментов, упор на личное духовное возрождение (совершенствование); во-вторых, подчеркивание необходимости обретения личностью "благодати" независимо от посредства церкви, и, в-третьих, масонству, также как и перечисленным выше движениям, присущ перфектизм - иррациональное убеждение в возможности достижения человеком совершенного состояния, бесконечно близкого евангельско. у идеалу"¹⁴.

Ключевая идея масонской доктрины - самосовершенствование личности. Процесс самосовершенствования основывался на познании Бога и себя самого. "Познание Творца и творения открывают человеку связь его с ним и цель его создания. Без сего познания не может быть основательное познание самого себя. Без познания же самого себя не можно иметь премудрости"¹⁵. В процессе самопознания посвященный, восходя по ступеням "познания в себе скверны", "покаяния", "крестного пути по Иисусу Христу", "угнетения похоти плоти, очес и житейской гордости", достигает ту "размерность или своеобразность, в которой Бог без повреждения числа Своего или Своя чистоты возможет быть в вас"¹⁶. Смирение, покаяние, мистическое напряжение играли, по мнению

---

¹⁴ *Балдырев А.И.* Проблема человека в русской философии XVIII в. М., 1986. С. 90.

¹⁵ *Лопухин И.В.* Записки сенатора. С. 22.

¹⁶ *Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов. С. 269.

масонов, главную роль в процессе самосовершенствования. Богатство духовного мира масона было обусловлено постоянной внутренней душевной работой.

Процесс самосовершенствования человека, по логике масонов, находится вне среды и общества. Отсюда частые сентенции, типа: "Главное место наших подвигов находится внутри нас"¹⁷ или: "основание наше должно быть в нас самих"¹⁸. Таковы первые смиренные формы проявления индивидуализма. Если традиционная христианско-нравственная парадигма русского умонастроения в масонстве только усилилась, то тенденция к индивидуализации была принципиально новой, предромантической, по сути. Мартинисты, говорил масон А.М.Кутузов, "суть не что иное, как люди, старающиеся, уединяясь от шумных и бесполезных бесед, приводить в совершенство свойсты, Творцом в них впечатленные, и, презря мечтательность и суету, приближаются к цели истинного человека"¹⁹.

"Истинный человек" - вершина мистического самопознания и нравственных трудов масона. "Дом его есть храм, в котором он, упражняясь в познании себя и чтении божественных книг, познает свою немощь, злодеяния свои, свое падение и грех, и непрестанно сам с собою борется, и так упражняясь и познав ничтожность свою и что он есть падший грешник, он упражняется кротостию, дьявольскую духовную гордость от себя отторгает и так украшен смирением, он примером своим светит пред человеками"²⁰. Нарочитому эгоизму новой морали масоны предпочли смирение.

"Насилование своея воли, молигва, воздержание (духа, разума, чувств), дела любви, поучения в познании природы и самого себя" - таковы главные "упражнения" "идущих на пути к Божественной жизни, или на пути к

---

17 Барсков Я.Л. Переписка московских масонов. С. 60.

18 Там же. С. 87.

19 Там же. С. 97.

20 Там же. С. 260.

началу возрождения во Христе"²¹. Это и есть заветный путь духовного возрождения, второго рождения ко внутренней, Божественной жизни, главным условием которого была постоянная работа духа. "Располагаясь ко служению и поклонению Отцу небесному, надлежит сколь можно чаще всею мыслию, и наипаче в самой тайной глубине сердца своего, упражняться в молитве, в тишине внутренней, отвращаясь от внешности и входя внутрь себя, обращаться к Богу"²².

Переходная эпоха тем и интересна, что дает наглядное представление о положении различных типов культуры, синкретичности сознания, о бытовании противоречивых установок при органической цельности миропонимания. Так и здесь. Масонская доктрина дает парадоксальную картину христианизированного индивидуализма - что называется "уничуждение паче гордости", - еще далекого от индивидуализма гордого романтика XIX в.

Верным руководством к этому движению ко внутренней, божественной жизни, помимо Священного Писания, были "писания истинных философов", содержащие "теорию истинного самопознания", а именно труды Фомы Кемпийского, Я.Беме, Сен-Мартена, Иоанна Массона, Сведенборга и других западных мистиков. "Поучаясь таким образом в теории истинного самопознания, должно испытывать себя, наблюдать движения своего сердца, побуждения его, и коренные причины своих действий. И таковые упражнения много нас просветят в самопознании"²³.

Внутреннее состояние человека оттого имело наиважнейшее значение в масонстве, что, подобно всем мистикам, масоны Царство Божие мыслили внутри человека. "Где можно обрести Христа? - В царстве Его, которое и внутрь нас есть. Что нужно, чтобы внийти в цар-

---

21 Лопухин И.В. Некоторые черты о внутренней церкви. С. 62.

22 Там же. С. 58.

23 Там же. С. 88.

ство Божие? - Родиться вновь, или духовно родиться свыше²⁴. Это основной мистический принцип лег в основу учения масонов о внутренней церкви, которое, в свою очередь, опиралось на авторитет апостола Павла: "Не весте ли яко телеса ваиша храм суть святого духа живущаго в вас" ("Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?" - III.16.).

Эти слова апостола Павла из первого послания к коринфянам многие века смущали покой церковной жизни как на Западе, так и в России, ведь при бесхитростном их прочтении, действительно, могло возникнуть сомнение в необходимости земной церковной организации, соперничающей с властью кесаря. Парадокс заключается в том, что чем более церковь обмирщалась, тем далее она отходила от человека, а истинное христианство все более усматривалось в первоначальном христианстве. Для тех, кто не мог принять мирской дух земной церкви, для того особым смыслом были полны слова апостола, подтверждающие правомочность сугубо личного, внутреннего, духовного отношения к вере.

Актуальность масонского учения определялась состоянием раздваивавшегося общества. Импульс поискам истины, в основе которого лежал мотив самооправдания, давало масонское толкование легенды о первородном грехе. Падение Адама, потеря им Божественной благодати, дающей способность созерцать Бога и внимать Ему, соответственно стремление к возвращению этого утраченного "изначального совершенства" - все это было глубоко символично, имело явные параллели в современной жизни. Если цель масонских дерзаний - проникнуть в область сокровенного, то средства тому уже всецело находились в воле человека, в непрерывном совершенствовании себя, как организации, на достигнутом высоком уровне способной слышать Слово Божие. Масонство претендовало на овладение сокровенным зна-

---

²⁴ Лопухин И.В. Некоторые черты о внутренней церкви. С. 58:

нием, исходя из уверенности в изначальном богоподобии человека, из уверенности в безграничных возможностях человека в развитии высших духовных сил. Массонство можно рассматривать как одно из направлений формировавшейся в России христианской антропологии, в данном случае мистической. Именно такое христиански-мистическое направление будет в дальнейшем наиболее характерно для развития антропологии в духовной философской традиции.

Рассматривая феномен русского масонства в то же время нельзя не заметить, что в уповании на внутреннюю работу духа таилась и серьезная опасность. Ни регулярного исполнения предписываемых церковью обрядов, ни послушания масонам было недостаточно. Все это в их понимании были лишь ступени или средства к истинной, внутренней церкви. Возрастала роль индивидуального выбора в религиозном самоопределении, что помимо всего положительного, связанного с осознанием личностной самодостаточности, в то же время не сулило основательности и необходимой меры определенности в делах вероисповедных. Эклектизм учения и возможность его субъективного толкования (по крайней мере, в большей степени, чем в православии) составляли дестабилизирующий фактор в существовании масонства.

Затем чрезвычайно высокие нравственные требования при отсутствии объективных критериев оценки (кто может с достоверностью определить, создал ли брат внутреннюю церковь, посетил ли его Святой Дух, снизошла ли на него благодать, воцарилось ли царство Божие в душе его?) делали религиозную проблему каждого масона его глубоко личным и неподсудным делом - залог религиозной терпимости; в то же время естественная для человека невозможность долгого пребывания на высоте нравственного максимализма обусловила чрез-

вычайную хрупкость, нежизнеспособность масонства, в действительности часто профанировавшего самое себя.

Хотя масонство охватило немалую часть просвещенного общества, оно все же оставалось сугобо элитарным явлением. Интеллектуальная сложность масонского учения, с одной стороны, и требуемые постоянные самоограничения, труд души, подчиненные одному закону нравственному, - с другой, конечно же, отсеивали простых почитателей моды от истинных братьев. Да и таинственность обряда для многих была сильнейшим, если не единственным, стимулом вступления в масонскую ложу. Мотивы, которые двигали, очевидно, большинством братьев, не пощадив себя, передал масон И.П.Елагин в "Повести о самом себе": "Любопытство и тщеславие, да узнаю таинство, находящееся между ними, как сказывали, тщеславие, да буду хоть на минутку в равенстве с такими людьми, кое в общечитии знамениты... Работы в них почитал совершенною игрушкою для препровождения праздного времени вымышленною. Притом и мнимое равенство, честолюбие и гордости человека ласкающее, боле и боле в собрание меня привлекало: да хоть и самое краткое время буду равен власти, иногда и судьбою нашею управляющей. Содействовала тому и лестная надежда, не могу ли чрез братство достать в вельможах покровителей и друзей, могущих споспешествовать счастью моему. Но сие мечтание скоро исчезло, открыв ту тщету упования, и ту истину, что вышедший из собрания вельможа... что я говорю вышедший? ... в самом собрании есть токмо брат в воображении, а в существе вельможа"²⁵.

Таковы были кулисы масонства. В стремлении постичь чужое и непонятное, оно, особенно в начале, действительно, было нелепо и претенциозно, что видно из той же записи Елагина: "Не приобрел я из тогдашних работ наших ни тени какого-либо учения, ниже препода-

---

²⁵ *Елагин И.П. Записка // Русский архив. 1864. № 1. С. 99.*

даяний нравственных, а видел токмо единые предметы, неудобь постижимые, обряды странные, действия почти безрассудные; и слышал символы нерассудительные, катехизисы, уму несоответствующие, повести, общему о мире повествованию прекословные, объяснения темные и здравому рассудку противные"²⁶.

Учитывая это обстоятельство, надо учитывать также и очень высокую для того времени значимость обряда как такового, позднее утраченную. Неприятие старой, заформализованной обрядности вело не к отказу от нее, но к существенному обновлению. В этом проявилась одна из характерных черт XVIII в. - гипертрофированное смысловое значение внешних форм. В обществе, еще во многом традиционном, любая идея должна была прежде обрести свою внешнюю форму существования. Но все же русское масонство конца XVIII в. невозможно свести исключительно к обряду, тем самым просто сняв вопрос о его роли в процессе формирования общественного самосознания. Сколь бы ни велико было число слепых поклонников обряда, сколь бы простодушны ни были охотники до тайны, русское масонство в сути своей далеко от светского маскарада. К сказанному можно добавить, что преданность масонству в России не ставилась в жесткую зависимость от строгого выполнения обряда. Так, наиболее ревнивый из русских масонов, Н.И.Новиков, вообще не придерживался масонского обряда, стремясь найти в масонстве цельную мировоззренческую систему, объединявшую идеи нравственного возрождения, внутренней духовной свободы человека, общечеловеческого братства и справедливого общественного строя в поле истинного христианства. Ценность системы Новиков связывал с результатами практической деятельности.

---

²⁶ *Елагин И.П.* Записка // Русский архив. 1864. № 1. С. 100.

Подвижников по духу и по совести, людей, одержимых идеей служения Богу в миру, были единицы. В конце XVIII в. они объединились вокруг Новикова. Меньшая часть русских масонов вслед за развитием европейского масонства занялась изучением мистических оккультных наук, для овладения которыми на Запад посылались стипендиаты. Для большинства же русских масонов масонство означало новую светскую религию, объединявшую (чаще родовую знать) в некое сообщество (род клуба) по интересам и совести, лишенную догматизма и формализма официальной религии, обладавшую преимуществом независимости от государства. Можно сказать, что масонство в России - это своеобразная верхушечная компенсация несостоявшейся Реформации.

С масонскими ложами связывают первые организационные формы самодеятельности общества. Хотя со второй половины XVIII в. в России появляется немало научных и литературных обществ, именно масонство представило независимую тайную общественную организацию, которую без особого труда можно было превратить в политическую. В XVIII в. до этого не дошло, но опыт лож использовали декабристы, продолжившие линию аристократической оппозиции, но уже в иных формах.

Таким образом, масонство представляло собой религию, но религию внецерковную, ибо в вечном споре Церкви и Человека выбирать пришлось именно в тот момент, когда церковь как духовный пастырь переживала дни затмения, а человек (конкретнее, человек, принадлежавший к интеллектуальной элите общества) впервые стал ощущать свою самодостаточность. Тем не менее религиозная сторона русского масонства была выражена очень сильно.

Масонство отодвигало "религию обряда" на второй план, видя во "внешнем богослужении" средство для

"внутреннего"²⁷. Официальное православие принималось, но наделялось эпитетами "внешнего" и "наружного", подготовительного по отводившейся ему роли. Обратившись непосредственно к Писанию, русские масоны стремились вывести "истинное христианство" непосредственно к человеку, минуя отчуждавшую человека от Бога церковную обрядность. Масоны так и называли себя - "прямыми христианами", заявляя, что "то государство счастливее, в котором больше прямых христиан. Они токмо могут быть хорошими подданными и гражданами"²⁸. Но ни вера, ни сила молитвы, ни пост, ни воздержание, ни ведение тайн, ни дар пророчества, ни даже чудотворения" не суть знаки истинных членов церкви, или истинных христиан". Только любовь "знаменует во истину члена Христова", ибо "любовь есть Бог, и пребывая в любви в Бозе пребываешь"²⁹.

Приводя именно эти евангельские заповеди, масоны, конечно, вели спор с официальной идеологией, в том числе и церковной. Обществу не хватало обыкновенного человеколюбия. Масоны, безусловно, были недовольны состоянием официальной церкви, но, признавая полезность церкви внешней, они как бы снимали проблему официальной церкви.

Однако сама православная церковь, в свою очередь, не могла так легко снять проблему масонства. "Церковные проповедники обличали масон как "скотоподобных безбожных атеистов, отступников, раскольников, армян"³⁰. Основания для подобных обвинений имелись, так как иногда масоны более определенно высказывались в отношении внешней обрядности. Так, Лопухин "лжетрудниками духовными" называл монахов и даже пустынножителей. По мнению Лопухина, они "по ложному понятию о путях спасения суеверием, во зло

---

27 Лопухин И.В. Записки сенатора. С. 33.

28 Барсков Я.Л. Переписка московских масонов. С. 17.

29 Лопухин И.В. Некоторые черты о внутренней церкви. С. 26-30.

30 Боголюбов В. Н.И.Новиков и его время. М., 1916. С. 179.

употребляют уставы религии; предаются воспалению воображения, бесполезному и безвременному умерщвлению плоти, незаконным мучениям, пригвождают себя ко внешности и впадают в идолопоклонство, мня приносить службу истинному Богу³¹. Здесь отчетливо проступают реформационные тенденции масонства, но Лопухин, по-видимому, не учитывал, что и пустынножительство, как и старчество, на Руси во многом объяснимы теми же поисками истинной веры, бегством от "внешности", потому и мистический элемент в них был неизмеримо выше. Только пути спасения ими виделись в неприняемом масонством аскетизме плоти, созерцательности, уединенной молитве, в чем также можно усмотреть отход от официальной церковности как слишком поверженной мирским страстям. В оценке старчества и пустынножительства Лопухин был, пожалуй, высокомерен, но там, где он обличал догматизм, стяжательство, послушание в обмен на спасение, убивающие душу церкви, омертвелый обряд, напоминавший магию, - там Лопухин был прав.

Фактическое отвержение масонством православия делает правомерным соотнесение масонства с одной из христианских сект. По мнению Е.И.Тарасова, "будучи одной из христианских сект, масонство стремилось к чистому, неискаженному христианству первых веков нашей эры"³². Однако, продолжает автор, "у наших масонов это стремление очистить себя через познание своих грехов весьма напоминает обыкновенное очищение себя молитвой и сокрушение о грехах, предписываемое религией. И что наши масоны оставались христианами и глубоко православными, в этом нет никакого сомнения"³³.

---

31 Лопухин И.В. Некоторые черты о внутренней церкви. С. 13.

32 Тарасов Е.И. Московское общество Розенкрейцеров // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1914. Т. 1. С. 13.

33 Там же. С. 17-18.

Субъективно масоны искренне считали себя православными, веря, что в масонстве они воссоздают истинное православие. В решении этого противоречия наиболее резонным нам кажется мнение Н.Пиксанова: "Высказавшись за верность православной церкви, новиковские масоны тем самым освобождались от обсуждения догматических тонкостей и мало ими интересовались. Созидая свою малую и высокую церковь, русские масоны дорожили больше всего "душевым делом", тою сокровенною религиозностью, которая ведет человека к непосредственному общению с Богом и возлагает на верующего подвиг нравственного совершенствования. Церковно-обрядовое общение братьев-масонов есть преддверие к личному религиозно-нравственному подвигу. Нравственное усовершенствование, "последование Христу" и мистическое единение с Божеством - вот элементы, слагающие душевное дело масона. Здесь вновь русское масонство попадает во власть общехристианской этической доктрины с ее проповедью самоотречения и аскетизма"³⁴.

В строгом соответствии с догматикой, к православию масонство, действительно, отнести невозможно - в русском варианте конца XVIII в. оно составляло одну из разновидностей мистического христианства. Но эта душевная наполненность, особая отзывчивость и жертвенность "братьев" (благотворительная деятельность для членов новиковской Компании была совершенно разорительной) делало масонство в России, несмотря на все западные формы и вывихи, неповторимым в своей особенности именно русским масонством, то есть первым в России религиозно-идеалистическим и этическим одновременно движением и философией, или практической философией. Наиболее точно эту мысль выразил А.В.Семека: "Яд просвещения, - новая прививка умственной работе, - не давала возможности вернуться к

---

³⁴ Пиксанов Н.И. В.Лопухин // Там же. С. 249-250.

простой вере отцов: здесь-то и пришло на помощь забытое масонство с его мистической религиозностью и нравственными преподаваниями. Мало того, личная трагедия привела лучших русских людей к сознанию общественной опасности и сделала их истинными интеллигентными работниками, боровшимися против общественного бедствия "злонравия", избрав себе оружием религиозно-идеалистическую философию масонства. Вот с этого момента масонство в России становится русским масонством, несмотря на иноземное происхождение и иноземные формы; даже содержание его было всецело чужим, но оно было согрето русским духом проснувшегося национального самосознания и поэтому может быть по всей справедливости названо первым идеалистическим течением русской общественной мысли"³⁵.

В масонстве была обнаружена возможность истинной "чистой" христианской веры. Масонство позволяло не видеть ничтожества духовенства, оно утешало потерянных в тупиках рационализма, оно указывало путь в жизни - путь нравственного перерождения в служении Христу и людям любовью, что дарило надежду и указывало на смысл жизни. Немудрено поэтому, что Новиков отождествлял масонство с православием, а Екатерина II видела в нем ересь.

Однако наиболее просвещенные представители высшего духовенства понимали, что русское масонство невозможно отвергнуть и осудить как ересь. Осознавая недостатки официальной церкви, сокрушаясь ее унижительному положению, эти немногие интеллигенты из русского духовенства не могли не считаться с духовной высотой и истинно христианским подвижничеством русских масонов. Митрополит Платон, по приказу Екатерины экзаменовавший Новикова в вопросах вероиспо-

---

³⁵ *Селека А.В.* Русское масонство XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. С. 135.

ведения, пожелал, чтобы все православные были столь же прилежны и знающы. Более того, из двух зол, вероятно, большее неприятие в среде духовенства вызывали пагубно действовавшие на веру и на нравы общества сочинения энциклопедистов, нежели религиозно-нравственная, назидательная и святоотеческая литература, выпускаемая Типографической Компанией Новикова. В этом мощном потоке религиозно-просветительной литературы собственно мистическая масонская литература занимала малую часть, но и она не произвела столь негативного впечатления на инспектировавшего издания митрополита Платона, как сочинения просветителей, о чем он и сообщил императрице. Реакция Екатерины была, на первый взгляд, нелогична, но в действительности совершенно в соответствии с логикой российского самодержавия: практически все религиозные издания приказано было изъять и сжечь.

"Масонство, - объясняет П.Миллюков, - было терпимо, пока высокопоставленные лица занимались им для собственного развлечения. На масонство не обращали особенного внимания и тогда, когда оно обратилось к работе внутреннего самосовершенствования и к таинственным алхимическим занятиям. Но масонство, как частное общество с задачами общественного характера, как организованная общественная сила, располагавшая крупными денежными средствами, распространившая через своих членов "сокровенные книги от Риги до Донских станиц", сильная своими влияниями на общество и крепкая внутренними убеждениями, - это масонство было явлением неслыханным в русской жизни. Оно занимало слишком видную позицию, чтобы можно было дальше его игнорировать"³⁶.

Несложные нравственные заповеди, густо религиозно окрашенные, подкреплялись существенной по

---

³⁶ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Спб., 1913. Ч. 3. Вып. 2. С. 363-364.

масштабу благотворительной деятельностью: созданием школ, больниц, богаделен, помощью голодавшим. Маленький теософский кружок мартиниста Новикова превратился в Компанию, а религиозно-нравственная философия, которая еще недавно потешала императрицу, обернулась вдруг той социальной активностью, которая имела уже политические последствия. Такой поворот дела не мог не встревожить Екатерину.

Оговоримся, что в XIII, да и в XIX в. правительство с особым пристрастием относилось к раздаче милостыни, как ни курьезно, всерьез усматривая в этом бескорыстном жесте ... коммунизм. По свидетельству Лопухина, князь Прозоровский, ведший в Москве дела масонов, "был неохотник до такой морали и подавателя милостыни казались ему бунтовщиками"³⁷. Сама же Екатерина указала Прозоровскому допросить Новикова, "не из корысти ли он устраивал человеколюбивые заведения"³⁸. Однако фарс перерастал в трагедию, когда по той же причине, обвиняя бескорыстного и лояльнейшего князя В.Ф.Одоевского в коммунизме, уже правительство Николая I закрыло крупнейшее, созданное Одоевским, благотворительное Общество посещения бедных. На недоуменный вопрос Одоевского: "Что вы нашли сходного?" один господин ему ответил: "Да хотите знать, в сущности всякая милостыня есть коммунизм, ибо всякая милостыня имеет целию уравнивать богатого с бедным"³⁹.

Благотворительная деятельность новиковской компании была столь грандиозна, что накладывала определенную тень на государственную заботу матушки-императрицы о страждавших, отнюдь не стремившуюся уравнивать богатого с бедным. И тогда Екатерина предупредила общество об угрозе нового раскола. Это была не

---

³⁷ Лопухин И.В. Записки сенатора. С. 45-46.

³⁸ Пекарский П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. Спб., 1869. С. 211.

³⁹ Отдел рукописей ГПБ. Ф. 539. Оп. I. Пер. 59 л. 76, об.

только спекуляция на религиозном чувстве с тем, чтобы ополчить ревнителей истинного благочестия на "еретиков". В реакции мудрой Екатерины сказалось понимание того, что любая идея, несущая даже минимальную угрозу самодержавию, в России может стать популярной в народе, приняв религиозную форму.

Русские масоны не стремились к подрыву самодержавного порядка. В своем стремлении, исходившем из основ учения - возлюбить каждого, отдать все, что имеешь, нуждающемуся, - Новиков был лишь последователен, вернее, одержим. Политические выводы делались уже императрицей, которая о Новикове сказала: "Мартинист хуже Пугачева".

Много позже В.В.Зеньковский пояснит опасения Екатерины II: "В русском масонстве формировались все основные черты будущей передовой интеллигенции - примат морали и сознание долга служить обществу"⁴⁰. Масонская доктрина содержала весьма привлекательные положения, близкие идеям первоначального христианства, которые в сочетании с широкой просветительской и благотворительной деятельностью могли стать весьма популярными в массах, претендовать на роль новой религии. Тем более, что общество было готово к ее восприятию, оно ее ожидало. Этот нереализованный в XVIII в. импульс вылился в массовое увлечение мистицизмом в начале XIX в.

Екатерина, как позже Александр I, будучи инициатором просвещенческой компании, способствовала росту самосознания личности. Но логика самодержавия такова, что всякое свободное развитие личности его страшит, представляя определенную угрозу, хоть и только потенциальную, режиму.

Таким образом, русское масонство мы рассматриваем как религиозное течение, характерное для станов-

---

⁴⁰ Зеньковский В.В. История русской философии. Париж, 1989. Т. 1. С. 106.

ления раннебуржуазного общества. Особенное значение для формирования идеологии масонства имели идеи свободной личности, гуманистические идеалы братской любви и взаимной помощи. Осмысление этих понятий привело к осознанному выдвиганию идеи самосовершенствования личности в качестве основополагающей в учении русских масонов.

Этическая сторона учения была неразрывно связана с религиозной традицией раннего христианства и других мистических течений. В России XVIII в. гуманистические и реформационные процессы были выражены слабее, но при всех антицерковных настроениях религиозность массового сознания проявлялась в значительно большей степени, чем на Западе, что в совокупности определило специфичность русского масонства.

Некоторые претензии Екатерине не получили политического оформления. В основном русские масоны действовали в рамках нравственно-религиозных устремлений, рисуя утопические проекты будущего общества, основанного на любви, филантропии и нравственном совершенствовании каждого. С нарастанием правительственной реакции начала 90-х гг. в масонстве усилился мистико-окультный элемент.

Масонство, особенно русское, не поддается однозначной оценке. При сравнительно слабом развитии личностного самосознания в России XVIII в., при еще далеко не признанной (не усвоенной) мысли о самоценности человека, самоценности внесловной, внерелигиозной, масонство с его четкими индивидуалистическими установками и одновременно высокими этическими идеалами играло в развитии общественного сознания немалую и весьма важную роль. Даже процесс мистического восхождения к Богу, несущий в себе высокую культуру рефлексии, тем более диалог с Богом, словом, сугубо индивидуалистический процесс самопознания служил прологом к проявлению в той или иной мере самоутверждения, самовыражения, а следовательно, и

самосознания личности. Массонство, отвечая современным потребностям, раскрывало "учение о сокровенной жизни в человеке, о сокровенном смысле жизни вообще"⁴¹ - в этом важнейшее значение масонства для формирования русской духовной культуры. Немалую роль играло и приобщение русского общества к западно-европейской культуре, пробуждении его интеллектуальных запросов.

Наиболее адекватная оценка русского масонства прозвучала в начале XX в., и в частности, в трудах Н.А.Бердяева. "В масонстве, - считал он, произошла формация русской культурной души, оно давало аскетическую дисциплину души, оно вырабатывало нравственный идеал личности. Православие было, конечно, более глубоким влиянием на души русских людей, но в масонстве образовывались культурные души петровской эпохи и противопоставлялись деспотизму власти и обскурантизму. Влияние масонства подготовило у нас и пробуждение философской мысли в 30-е гг., хотя в самом масонстве оригинальных идей не было"⁴². Бердяев был наиболее точен, рассматривая масонство как тенденцию развития русского духа. Упрек же П.Милюкова не корректен, который, в частности, писал: "Вместо борьбы за реформу масонство ставило человеку задачу внутреннего самопознания и работы над самим собою". Здесь едва уловимая перестановка понятий - общий грех отечественной историографии - неадекватная оценка событий и фактов истории. О каких реформах в 70-90-е годы XVIII в. могла идти речь? В общественном сознании еще не было этого понятия - реформы. Осмысление петровских преобразовательных указов как реформ началось лишь в XIX в. Указы верховной власти имели значение реформ как осуществление высочайшей воли по государственному преобразованию. Но реформа

---

⁴¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. С. 106.

⁴² Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. С. 58.

как выражение преобразовательных устремлений части общества, как род самодеятельности общества - этого еще не знали в екатерининское время - инициатива принадлежала и исходила безоговорочно от верховной власти. Единственно, в чем мнение общества могло выразиться, так это в так называемых "кондициях", в заключениях разного рода комиссий, созванных высочайшей волей, и дело этой высочайшей воли - как реагировать на мнение тех или иных кругов общества. Оттого лишены основания всевозможные упреки критики в реакционности масонства. Это эффект переноса определенных понятий и атрибутов, современных исследователю, в иные временные ситуации, где они просто не работают.

Если уже и говорить о политическом значении какого-либо общественного движения, то учитывая, что есть и были самые различные формы оппозиционности. Оппозиционность аристократии в последней четверти XVIII в. несла положительное стремление реформировать церковь - конкретно: обновить христианство, усилить в нем личностный момент, обосновать суверенное право личности. И то, и другое, то есть и заявка на личностную автономию и отторжение официальной церкви - воспринималось и объективно значило одно: противодействие самодержавному диктату, ибо его неограниченной воле были подвластны равно и церковь, и человек.

То, что это действительно было так, свидетельствует синдром "масонского заговора", которым было охвачено правительство Николая I. Любой, не то что либеральный жест, но просто свободное, творческое самопроявление личности, будь то Арзамасское общество, Царскосельский лицей или кружок любомудров, непременно связывались с "масонской сектой мартиниста Новикова". А отслеженное агентами общество "под флагом нравственной философии и теософии" правительство Николая I рассматривало как "ядро якобинства, где процветают

идеи Рылеева⁴³. Николай I сохранил пристрастия бабки - так же, как и она возможные неприятности общественному спокойствию усматривая в нравственной, вернее, религиозно-нравственной философии.

В Записке о Царскосельском лицее Ф.Булгарин выводил либерализм и начало всех вольных идей из религиозного мистицизма секты мартинистов под началом Новикова, поясняя, что участники секты "способствовали Новикову к распространению либеральных идей посредством произвольного толкования Священного Писания, масонства, мистицизма", но они же, подчеркивал Булгарин, были и отцами многих осужденных декабристов⁴⁴. Либеральный дух Арзамасского общества, по мнению Булгарина, обусловлен был также тем, что "сие общество составили люди, из коих почти все были или дети членов Новиковской Мартинистской секты, или воспитанники ее членов, или товарищи, и друзья, и родственники сих воспитанников. Дух времени истребил мистику, но либерализм щ л во всей красе! Вскоре это общество сообщило свой дух большей части юношества"⁴⁵. Булгарин совершенно прав: мир тесен, а общество двух русских столиц тем более: масонство действительно сообщило дух свой, определив в немалой степени духовную парадигму русского общества, а именно неприятие официозной церковности, чуткость к правде не по разуму, а по совести, человеколюбие, сострадание, жертвенность.

В конечном счете, здесь корни гуманизации и довольно высокого уровня личностного и общественного самосознания России первой четверти XIX в. "Русское масонство XVIII и начала XIX вв. сыграло громадную

---

43 Граф А.Х.Бенкендорф о России // Красный архив. 1929. Т. 37(6). С. 150.

44 Модзалевский Б.Л. Пушкин в донесениях агентов тайного надзора // Былое. 1918. № I(29) С. 17.

45 Там же. С. 20.

роль в духовной мобилизации творческих сил России"⁴⁶. И вот почему. Массонство в России в конце XVIII в. представляло собой более чем возможность - реальную форму бытия осознанно независимой духовной автономии. Государство отеческой заботой покрывало всех, так что за редким исключением личность не обнаруживалась. Бесспорно, имела место слабая индивидуализация в общественных средах, неоспорима и духовная наполненность бытия человека в православной культуре, до поры не выявленная, оставшаяся на уровне частной жизни. Первые попытки нейтрализовать, погасить, утилизировать внутреннюю энергию духовности привели к тому, что она из неосознанного способа бытия сделалась необходимым его условием. Оградить и сберечь это прозрение в то время оказалось возможным лишь в приобщении к масонской тайне. Оттого русское масонство - это, в первую очередь, труд души, труд, не нуждавшийся тогда в оправдании.

---

⁴⁶ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. С. 104.

Глава III. Александровский мистицизм

Внешняя сторона религиозной жизни русского общества в начале XIX в. представляла невиданную прежде и нестерпимую для истинных ревнителей православия картину. Это был парад "интерконфессионального христианства" (Бердяев). Вся страна была охвачена сетью разрешенных законом масонских лож. Чрезвычайно оживилась деятельность различных сект, в частности, скопцов, хлыстов, куда тянулся мелкий и зажиточный городской люд, купцы, впрочем, иногда прибывало и дворян (большей частью офицеров). Близкая к хлыстовству секта Е.Ф.Татариновой привлекала многих особ высшего света. Ей покровительствовал сам государь Александр I, ее "радения" посещал князь А.Н.Голицын, обер-прокурор Синода¹.

Александр I все более входил во власть пиетического настроения и, казалось, подобно святому Владимиру Крестителю, искал для России новой веры. По ироничному наблюдению А.Н.Пыпина, "за границей Александр разделяет свои религиозные мечтания с королем прусским; он посещает в Силезии общины моравских братьев, которые поразили его внешним благоустройством своего быта и характером своей религиозности, в Бадене он беседовал с Юнгом Штиллингом, в Лондоне он оказывал большую благосклонность к квакерам, выражал сочувствие депутации Британского Биб-

---

¹ См. подробнее серию статей Н.Ф.Дубровина: Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1894. № 9-12. 1895. № 1-4.

лейского общества"². Иезуиты обращали в латинство многие возвышенные души. Протестантские пасторы открывали свои школы, агенты Библейского общества, методисты и квакеры наставляли в протестантском духе православных иерархов в каждой епархии. По словам Пыпина, "английских миссионеров удивляла терпимость нашего духовенства и его безучастие в вопросах религии"³. Миссионеры также отмечали, что растолковывать Евангелие, открывать истины религии и бороться против безверия наше духовенство было не в состоянии⁴. Однако же и православное духовенство, наконец, начало с амвона проповедовать "внутреннюю церковь".

Мы рассматриваем начинания Александра I, еще не ведавшего, что они закончатся новым приступом обскурантизма, в плане европеизации России, приспособлении ее к европейской цивилизации.

Александр продолжил политику "растворения" церкви в государственной системе. С учреждением в 1810 г. главного управления духовных дел иностранных исповеданий, а с 1817 г. - министерства духовных дел и народного просвещения (оба под ведением обер-прокурора Св.Синода князя А.Н.Голицына), Синод терял былую исключительность. Он приобрел статус административного подразделения, ведавшего делами православной церкви. В министерстве духовных дел наравне соседствовали отделы по делам православного, римско-католического, греко-униатского, всех протестантских вероисповеданий, а также прочих нехристианских религий. Таким образом правительство недвусмысленно заявило о своей приверженности политике веротерпимости:

---

2 Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре Первом. Пг., 1916. С. 341.

3 Пыпин А.Н. Российское Библейское общество // Вест. Европы. 1868. № 11. С. 235.

4 Записки квакера о пребывании в России // Русс. старина. 1874. № 1. С. 14.

инославные церкви теперь не подавлялись в интересах православной. До 1817 г. пользовались терпимостью правительства и раскольничьи общины. Александр I и кн.Голицын были не одиноки. Их взгляды разделяли ближайшие сотрудники Голицына: А.И.Тургенев, директор департамента просвещения объединенного министерства, а также некоторые иерархи, в частности архимандрит Филарет (Дроздов), ректор духовной академии, и митрополиты Петербургский Амвросий и Киевский Серапион. Филарет, будущий митрополит Московский, был членом Библейского комитета, а митрополиты Амвросий и Серапион - вице-президентами Библейского общества. Также вице-президентами были епископы Черниговский Михаил и Тверской Серафим, впоследствии оба митрополиты Петербургские. Правда, оборотной стороной веротерпимости явились гонения на православие. "Что ожесточало в России многих против действий и помышлений русских мистиков, стоявших у власти, это отсутствие и невозможность критики, так как цензура была сосредоточена в тех же руках князя Голицына, - писал впоследствии историк дома Романовых великий князь Николай Михайлович. - Кроме того, несмотря на всю свою веротерпимость, сам государь не любил, чтобы обсуждали или критиковали одобренные им мероприятия. Это соответствовало тем странностям его характера, где крайний иногда либерализм немедленно заглушался проявлениями такого же крайнего приступа самодержавия, что одинаково смущало его друзей и недоброжелателей"⁵.

Если в той или иной мере к веротерпимости склонялись российские правители в XVIII в., то Александр первым решился уравнивать православие, по крайней мере, с другими христианскими религиями. Эта дерзостная перестановка не означала просто практического

---

⁵ Николай Михайлович, великий князь. Император Александр Первый. СПб., 1912. Т. I. С. 205.

расширения принципа веротерпимости, свойственного, например, западно ориентированным Петру I и Екатерине II. Секуляризация в XVIII в. неизбежно вела к обмирщению и к формализации веры, но при подчеркнутом пиетете по отношению к православию. Александр же, напротив, стремился к обновлению (даже возрождению) веры и к всеохватной сакрализации общественной и государственной жизни, что отразилось наиболее ярко в политике "Священного союза". Подчеркнем: инициатором в этом обновленческом религиозном движении была светская власть. Именно этот смысл имело замечание Наполеона, о котором упоминал Пушкин: "Наполеон сказал Александру: Вы сами у себя поп; это совсем не так глупо"⁶. Нетрадиционность политики Александра связана, в первую очередь, с тем, что к началу XIX в. общество уже не обманывалось, признавая очевидным кризис православной церкви, следствием которого мог быть кризис веры. В начале XIX в. пафос общественного движения сосредоточился на религиозно-этическом обновлении общества и каждого человека в особенности. Формировавшееся индивидуалистическое сознание обрело право на существование в требовании религиозной автономии личности. И первое, что эту личность не устраивало, была православная церковь, вернее, ее состояние. "Она стояла одинокая, лишенная надежных вождей, в плачевном разъединении с царем и народом", - вынужден был признать неизменный приверженец официального православия А.С.Стурдза⁷.

Еще будучи наследником, Александр постоянно имел перед глазами примеры противоположного отношения к религии - рационально-прагматического при дворе его бабки Екатерины II, и пиетического, располо-

---

⁶ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 10. С. 334.

⁷ Стурдза А.С. О судьбе православной церкви в царствование императора Александра Первого // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1-3. С. 269.

женного к масонству - в гатчинском дворце его отца Павла I. К масонским связям Павла Екатерина относилась весьма настороженно, усматривая в этом политический заговор ее противников, она же и запретила масонские ложи. Павел вернул опальных масонов из ссылки, но ложи вновь разрешил только Александр.

Александр I одинаково претили как откровенно-прагматическое отношение к религии, так и патриархально-консервативная церковность. Он не скрывал презрения к формально-обрядовой, утратившей духовное лидерство, покорной и заискивающей церкви, понимая в то же время, каким нигилистическим влиянием обладает *такая* церковь. Александр, очевидно, не надеясь на возможность обновления православной церкви, предпочел веру. Российский император исходил из того, что "беззверие - величайшее зло", тогда как веротерпимость - залог управляемости подданных. Сохранилось ценное признание императора - уже на закате периода веротерпимости, в мае 1818 г., Александр I писал маркизу Пауллуччи, Рижскому генерал-губернатору, который, как стало известно государю, затруднял передвижение баронессы Крюденер: "Оставьте госпожу Крюденер пользоваться совершенным спокойствием, потому что, какое вам до того дело, кто как молится Богу! Каждый отвечает Ему в том по своей совести. Лучше, чтобы молились каким бы то ни было образом, нежели совсем не молились"⁸. Мы не настаиваем на прагматизме Александра I, скорее другое: признание русским императором принципа свободы совести. Вот что он писал о духоборах: "Их учение вредно и опасно: но я не хочу поработать совесть. Они отреклись признавать во мне Государя, я им позволил это - только бы исполняли обязанности гражданские. Они отреклись присягать, я велел брать с них одно честное слово"⁹.

---

⁸ Николай Михайлович, великий князь. Император Александр Первый. Т. 1. С. 197.

⁹ Там же. С. 208.

Недовольство современной православной церковью и недоверие духовенству не могло не способствовать развитию на русской почве нигилизма, с одной стороны, и мистических воззрений - с другой, ибо мистицизм если не отвергает, то отодвигает обрядовую церковь как "внешнюю", провозглашая для каждого смертного право и возможность непосредственного общения с Богом.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, так как далее речь пойдет о предмете довольно специфическом - русской мистике. В начале XIX в. русское общество переживало удивительный мистический подъем, что и определило это время как эпоху "Александровского мистицизма". Специфичность возникшей ситуации, на наш взгляд, должно в определенной мере прояснить соотношение ее с общей тенденцией развития мистического богопознания.

Мистика сопровождает духовное развитие человечества с тех древних времен, когда впервые возникло ощущение таинственной связи человека с высшей непостижимой силой. Постичь эту силу, приблизиться к ней, услышать заповедные слова, достигнуть радостного слияния с божеством - таковы сокровенные желания мистика. Мистика - это особый образ связи (слияния, постижения, общения-диалога) с высшим тайным существом, абсолютном, сущностью всего, Богом. Искомая же особенность состоит в стремлении к *непосредственному* общению, единению. Мистическое чувство субъективно, иррационально, невыразимо, но все же мистика явлена в сверхразумных действиях охваченных неведомой энергией, представлена жизнью пророков, прорицателей, аскетов. Особенности проявления мистической практики запечатлены в памятниках истории духовной культуры. Правда, в прямом луче научного интереса мистика как бы теряет свой ореол таинственности, распадается в противоречии догмы и ереси, откровения и ритуала, заявленного и достигнутого. И все же мистика имеет свой,

пусть условный, язык самовыражения и свою безусловную историю, что и позволяет нам очертить тот абрис, в пределах которого помещается сугубо специфический феномен из сферы религиозной практики и религиозного сознания.

Путей постижения высшей сути или способов общения с тайной силой множество, низшим из которых является мистическая практика, а высшим - мистическое богопознание. Мистическую практику (пророчества, магия, магнетизм, демонизм, чародейство и т.п.) отличает абсолютно бессознательное слияние с божеством, с тайными силами. Причем здесь достаточно одностороннего напряжения субъекта, что совершенно не равнозначно диалогу-общению между человеком и Богом, только и признаваемому мистикой монотеистических религий. Именно эта, практическая мистика ближе всего сходится с оккультизмом. Принципиальная связь оккультизма с религиозно-мистическими учениями и мистической практикой ос. звана на обоюдном признании особой энергетической взаимосвязи человека с миром и на характерном стремлении к тайному знанию. Правомерно говорить об оккультной мистике, всегда внецерковной, внеисторической, вненациональной. Приверженность оккультным традициям характерна для всех уровней культуры: от примитивной магии до масонства (системы розенкрейцерства), от древнееврейского мистического учения каббалы до системы Джордано Бруно, от древнеегипетских мистерий до парада оккультной мистики в эпохи Возрождения и Просвещения, не говоря уже о современном распространении астрологии, гипнотизма, магнетизма и т.п. оккультных наук. Опытную мистику и оккультизм объединяет еще одно сходство: весьма скептическое отношение к ним христианства. Однако помимо опытной есть еще один вид мистической деятельности, к которому христианство относится более благосклонно. Это мистика в соб-

ственном смысле, "подлинная мистика" (Бердяев), особый вид религиозного познания.

Она возникает на определенном этапе развития общества, когда оно овладевает понятием трансцендентного абсолюта и приходит к сознательному выбору между рациональными и иррациональными способами познания в пользу последних. Мистическое познание предполагает тот же отказ от "я", но уже в исключительном состоянии сознания, в сверхразумном общении души с Богом (или с мировым духом - в пантеистических религиях). Для мистического познания также характерно экстатическое состояние, но требующее дисциплины, что достигается комплексом медитативных усилий и сверхинтеллектуального напряжения. Достижение радостного соединения с божеством предполагает особое психофизическое состояние, полную потерю самоощущения. К нему приходят в результате комплекса усилий, упражнений, таких как йога в Индии или "умное делание" мистического богопознания средневековья. Согласно христианской традиции, мистический опыт связан с демонической деятельностью, возникающей из тьмы и хаоса, тогда как мистическое познание - высший способ богопознания - всегда озарение, просветление.

Данный способ мистического мироощущения исходит из признания логической непостижимости божественной сущности мира, познать которую можно только во внутреннем непосредственном общении между субъектом и Богом. Поскольку такое миропонимание нуждалось в обосновании, то эта форма мистики практически неразрывна с тем направлением религиозно-философской мысли, которое называется мистицизмом. Внутреннее общение с Богом в мистицизме признается единственным способом познания.

Мистика как рефлексивное мировосприятие присутствовала в древних культурах Индии (веданта), Китая (даосизм), Греции (пифагорейцы, платонизм). Далее волны мистики распространялись, минуя национальные

и конфессиональные границы, с особенной силой проявляясь в периоды глобальных катаклизмов, общественных кризисов, на переломах эпох.

Христианская мистика, западная и восточная, имеет свою особую историю. В Средние века в Западной Европе широкое распространение получает умозрительная мистика ("умное делание"), которая, оспаривая схоластику, видела пути постижения Бога не в логике и рассуждении, а в созерцании и чувстве.

Однако и средневековая западная мистика не осталась однородной. В XIV в. ей пришлось определиться по отношению к христианству. В результате острых споров христианство признало правоверной христианскую мистику, а христианская теософия была признана не противоречившей богооткровенным догматам. Внутреннее общение с Богом не отменяло высших заповедей, то есть обязательности следования церковным обрядам. Яркими представителями "ортодоксальной" мистики были Бернард Клервосский, Бонавентура, св.Тереза.

Наряду с "ортодоксальной" существовала и неортодоксальная мистика, оппозиционная католической церкви. В признании единой природы души и Бога "неортодоксальная" мистика смыкалась с пантеизмом, образуя пантеистическую мистику. Пантеистическая мистика абсолютизировала индивидуальные пути богопознания, по существу отрицая церковные таинства и обряды. Критика мистиками-пантеистами недостатков формализованной католической церкви составляла идеологическую основу разнообразных ересей. Отметим, забегая вперед, что общественное (светское) мистическое движение в России в начале XIX в. в значительной степени опиралось на учения мистиков-пантеистов, внецерковников. Однако Россия имела и свою историю православной мистики.

Греческая традиция христианской мистики восходит к учениям Макария Египетского, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника (IV-VII вв.). В Средние века эта бо-

гословско-мистическая традиция, получившая название исихазма, развивалась монахами афонских монастырей как этико-аскетическое учение о путях единения человека с Богом через "умиление", "очищение слезами", созерцание путем сосредоточения на самом себе при многократном повторении Иисусовой молитвы: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного!". Многочисленные описания мистических бдений, экстатических эффектов, правил и принципов, ведущих к состоянию богопознания, составляли особые сборники Добротолюбия, один из которых был переведен с греческого на старославянский старцем Паисием Величковским и в 1793 г. издан в России.

Теоретическая разработка исихазма принадлежала византийскому богослову Григорию Паламе. В религиозно-философском учении о Фаворском свете он выдвинул идею несовпадения неявленной божественной сущности и божественной энергии, самопроявляющейся в Фаворском свете. В состоянии экстаза молчальник-аскет способен видеть божественное несотворенное сияние. После долгих споров на Влахернском поместном соборе (1351 г.) учение Паламы было признано в качестве официальной православной доктрины.

С XIV-XV вв. молчаличество (русская трансформация исихазма) стало распространяться в русских монастырях. Эту монашескую традицию развивали преп. Сергий Радонежский, Нил Сорский, "заволжские старцы" и их последователи. Суть этого течения заключалась, по словам В.В.Зеньковского, "в блюдении чистоты мистической жизни, не из презрения к миру, а во имя различия Церкви и мира"¹⁰. Уже тогда церковь стояла перед опасностью обмирщения, поэтому сосредоточение на духовно-созерцательной стороне религиозной жизни, на молитве последователи Сергия Радонежского

---

¹⁰ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. С. 51-52.

рассматривали как единственно верное, мистическое предназначение Церкви.

Это был особый духовный стиль, свободный от церковно-государственной идеологии. Он возродился в XVIII в. в монашеской деятельности св.старца Тихона Задонского, старца Паисия Величковского, определил духовно-мистическую направленность Оптиной пустыни. Православная мистическая традиция в конце XVIII-XIX вв. сохранилась в сугубо русском феномене старчества. Старчество хранило огонь чистой веры - так оно воспринималось народом, таким его видела и ценила русская интеллигенция: "С огорчением думая о приниженном состоянии той Церкви, которую можно назвать "официальной", - писал Н.О.Лосский, - нужно помнить, что в России сохранялась все же в глубине и настоящая христианская Церковь в лице почитаемых народом подвижников, живших в тиши монастырей, и особенно в лице старцев, к которым прибегали для получения и утешения тысячи людей из всех слоев русского народа"¹¹.

XVIII век, начавшийся попыткой государственной Реформации в русской церкви, закончился, по выражению прот. Г.Флоровского, "монашеским возрождением, несомненным напряжением и подъемом духовной жизни"¹². XVIII век приобщил русское общество к искусству западной мистики, подготовил, и весьма основательно, теоретическую основу мистического мироощущения, которое и захватило русское общество в начале XIX в. В истории религиозно-духовной культуры это время обозначено как эпоха "Александровского мистицизма".

Это было одно из проявлений кризиса церковного сознания. Понятно, что мировоззренческие сдвиги такого порядка захватывают все уровни общественного со-

---

¹¹ Лосский Н.О. Характер русского народа // *Он же. Условия абсолютного добра.* М., 1991. С. 249.

¹² Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 122.

знания, порождают подъем общественной активности в самых различных сферах и формах. Процесс освобождения от церковно-догматического сознания на этом фоне был если не основной, то и не последний по значимости, так как именно он давал импульс религиозно-нравственным исканиям русского общества.

Оборотной стороной кризиса церковного сознания и в Европе XVII в., и в России XVIII - начала XIX вв. было одно: усиление религиозности. Это не парадокс. Общество, оказавшись перед необходимостью религиозного самоопределения, впервые подошло к сознательному восприятию христианства.

Возраставший, интеллектуализм переходной эпохи приводил к тому, что человек стал сомневаться в том, в чем ранее сомневаться было немислимо. Сомнение стимулировало осознанное отношение к христианству. Одновременно критическое восприятие некогда непререкаемых догматов и скептическое восприятие официальной церковности, с другой стороны, не могло не способствовать зарождению иррелигиозности. Это противоречие до поры не ощущалось, хотя оно и несло определенное раздвоение сознания. Более ценным следствием было все же освобождение человека от гнета догмы или формальности, приближение к пониманию ответственности перед Богом любого действия по своей собственной воле и совести. В бесконечном процессе индивидуализации сознания это был неизбежный этап достижения религиозной автономии личности.

Проявляющаяся к началу XIX в. противоречивость тенденций роста религиозности и иррелигиозности сознания снималась в мистицизме. С отдалением церкви исчезал посредник, отделявший человека от Бога, - Бог стал ближе. Препграда между Божественным и земным перестала быть непреодолимой, если спасения и благодати можно было достичь личной верой стремившегося к совершенству человеку. В этом корень терпимого отношения к явным недостаткам церкви: возникшее как

протест против официальной церковности движение за чистоту и истинность веры пафосом своим было направлено не на преобразование церкви, а на обновление и совершенствование человека.

Смена акцентов неизбежно вела к сущностным zmenam: появлению религиозной по форме, но светской по содержанию литературы, где проблемы нравственного совершенствования человека получали первостепенное значение. Многочисленные рассуждения в изданиях Новикова или Лабзина о бессмертной душе вне упоминания церкви было ничем иным, как заявкой на утверждение самодостаточности человека. При этом очевидной становилась зависимость между постижением высшего смысла религиозного откровения и усилиями по самосовершенствованию. Второе ставится непременно условием первого - к религиозному обновлению приходит только совершенная личность. Таким образом, конечной целью и смыслом религиозного возрождения становится человек - такая закономерность характерна для так называемого "северного гуманизма"¹³, типологические особенности которого характерны и для России.

***

Как ни странно, но факт - именно в начале XIX в. очень многие в России впервые открыли Священное Писание. Слово Библии, ставшее самозначащим вне стен конфессионального храма, обнаруживало очевидную незначимость обрядных форм и их вероисповедных различий. Этот универсализм христианства особенно подействовал на императора Александра I, в 1804-1805 гг. вместе со своими сподвижниками, недавно еще вольтерьянцами, А.Н.Голицыным, В.П.Кочубеем,

---

¹³ См.: Философия эпохи ранних буржуазных революций. С. 128-131.

М.М.Сперанским, предавшегося углубленному изучению мистической литературы. Имеется чрезвычайно интересное свидетельство Жозефа де Местра. На вопрос Ж. де Местра, не добивается ли русский император "смещения всех вероисповеданий", Александр ответил: "В христианстве есть нечто более важное, чем все вероисповедные различия... Я вполне надеюсь, что когда-нибудь все вероисповедания соединятся; я считаю это вполне возможным, но время еще не пришло"¹⁴.

В начале XIX в. и религиозная политика правительства, и религиозные движения в мистической направленности совпадали с направленностью европейских религиозных движений. Волна мистической настроенности, накрывшая Европу в конце XVIII - начале XIX вв., была рождена исходом Французской революции, близкий опыт которой воспринимался в основном как отрицательный. Не мог не предьявляться счет просветительскому рационализму, посягнувшему, как вдруг многим стало ясно, на глубоко личную зеру каждого, разрушительно повлиявшему на нравы общества. Западная церковь, закосневшая в догматизме, была равнодушна нравственным исканиям и сомнениям человека. Недоверие официальной церкви при желании обновить веру легло в основу массового религиозного движения в Европе, разделенного на множество мистических сект, течений в рамках мистического протестантизма. С начала XIX в. организационно они объединялись в Библейском обществе с главной целью распространения "чистой" Библии, то есть Священного Писания, лишённого каких бы то ни было комментариев, примечаний или пояснений, что могло бы указывать на вероисповедные различия. Непотребоженное слово Божие должно было объединять народы, устраняя конфессиональные несогласия.

Библейское миссионерское движение активизировалось в Европе и Америке еще в конце XVIII в. Не так

---

¹⁴ Пресняков А.Е. Александр Первый. Пг., 1924. С. 160.

трудно установить зависимость между террором, диктатурой, войнами, а следовательно, ожесточением человека, падением моральных норм, пробуждением апокалиптической настроенности, с одной стороны, и деятельным стремлением объединить людей всех сословий, национальностей, конфессий в едином слове Божием - с другой. Такова была реакция общества на революцию. Здесь важно подчеркнуть, что это была именно общественная самодеятельность - не правительства, не церкви Европы, а общество проявило инициативу. Оно так осознало историческую ситуацию, что выход из кризиса, путь спасения народов увидело в обновлении веры. Вряд ли бы пришлось говорить о значимости обновленческого библейского движения, если бы оно несло только новую волну религиозной экзальтации. Библейское движение провозглашало миротворческие и гуманистические ценности: пацифизм, деятельная филантропия, демократизация системы народного просвещения - таков был круг забот библейских миссионеров.

Инициатором библейского движения выступила Англия - страна, в которой давней традиции борьбы за религиозную свободу сопутствовала сильная религиозная экзальтированность общества. В 1804 г. в Лондоне возникло "Британское и Иностранное Библейское общество". К 1812 г. в Англии насчитывалось сто библейских обществ, а в США - 20. К тому же году стараниями Библейского общества Библия была переведена на 23 европейских языка и на 25 азиатских. На русском языке Евангелие появилось в России в 1818 г.¹⁵.

В том же 1812 г. возникло Библейское общество и в Петербурге, а в 1814 г. оно было преобразовано в Российское. Возглавлял его обер-прокурор св.Синода кн. А.Н.Голицын.

---

¹⁵ См.: Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1873.

Тогда же (да и много позже) в Российском Библейском обществе многие видели простое подражание европейскому опыту. Этот, далеко не новый, мотив предельно заострил прот. Г.Флоровский, распространяя его на весь период "Александровского мистицизма": "Это была вряд ли не самая высшая точка русского западничества... и самая душа точно отходит в принадлежность Европе"¹⁶.

Россия и перенимала, и подражала, но, видимо, как раз душа-то ее никуда и не отпускала. Чаще почему-то выходило так, что заимствованные там на развод цветы человеколюбия и терпимости на наших клумбах вырастали бурьяном подозрительности и истерпения. Так и в этом случае - история "Александровского мистицизма" закончилась печально, но, снимая упрек в слепом заимствовании, еще раз подчеркнем, что русское общество не в меньшей мере было готово к восприятию религиозной мистики, нежели европейское, ибо оно также столкнулось с социально-психологическим комплексом переживаний, завязанном на Французской революции, - в данном случае неприятию просвещенческих установок на религию и поиске истинной веры. Ослабленная расколом и реформой, русская церковь, смирившаяся с функциями полицейского надзирателя, уже далеко не для всех являлась олицетворением духовного пастыря. И в этой обстановке мистическая идея, отрицающая церковь внешнюю, обрядовую, дарующая каждому церковь внутреннюю, истинную, указующая путь единения с Богом, минуя посредника, - такая идея тогда не могла не покорить воображение.

Это был краткий период удивительного единства России и Запада в настроенности, в предпочтенных симпатиях. В этом смысле прот. Г.Флоровский был прав, говоря о "высшей точке русского западничества". Если в 40-е гг. XIX в. "раскол и поляризация русской

---

¹⁶ Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 128.

духовной элиты происходил именно на религиозном уровне" и именно осознание особенности религиозной судьбы России легло в основу "признания исторической противопоставленности России и Запада"¹⁷, то в начале XIX в., напротив, религиозный подъем объединял общество и как бы подтверждал сопричастность исторического пути России и Запада.

Мистические идеи были хорошо известны русскому обществу. В XVIII в. на русский язык переводились и издавались такие столпы западной мистики как Экхарт, Я.Беме, Эккартгаузен, Сен-Мартен, Иоанн Аридт, Иоанн Масон, Сведенборг, Штиллинг, Портедж и др. Издания А.Ф.Лабзина, в частности его журнал "Сионский Вестник", в начале XIX в. сделали идеи западного, главным образом, пантеистического мистицизма, доступными широкому кругу. После войны 1812 г. с ростом религиозно-мистической настроенности общества возрастает издание как переводов западных мистиков, так и оригинальных мистических сочинений. Вне духовной цензуры помимо "Сионского Вестника" выходили мистические журналы: "Друг юношества", "Христианское чтение" - орган православной мистики, "Духовный год жизни христианина".

В русском общественном сознании преобладали идеи западной мистики. В отличие от православной христианской аскетики, предполагавшей монашеский образ жизни, идеи западной мистики были ближе духовным исканиям светского общества прежде всего внецерковной направленностью. Мистики проповедовали всеобъемлющую любовь Бога, перед которой попытки человека заслужить благодать в ответ на послушание казались едва ли не языческим жертвоприношением, а церковность обнаруживала свойства магии. Лабзин осмелился назвать "фарисейским лицемерием" желание угодить Богу обрядами. "Христианство состоит не в

---

¹⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 246-247.

частных добродетелях, а в общении, дружбе, или связи внутренности нашей, нашего сердца с Господом нашим Иисусом Христом"¹⁸. Главное - это внутреннее религиозное чувство. "Вера Христова не знает никаких разделений, кроме верующих от неверующих"¹⁹.

К тому же предполагаемые пути богопознания хотя и требовали немалых нравственных усилий и самоограничения все же в разумном компромиссе уживались с "правилами" мирской жизни. С другой стороны, русские старцы, проповедуя духовное христианство, не только не отрицали положения западной мистики, но часто любили западных теософов. Так, св.Тихон Задонский особенно почитал И.Аридта и своей главной книге дал название основного сочинения И.Аридта "Об истинном христианстве"²⁰.

Искомое истинное христианство основывалось на религиозно-мистической доктрине, "учении о таинственном обращении души с Богом, когда Бог создает в сердце человека храм свой, в котором живет дух Его"²¹. Во внутреннем общении с Богом человек обновляется, достигает благодати, к нему возвращается первоначальная чистота и святость, утерянные в результате падения. В достигнутом состоянии непосредственного созерцания (или внутреннего чувства) человеку открывается истинное познание, высшие тайны.

Мистическое обновление человека всецело зависело от него самого, от его приверженности постулатам христианской нравственности. Именно процессу обновления, возрождения человека мистики придавали первостепенное значение.

Как известно, религиозно-мистическая настроенность императора Александра I особенно усилилась в годы Отечественной войны. Вот что он писал своему ду-

---

18 Сионский Вестник. 1806. Ч. II, июнь. С.242.

19 Сионский Вестник. 1817. Ч. IV, окт. С. 33.

20 См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 123.

21 Сионский Вестник. 1817. Ч. IV, окт. С. 57.

ховному наставнику, старому масону Родиону Александровичу Кошелеву в январе 1813 г.: "Моя вера чиста и ревностна. С каждым днем эта вера во мне растет и крепнет, давая такого рода наслаждение, какое было неизвестно для меня. То рвение, какое я испытываю, происходит от добросовестного исполнения заветной воли нашего Спасителя"²².

Вопрос чрезвычайно трудный и столь же деликатный. Веротерпимость Александра I, его пиетическая мистическая настроенность бесконфликтно уживалась с осознанием себя в то же время истинно православным. И вряд ли он отдавал себе отчет в этом противоречии и тем более вряд ли мог помыслить себя отошедшим от православия. Скорее, пример Александра I можно назвать типическим. Это была позиция человека горячо верующего, который, недовольствуясь церковью или недоверяя ей, но найдя опору в Св.Писании, еще более проникся сознанием ценности христианства. Позднейшая ремарка великого князя Николая Михайловича объясняет противоречивость религиозной позиции императора Александра I: "Истинно преданный идеям христианства, истинно православный, он стремился к отысканию вечных истин и к созданию той мистической "внутренней" церкви, в которой он видел залог людского счастья на земле, прообраз церкви Небесной"²³.

Если в соответствии с мистической доктриной средством возрождения человека являлись не его внешние проявления, а религиозное чувство, то в таком случае главным в восхождении человека к внутреннему общению-диалогу с Богом становились интуиция, вера, воображение. Разуму в мистическом процессе отказывали. Процесс восхождения к Богу, к раскрытию тайны царства Божия представлен в письмах уже ссыльного М.М.Сперанского. Это интереснейшее свидетельство

---

²² *Николай Михайлович*, великий князь. Император Александр Первый. Т. 1. С. 195.

²³ Там же. С. 188.

русского мистика, ценное еще и тем, что Сперанский внятно говорил о предметах, не имеющих четких определений, описывал состояния, по сути, не выразимые словом.

Десять лет Сперанский посвятил углубленному изучению трудов теософов и отцов церкви. Ежедневно вместо утренней молитвы переводил главное мистическое сочинение, приписываемое Фоме Кемпийскому, "О подражании Христу". За это время, по его собственному признанию, он приблизился к "преддверию Царства Божия". "Царство Божие, в нас заключающееся (иными словами, внутреннее Слово, или созерцательная молитва, или чистая любовь), обнаруживается лишь тогда, когда все размышления, все рассуждения о предметах небесных становятся сухими, скучными... и когда, однако же, в глубине души ощущаешь более или менее сильное влечение к занятию божественным. Тогда следует оставить молитву умную (размышления, рефлексии, рассуждения о Боге) и постепенно привыкать к тому, чтобы находиться в общении с Богом помимо всяких образов, всякого размышления, всякого ощутительного движения мысли. Тогда кажется, что в душе все молчит: не думаешь ни о чем; ум, память меркнут и не представляют ничего определенного; одна воля кротко держится за представление о Боге, представление, которое кажется неопределенным, потому что оно безусловно, и что оно не опируется ни на что в особенности. Тогда-то вступаешь в *сумрак веры*. Тогда-то не знаешь более ничего и ждешь всякого света непосредственного свыше и, если упорствуешь в этом ожидании, то свет этот нисходит и Царство Божие раскрывается. Но что такое Царство Божие, в чем состоит оно? Никто не может ни описать Вам его, ни дать о нем понятие. Его чувствуешь, но оно не сообщается. Сам Иисус Христос описывает Царство Божие лишь притчами и подобиями. В этом-то состоянии и начинает раздвигаться *внутреннее слово*; это-то состояние собственно называ-

ется *состоянием благодати*. Это-то состояние служит исходом учению Иисуса Христа; и лишь это состояние Он пришел возвестить и уготовить нам²⁴. Перед глазами Сперанский, средних лет, при свече в особом психофизическом состоянии, напоминающем медитацию. Опустив голову, скрестив руки на груди, отключившись от внешнего мира, устремив невидящий взгляд куда-то в особенное лоно, или на крест, тысячи раз повторяющий "Иисусову молитву". Это состояние молчаливого углубления в себя мистики называли безмолвие, трезвение ума, умное делание, умная, чистая молитва. Молитва, по мнению мистиков, одно из самых верных средств достижения соединения человека с Богом.

Иначе смотрели мистики на роль Священного Писания - оно только наставляло и приготавливало к восприятию внутреннего слова, тайного смысла. Менее всего мистиков увлекала историческая канва Писания или проблема адекватного понимания текста. Усилия мистиков сосредоточивались на постижении скрытого, духовного смысла Писания, представленного сложным рядом символов, потому их толкования текстов были многозначительны и таинственны, но и то, что мистики видели в тексте Св.Писания, было принципиально непередаваемо - мистицизм отвергает язык понятий. Сокровенный смысл может быть явлен подготовленному человеку лишь в интуитивном прозрении.

Из множества бытовавших в России в начале XIX в. мистических направлений наибольшую популярность получило масонство, которое развивалось в теоретических пределах западной мистики. Масонство вернее рассматривать как частный случай мистического миропонимания. Масонство было наиболее распространенной формой (проявления и самовыражения) мистического сознания в России в начале XIX в.

---

²⁴ Сперанский М.М. Письма к Ф.И.Цейеру // Русский архив. 1870. Т. 8. № 1-3. С. 176-177.

Масонская доктрина сосредоточивалась на проблеме нравственного совершенствования личности, на усилиях к достижению ее истинного духовного рождения. В сложнейших учениях мистиков и масонов (что в XVIII в. и в нач. XIX в. часто совпадало) русскую общественность привлекала, главным образом, этическая сторона. По-видимому, именно этическая насыщенность этих учений и обусловила их жизненность в среде русской интеллигенции. В то же время центральная идея религиозной мистики - проблема внутренней церкви, поиски истинной веры, внецерковность, как мы видели, огромное значение имели и в масонстве, именно в русском масонстве.

Тем не менее конец XVIII в. проходил под знаком масонства, а эпоха Александрова царствования, когда ложи были открыты и доступны, запечатлелась в истории периодом подъема мистического движения. Масонство в царствование Екатерины было единственной формой мистического сознания, а в XIX в. она оказалась и наиболее привлекательной из всех предложенных. Однако особое духовное напряжение, подвижничество и жертвенность русских масонов XVIII в. не передалась новому поколению. Масонство XIX в. все более замыкалось на самом себе, на обряде. Узаконенность лож как бы лишала масонство тайной энергии. Принадлежность ложе все более становилась правилом хорошего тона; условностью для одних и пробной формой политической организации для других.

Возможна еще одна причина. Масонская организация недаром называется братством, цели она ставила тогда, в конце XVIII - начале XIX вв., в конечном счете социальные - обновление общества, создание на основе христианской нравственности идеального, лишенного социальных конфликтов, общества совершенных и равных (в христианском понимании) личностей. Конечно, путь к нему долг - необходимо прежде было "очистить от дикого камня", возродить каждого человека. Деятель-

ная благотворительность, филантропия, бескорыстная материальная и духовная помощь, бесплатная медицина, просвещение - таково было оружие прекраснодушных масонов XVIII в. Утопичность цели не отменяла ее благородства.

Мистическое мироощущение замыкается на личности, оно не формализуется. Мнение И.Чистовича наиболее точно передает принципиальную субъективность и адогматичность мистики: "Мистицизм вообще, по самому существу своему, не столько есть доктрина, сколько жизненное состояние. Он вращается более в сфере чувства, нежели мысли"²⁵.

Религиозно-мистическая литература вводила в духовную ткань общества новые понятия и состояния углубленного самоанализа, самоконтроля, самооценки, что не могло не развивать ощущения самодостаточности. Огромная внутренняя работа мистически настроенной личности, эта внешняя расслабленность и покорность при собранной воле - вело к личному возрождению, приближая человека к Богу, приближало к личному спасению.

Здесь мы сталкиваемся с довольно неожиданной социально-психологической метой Александрова царствования - апокалиптической настроенностью общества, охваченного идеей (манией) личного спасения. Удивительно точно это состояние общества, готового к восприятию мистики, передал прот. Г.Флоровский: "Сентиментальная впечатлительность скрещивается с эсхатологическим нетерпением... И возбуждалась какая-то апокалиптическая мнительность. Общим становится чувство какого-то совсем осязательного водительства Божия, как бы снимающего или растворяющего в себе отдельные человеческие воли. Идея Провидения полу-

---

²⁵ Чистович И.А. В память графа М.М.Сперанского. Б. м., б. г. С. 54.

чает в сознании тех поколений некий суеверный и магический отблеск²⁶.

В начале XIX в. на краткий миг русское общество между социальным раем и внутренней свободой избрало последнее, вдруг увидев в нем путь личного спасения. Религиозный мистицизм соответствовал процессу индивидуализации личности, но это было все же верхушечное явление интеллектуального порядка.

Народ в нем не участвовал. Это не значит, что народ остался чужд поискам истинной веры. Свою Реформацию он совершил, уйдя в раскол, и с тех пор не путал личную веру с официальной. Старообрядчество и сектантство - таковы основные направления реализации религиозного чувства народа, что уже в силу только организационной скрытости не могло объединять народ и просвещенное общество. Они встречались лишь на путях к отдаленным русским пустыням.

Раскол общества - это первое объяснение неуспеха попытки обновления православной церкви. Интеллектуальная сложность мистического учения, "не воспринятого душою народной, не связанного с судьбой народной" (Бердяев), обусловила нежизнеспособность обновленческой компании. Но главная все же причина неуспеха обновления церкви заключалась в отсутствии заинтересованности самой православной церкви в обновлении. Церковь не использовала возможности приблизиться к своей истинной сути, не догадываясь, что "рационализированная, бытовая, эмпирическая церковность, вся пропитанная житейской рассудочностью и утилитарной практичностью, не есть вселенская Церковь Христова, всегда мистическая и таинственная"²⁷.

Объединив усилия, ревнители православия Араксеев, Магницкий и архимандрит Фотий добились запрета на издания мистической литературы, отставки

---

²⁶ Флоровский Г. Пути русского богословия. С. 129.

²⁷ Бердяев Н.А. Философия свободы // Он же. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 211.

кн. А.Н.Голицына от всех религиозно-церковных дел, закрыли "Сионский Вестник" Лабзина (1817), запретили Библейские общества и масонские ложи (1822), а заодно и ланкастерские школы, изгнали из России иезуитов. Находившийся в последние годы жизни в состоянии душевной депрессии Александр I не препятствовал восстановлению политики официального православия.

Прагматизм в отношении религии - очевидное свидетельство разложения патриархально-средневековых устоев. В этом случае при явных признаках кризиса веры одна только Церковь, внявшая своему духовно-мистическому предназначению, может предотвратить нарастающую нигилистическую тенденцию. Инициатива церкви здесь существенна как единственно верное условие успеха. В России инициатива обновления церкви принадлежала светской власти. Обновленческое движение как будто бы было направлено на возрождение веры, на разъяснение внутреннего содержания религии, но это движение было в полном смысле слова внецерковным. Даже те иерархи, которые поддержали это движение, получили название "нецерковников".

Обновленческое мистическое движение было обречено именно в силу своей внецерковности и ненародности. Абсолютизируя личностное начало, внецерковная мистика разобщает общество - соединить его может только истинная вера в лоне истинной Церкви. Духовное, мистическое возрождение православной церкви только грезилось, но иного пути у нее нет, ибо "мистика есть воздух Православия"²⁸. В том смысле, что христианство есть "духовно-мистическая реальность", а церковь неизбежно несет черты человеческой условности (М.М.Тареев). Особенность же мистического подъема начала XIX в. заключалась в том, что внутренняя энергия

---

²⁸ Булгаков С. Православие. Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 309.

шла не от церкви, а от человека и направлена была в конечном счете не на реформирование церкви, а на обновление человека или, вернее, утверждение нового, внутренне свободного человека. О слабости же этого "обновленного" человека свидетельствует тот факт, что религиозная обновленческая компания, начавшаяся по инициативе царя в период "высочайшего либерализма", закончилась в один из "приступов крайнего самодержавия" Его Императорского Величества. Может быть, это и есть истинная цена либеральной политики императора Александра? Или русские склонны увлекаться, следуя лишь высочайшей прихоти? Так или иначе, "твердьши православия остались непоколебимы", впервую очередь, благодаря "необъятной силе правительства, основанной на силе вещей". А мистические секты и человек, случайно узнавший вкус свободы совести, надолго, на весь XIX в., ушли в подполье.

И все же эпоха "Александровского мистицизма" в России была, и это был не фарс и не простая прихоть капризной царственной особы. Это было удивительное время терпимости, насколько она возможна в России. Это было первое самопроявление человека, почувствовавшего (может быть, не отдавая себе в этом отчета) необходимость в свободе совести. Однако мистическое общение с Богом не укоренилось в русском обществе и не только потому, что требовало от человека огромного интеллектуального напряжения, но еще и потому, что одной из ментальных черт русского народа была соборность, трудно уживавшаяся с "внутренней церковью". И кружения квакеров, и мистические наития госпожи Крюднер для русского в конечном счете останутся экзотикой, не примет он и разумной веры протестантской церкви. Но как обостряется вкус после долгого поста, так тянется усталое сердце к знакомой православной молитве. Можно писать дерзкие эпиграммы и кощунственные стихи, можно не принимать эту бедную зависимую, униженную церковь, но ею мы крещены, и ею

мы будем отпеты, и иной в наш век не будет. Она с нами и Бог с ней. Остается только молить Его:

Владыка дней моих,
Дух праздности унылой,
любоначалия, змии сокрытой ссей,
И празднословия не дай душе моей,
Но дай мне зреть мои, о Боже, пригрешения,
Да брат мой от меня не примет осуждения,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Шли годы. Политическому сыску в любом литературно-философском собрании мерещились мистические секты. Мистическая литература, казалось, прозябала в библиотеках дворянских семейств: как будто ничего и не было. Но так ли уж бесследно для России прошел э.от период "религиозного космополитизма" (Пыпин)? В конце 20-х гг. мистические интуиции овладели П.Чаадаевым, И.Киреевским. Огромную теоретическую и практическую работу, посильную, пожалуй, целой масонской ложе (теософские труды, штудии Сен-Мартена и Поргеджа, филантропическая деятельность, алхимические опыты и т.д.) взвалил на свои плечи одинокий масон-мистик князь В.Ф.Одоевский. В середине 30-х гг. юный М.Бакунин вдруг начал писать возвышенным языком мистика о том, что любовь - это Бог, а ссыльный А.Герцен запросил сочинения Сведенборга. Близкая ортодоксальной церковно-мистическая традиция оформляется в учении славянофилов, наитгиях Н.В.Гоголя. Отсюда пойдет движение мысли к В.Соловьеву и к новому религиозному мышлению, новому мистическому подъему начала XX в.

Философские построения свегской школы (славянофилы, Гоголь) ограничат эту проблематику рамками церковно-православного миропонимания. Парадокс же заключался в том, что поиски истины в церковно-православных границах оставались чуждыми запросам русского общества. Речь идет о сопричастности и соответствии религиозно-философских построений славянофилов и Гоголя, претендующих если не на окончательность истины, то на тот "знак правды", который разъясняет и указывает, хотя бы "ныне и присно". Но случилось так, что к этому слову истины общество не прислушалось, хотя оно дало импульс дальнейшим размышлениям и историко-философским построениям.

Причиной тому была вовсе не темнота народа-богоносца, скорее, его чуткость к правде. Церковь к 40-м годам XIX в. была окончательно скомпрометирована в глазах общества, потеряла (или еще не приобрела вновь) свой божественный ореол. Если правительство Николая I прагматично видело в религии "узду, необходимую для всех народов, а особенно для русских", то "особенно русские" отвечали тем же. Общество не желало подниматься (и нельзя ему ставить это в упрек) до идеального, внемирского, отвлеченного понимания Церкви, какое только и имели в виду Хомяков и Гоголь. Проще было отделить обрядовую церковь от Бога и, оставив в покое первую, просто любить Бога. Различие между таким и мистическим богопознанием общества конца XVIII - нач. XIX вв. в том, что поколению 40-х, тем более 60-70 годов XIX в. не приходило в голову искать этому оправдания. Очистительная потребность приобщения к Богу была сильна и в этих поколениях, но обманываться обрядом оно просто не желало. Это состояние русского интеллигента, причем состояние будничное, лишенное уже трагизма, одним штрихом, но гениально, обрисовал Достоевский. Помнится, после большого перерыва Версилов решил говеть. "В эти два дня он несколько раз прекрасно говорил о религии; но в среду

говенье вдруг прекратилось. Что-то его вдруг раздражило, какой-то "забавный контраст" ... Что-то не понравилось ему в наружности священника, в обстановке; но только он воротился и вдруг сказал с тихою улыбкою: "Друзья мои, я очень люблю Бога, но - я к этому не способен". В тот же день за обедом уже подали ростбиф", - Достоевский улыбался своему любимому герою. Если "к этому были неспособны" поколения первой русской интеллигенции, то что же говорить о последних, проделавших такой путь к обретению истины.

Развитие русского общества в течение XIX в. шло невиданными темпами, но проблемы российского бытия не решались. Не решались и проблемы церкви. Особенно мучительно это раздвоение ощущала русская интеллигенция, которая, по замечанию Н.Лосского, во второй половине XIX в. "была наиболее внецерковной"²⁹. Правительство, администрируя религию, неизменно гася огонь настоящей веры, цинично толкало общество в объятия нигилистической пустоты, не подозревая в высокомерной самонадеянности, чем это, скудоумием спровоцированное, безверие обернется для России.

Впрочем, проблема церкви, ее отношение к человеку, к христианству - проблема вечная, то есть неразрешимая. "Церковь никогда не исчерпает бездонной глубины личности, а личная абсолютность не покрывает исторически условного движения церкви. Духовное христианство неизмеримо в глубину, его сфера - безусловно - свободная, абсолютно творческая личность; церковное христианство измеряется в ширину общественно-исторического развития, его сфера - "народ", "общество", - так замечательно это противоречие определил М.М.Тареев³⁰. Мистическое мироощущение обостряется всякий раз там, где уже очевиден тупик обмирщенной, мертво-догматической церкви, где общество, задыхаясь

---

²⁹ Лосский Н.О. Характер русского народа. С. 250.

³⁰ Тареев М.М. Философия жизни. Сергиев Посад, 1916. С. 269.

в фарисейской лжи, жаждет, как воздуха, того заповедного, того сокровенного Слова, которое укажет путь спасения. В этом смысле мистические движения всегда очистительны. Так эпоха "Александровского мистицизма", "рецидив Александровского мистицизма" (Г.Флоровский) середины 30-х гг. XIX в., религиозно-мистический подъем начала XX в. есть верные свидетельства отторжения официальной лжи, свидетельства неизменной духовной жажды русского общества.

Вместо заключения

Расплата

Возможно, оттого, что император Николай Павлович, вступая на престол, был относительно молод и готовился не к государственному, а к военному поприщу, или в силу его прямого характера и чуждого сомнению склада ума - его реакция (по крайней мере, официальная) на восстание декабристов была однозначной. Он не пожелал увидеть правду, стоявшую за оппозицией, не захотел посчитаться с определенной обоснованностью требований восставших, наконец, он не счел нужным признать очевидное, что "не подобными им людьми совершаются революции" (выражение П.Вяземского).

Угрозу потерять власть, испуг Николай пережил в самом начале, потому его царствование было наиболее последовательным в проведении самодержавного принципа. Он изначально был освобожден от либеральных иллюзий, а европейские события 1830 и 1848-х гг. только укрепляли его в правильности избранного курса. В первую очередь Николай поспешил очистить внутреннюю политику от последних примесей либерализма предшествовавшего царствования.

Поколению, воспитанному в идеалах свободы, казались невыносимыми последние годы правления Александра I, годы аракчеевщины, когда и сам граф Аракчеев, фаворит императора, не был избавлен от полицейского надзора. Тяжесть двух последних годов царствования Александра I, - вспоминал Г.Батеньков, - превосходила все, что мы когда-либо воображали о железном веке. Гнет действовал пропорционально европейской славе. Все подведены уже были под один уровень невоз-

мутимого бессилия и все зависели от многочисленных тайных полиций¹.

Сколь наивны должны были казаться такие мысли самому Гавриилу Степановичу Батенькову, отбывавшему по особому указу Николая I двадцатилетнее одиночное заключение в Петропавловке. Его поколение росло в отсутствии понятия пыток и смертной казни. Каким же ударом должна была стать для всего общества казнь пятерых дворян. Как круто осадил молодой император доблестных военных, честных защитников отечества, посмевших иначе, нежели он, помыслить о благоденствии России. Общество содрогнулось от жестокости, явно неоправданной, а вывод, произнесенный князем П.Вяземским, свидетельствовал о достаточной зрелости общественного самосознания: "По совести нахожу, что казни и наказания не соразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле. Одна совесть, одно всезрящее Провидение может наказывать за преступные мысли, но человеческому правосудию не должны быть доступны тайны сердца, хотя даже и оглашенные... Пример казней как необходимый страх для обуздания последователей есть старый припев, ничего не доказывающий"².

В царствование Александра I власть и просвещенное общество объединяло еще какое-то единомыслие, они "делали общее дело" (Г.Федотов) - слова же Вяземского зафиксировали момент принципиального расхождения главных действовавших сил. Власть противопоставляла идеалам эпохи свою волю, основанную на силе, что с необходимостью вело к разрыву между царем и критически мыслящим обществом.

Правда, справедливости ради следует сказать, что еще некоторое время общество уповало на то, что Нико-

---

¹ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1903. Т. 1. С. 164.

² *Вяземский П.А.* Записные книжки. 1813-1848. М., 1963. С. 126-127.

лай I решит все проблемы. Осознание крайней необходимости перемен и надежда на преобразования нового царя объединяли все партии внутри дворянства, от пуганых сановников до "либералистов". Тогда, во второй половине 20-х гг., главу политического сыска умиляла ситуация, когда сходящиеся литераторы и военная молодежь, "дворянчики от 17 до 25 лет, самая гангренозная часть империи", по образному выражению директора канцелярии III отделения М.Я.Фон-Фока, числившиеся в самых неблагонадежных, восторженно пили здоровье Его Императорского Величества. Вряд ли это делалось ради очевидных тайных агентов, участников подобных сборищ: общество обнадеживали активная позиция Николая - государственного преобразователя (таким его видели), "его ненависть к злоупотреблениям и взяточникам", его желание "дать России законы". С самых первых донесений Фон-Фок писал Николаю, что Россия, осознавшая себя на грани катастрофы, "ждет с нетерпением перемен как в системе, так и в людях... Самые благонамеренные люди изнывают в ожидании и не перестают повторять: "Если этот государь не преобразует России, никто не остановит ее падения"³.

Вряд ли какое новое царствование в России не сопровождалось общественным подъемом в ожидании перемен к лучшему. Вера в здравомыслие и в справедливую решительность всякой новой власти, наивная вера в то, что верховная власть способна решить проблемы всего общества, - неискоренимая черта русских. Если и XX век не избавился от иллюзии надежд на справедливого царя-батюшку, то что же удивительного в том, что общество, не знавшее еще января 1905, уповало на справедливую волю императора Николая I. Тогда нередко "при частых увеселениях вспоминали о государе произ-

---

³ Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827-1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 32. (6). С. 153.

вольно, как бы по вдохновению"⁴. Так в декабре 1828 г. по случаю именин Николая Греча, собрался тесный круг пушкинской компании - непринужденное братство музыки, дружбы и вина. Как бывало, рождались веселые куплеты в честь именинника:

Уж двадцать лет прошло, как Греч
Писать Грамматику затеял.
Конец труду и тяжесть с плеч,
Пусть жнет теперь, что прежде сеял.
Лились чернила, лился пот,
Теперь вино польется в рот.

Явись бокал - ты наш союз;
Склонение - к любви и славе;
Глагол сердец - причастье муз,
Знак удивительный в забаве!
Друзья, кто хочет в счастье жить:
Спрягай почаще: пить, любить!

В отчаянье уж Греч наш был,
Граматику чуть-чуть не съели:
Но Царь эгидой осенил
И все педанты присмирели.
Итак, молитву сотворя,
Во-первых, здравие Царя!⁵

"Пушкин был в восторге, - свидетельствовал агент, - и беспрестанно напевал, прохаживаясь: "Итак, молитву сотворя, Во-первых, здравие Царя!"

Все очень зримо: тесный круг друзей-поэтов, треск свечей, славные куплеты. Конечно же, вся надежда на царя. Надежда так велика и естественна, что не дрогнет голос от того, что пьют здравие царя, только-только по-

---

⁴ Модзалевский Б.Л. Пушкин в донесениях тайных агентов надзора. 1826-1830 // Былое. 1918. 17 (29). Янв. С. 37-38.

⁵ Там же. С. 41. ●

весившего пятерых и отправившего в Сибирь братьев, друзей, товарищей. То, что может быть непонятно поколению, воспитанном в нетерпимости, то виделось ясным в ином взгляде. Высокомерное суждение о классовой ограниченности дворянства здесь ничего не объяснит.

В 1826 г. все общество, радуясь обману, верило в звезду Николая и не желало признавать уже тогда очевидного, что "в нем много от прапорщика и немного от Петра Великого" (Пушкин). Этот приговор поэт вынесет только в 1834 г., пока же увиденное обществом сходство Николая I с Петром I вызывало энтузиазм. "Первые шаги (императора) предвещают ему наименование мудрого... Но лучшее из всех его качеств - чуткость к правде"⁶. Таков был общий глас, и "Стансы" Пушкина звучали с ним в унисон:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой он привлек сердца...

Если реакция массы дворянства кажется вполне естественной, то действия Пушкина поначалу удивляли и удивляют многих своей неожиданностью, давали повод упрекнуть поэта в подбострастии, в "политическом аморализме" (Г.Федотов). Не удержался от упреков друг Пушкина, Петр Вяземский. Горькие чувства вызвали "Стансы" и у декабристов: Пушкину ли не знать, сколь несправедливы сравнения декабристов со стрельцами, защитниками царицы Софьи, да еще в таком добродушно-отчужденном тоне. Тон тогда сбивал с толку многих.

---

⁶ Русский архив. 1893. № 5. Кн. II. С. 127. (Письмо С.А.Хомякова сыну).

Однако нам в этих интонациях слышится голос не слуги, не повесы, не горделивого аристократа, но голос мужа, прозревшего суть бедной и великой его родины, голос пророка.

Волею Провидения восстание, аресты, начало следствия и казнь Пушкин пережил в глуши Псковской губернии, лишенный возможности видеть и участвовать, но одаренный возможностью бесстрастного суда. То же милостивое Провидение дало ему счастье проститься с братьями и друзьями, когда на почтовой станции он, мчавшийся из ссылки по вызову царя, смог на минуту обнять уносимого навсегда лицейского товарища Вильгельма Кюхельбекера, милого и нелепого Кюхлю. Известно, насколько люди и события, связанные с декабрем, были небезразличны поэту - ни мыслью, ни жестом он не мог от них отказаться. И не отказался, но отдаленность Пушкина от петербургских событий - верстовая, событийная, временная - дала возможность посмотреть на Россию с точки зрения вечности. В эти месяцы одиноких михайловских раздумий пролегла черта зрелости, обозначив период всевидения поэта. Не предательство, не подлобострастие двигали пером Пушкина, но ценнейшее беспристрастие и отстраненность, которые сродни пророчеству.

Хотя было бы, наверное, проще и понятнее объяснить "Стансы" Пушкина и его записку "О народном воспитании" (1826) если не заблуждениями, то понятной благодарностью императору, освободившему поэта из тягостной ссылки. Тем более, что Пушкин сам считал, что "неблагодарность хуже либерализма". Однако смешно думать, что Пушкин мог укреплять свои позиции за счет кого-либо, тем более поверженных друзей. Думать, что Пушкин осудил восстание из соображений личных интересов, принять объяснение, что записка царю "О народном воспитании" - лишь тактический ход, значит ограничиться жестом, но не понять смысла, значит не учитывать ментальность русского дворянина-оп-

позиционера, которая складывалась, с одной стороны, из господствовавшей в общественном сознании презумпции нерушимости самодержавия, а с другой - из осознания личной значимости, или самодостаточности. Именно совокупность этих особенностей общественного и личного самосознания позволила в одной и той же записке Пушкина признать "необъятную силу правительства, основанную на силе вещей" и одновременно в спокойном мужестве заметить: "Братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением", понимая, что такой тон в отношении "злодеев" не мог не оскорбить императора.

И еще одно. Тогда многие, в том числе и Пушкин, думали, что их частное мнение необходимо молодому государю, что он способен внять совету - именно эти соображения общественной пользы двигали Пушкиным в работе над запиской "О народном воспитании". "Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро", - говорил он впоследствии А.Н.Вульфу⁷. Реакция Николая I на предложенные Пушкиным меры по улучшению воспитания и образования при непременном внушении "правил чести и человеколюбия" показала, насколько иллюзорны надежды на диалог с царем. "Государь заметить изволил, - сообщил Бенкендорф Пушкину, - что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительно основанием совершенства, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергнувшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то

---

⁷ Вульф А.Н. Дневники. (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 137.

началах должно быть основано благонаправленное воспитание⁸. Диалог с царем не удался.

Эйфория надежд на Николая I рассеялась очень быстро, так что современники вовсе не считали себя обманутыми, подобно поколению Александра I. О быстрой смене общественного настроения свидетельствовали регулярные донесения директора канцелярии III отделения своему шефу А.Х.Бенкендорфу. 28 августа 1826 г. Фон-Фок сообщал: "Общественное настроение никогда еще не было так хорошо, как в настоящее время. Нравственная сила правительства так велика, что ничто не может противостоять ей. Теперь или никогда, самое время приступить к реформам в судебном и административном ведомствах. Этого ожидают с величайшим нетерпением". Подчеркнем, решающее значение общественное мнение придавало *"нравственной силе правительства"*. Но уже 14 сентября М.Я.Фон-Фок отметил, что "настроение умов начинает понемногу колебаться. Надежда и ожидание, державшие его в равновесии, ослабевают: "Значит, не будет никаких перемен!" - кричат со всех сторон. "Государь хочет держать при себе старых глушцов, чтобы доказать, что он один может управлять". Донесение 15 сентября выявило тенденцию: "Настроение умов не особенно дурно, но оно начинает с каждым днем изменяться к худшему"⁹.

В силу того, что линия Николая I была изначально определена и последовательно шла в обратном направлении от гражданских и политических свобод, а в личном плане Николай являлся противоположностью своему старшему брату, полному загадок и противоречий, - его психологический портрет не будит воображение, потому основное внимание мы сосредоточим на

---

⁸ Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826-1855. Спб., 1909. С. 475-476.

⁹ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая. Июль-сентябрь 1826 г. // Русская старина. 1881. № 10. С. 327. № 11. С. 537, 538.

обществе первых десяти последекабрьских лет, тем более, что все вопросы и ответы, узлом завязавшие сугубо российские проблемы сугубо российского бытия, сосредоточились теперь именно в нем.

Осень 1826 г. - одно из самых тягостных времен России. Декабристы вышли на этап. Общество в сотый раз передумывало о случившемся, но внешне оно выглядело, может быть, и таким, каким видел его граф Бенкендорф. "Все оживились, - писал он М.С.Воронцову 19 сентября 1826 г. - Молодежь снова принимается за танцы и уже значительно менее занимается устройством государства, политикою обоих полушарий и мистическими бреднями"¹⁰. Очевидно, генерал был во многом прав, потому, учитывая, что большая часть общества "оживилась", мы сосредоточим свое внимание на иной его части.

Рубеж 1825 г. обозначил смену идеалов: критически мыслившее дворянство, приверженное идеям либерализма, все последовательнее отходило от политики. Донесения агентов III отделения о либерально-конституционных разговорах в высшем обществе - свидетельства последней политической активности, лишенной уже собственной энергии и доживавшей по инерции. Если радикальная дворянская оппозиционность декабристов начиналась с "разговоров между Лафитом и Клико", то и заканчивалась она также разговорами в светских гостинных. Невозможно было не говорить о свободе, призраке которой исчезал на глазах, невозможно было не ругать правительство, которое все более отгораживало Россию от цивилизованного мира. Общество, привыкшее говорить вслух, еще рассуждало о "ложных идеях свободы и прав граждан". Тайные агенты доносили, что "между дамами, две самые непримиримые и всегда го-

---

¹⁰ Архив кн.Воронцовых. М., 1889. Кн. 35. С. 268.

товые разрывать на части правительство, - княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием для всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слуг"¹¹. Такого рода "политическая активность" теряла ценнейшие свои наработанные качества, приобретая свойство досужих разговоров.

Общество устало от напряженного противостояния, оно лишилось своих лидеров, оно смирилось с "силой вещей". К началу 30-х гг. стал фактом политический исход дворянской оппозиционности. Вместе с ней угасала приверженность конституционализму.

В 30-е гг. произошло окончательное изменение первоначальных взглядов на конституцию М.М.Сперанского, что совершенно невозможно поставить ему в упрек, напротив, это свидетельство прежней остроты восприятия конкретной исторической ситуации. Когда в 1838 г. во "Введении к закону" он отрицал универсальное преимущество политических свобод, признавая необходимость установления гражданского строя в рамках самодержавия, при соблюдении строгой законности, он был так же близок запросам действительности, так же на ней основывался, как и в 1809 г., когда настаивал на необходимости, в первую очередь, установления конституции.

Перемена взглядов Сперанского отражала происшедшие принципиальные перемены в общественно-политической обстановке России. Ситуация политического небытия аристократии как противовеса самодержавию, сложившаяся к середине 30-х гг., дополнялась отсутствием возможно новой оппозиционной силы. Уже в 1827 г. правительство отметило начало процесса угасания социально-политической активности дворянской аристократии: "Во времена императрицы Екатерины II

---

¹¹ Петербургское общество при восшествии // Русская старина. 1881. № 9. С. 191.

высшее московское общество представляло собой как бы особый род аристократической республики и руководило общественным мнением, - говорилось в одном из ежегодных донесений III отделения, предназначенных императору Николаю I. - Теперь оно лишено всякого морального авторитета и общественное мнение исходит из кругов средних классов¹². А в 1834 г. Пушкин, по воспоминаниям Вульфа, заявил, что возвращается к оппозиции, на что Вульф заметил: "Это едва ли не слишком поздно, к тому же ее у нас нет, разве только в молодежи"¹³.

Уже тогда будущая оппозиция угадывалась в демократическом элементе, но в силу его отказа от традиций отцов, вернее, в силу его полного безотцовства, первое поколение демократической оппозиции, которое еще не стало таковой, выглядело если не подкидышем, то уж явной сиротой. Признаки начавшейся деградации самодержавного режима еще совершенно не означали того, что самодержавие потеряло свой решающий голос, напротив, именно сейчас, в 30-40-е гг. XIX в., оно было наиболее сильно тем, что оппозиция была полностью дезорганизована. В этой связи не такой уж парадоксальной видится мысль В.В.Леонтовича о том, что именно благодаря укреплению самодержавия, смогли пройти либеральные реформы в России в 60-е гг.¹⁴.

О новой, демократической оппозиции написаны сотни трудов, ее история и судьба хорошо известны. Поэтому есть смысл более пристально взглянуть на то, что чаще оставалось в тени - на остатки дворянской оппозиции все той же пушкинской, но уже последекабрьской эпохи, тем более, что эта оппозиция именно этой эпохи нас только и интересует.

Карамзин и декабристы выражали две крайние тенденции развития в Александрово царствование - консер-

---

¹² Граф А.Х.Бенкендорф о России. С. 143-144.

¹³ Вульф А.Н. Дневники. С. 372

¹⁴ Леонтович В.В. История либерализма в России. С. 136.

вативную и радикальную, равно исходя, но каждый по своему, из интересов отечества. Но вот одновременно в 1826 г. умирает Карамзин и уходят с авансцены декабристы. Уцелела и даже осталась на местах умеренная оппозиция, далекая от радикального нетерпения декабристов, которая в то же время не отдавала Россию полностью на волю судеб, подобно Карамзину. Еще до восстания декабристов представители этой средней линии разделяли мысль о необходимости перемен, но лишь путем постепенного преобразования России и ее народа. Свой долг они видели в ежечасном труде по совершенствованию российской действительности и, в первую очередь, в добросовестном отношении к службе. Это была активная личностная позиция, правда, активная в той мере, в какой позволяла верховная власть. Однако наиболее ценным здесь видится именно убеждение в соотнесенности своей деятельности с интересами государства и соответственно осознание зависимости того или иного исхода развития событий от личной позиции. Поражение восстания декабристов только убедило сторонников эволюционного пути в неготовности России к решительным переменам и одних, может быть, остудило совершенно, а других утвердило в необходимости постепенной подготовки общества к реформам.

Именно они, приверженцы постепенных преобразований, "либералисты" в прошлом, в конце 20-х гг. в мнении правительства получили реноме "патриотов", что, однако, страшило власть не менее, если не более, бывшего либерализма.

В Николаевское царствование уже более осторожная либеральная оппозиция сосредотачивалась вокруг адмирала Н.С.Мордвинова. В "Кратком обзоре общественного мнения за 1827 г." Фон-Фок, деля все общество на "довольных" и "недовольных", о последних писал, что они составляют "так называемую партию русских патриотов, столпом которых является Мордвинов... Партия

Мордвинова опасна тем, что ее пароль - спасение России"¹⁵.

Указание сыска на патриотизм, как главную идею оппозиции, весьма примечательно. Это свидетельство смены политических ориентаций, идеалов, ценностей внутри все той же оппозиции. По донесениям сыска, во второй половине 20-х гг. оппозицию составляли по-прежнему дворянская молодежь, главным образом, литераторы и гвардейские офицеры, а также высшие чиновники. По образному выражению Фон-Фока, "дурная закваска осталась в среде разгульной молодежи и в святилище бюрократии"¹⁶. Следовательно, социальный состав оппозиции остался прежним - самодержавию противостояла все та же дворянская аристократия. Наименьшее беспокойство правительства вызывал средний класс, "душа империи", как выразился глава политического сыска, куда официально относились помещики, неслужащие дворяне, купцы первой гильдии, образованные люди и литераторы. Также правительство не беспокоили низшие классы, о чем неоднократно свидетельствовали отчеты III отделения по результатам изучения общественного мнения.

Так что поражение восстания декабристов не парализовало совершенно общество, не прекратило оппозиционную деятельность дворянской аристократии, но изменилась степень ее активности. Вернее, оппозиционная деятельность сменилась оппозиционной настроенностью. Правда, сыску по-прежнему везде слышались разговоры о конституции: "Экзальтированная молодежь, - писал Фон-Фок в донесениях, - не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции"¹⁷. Фон-Фок был прав: общество теперь всего лишь

---

¹⁵ Граф А.Х.Бенкендорф о России С. 144-145.

¹⁶ Петербургское общество по восшествию // Русская старина. 1881. № 10. С. 321.

¹⁷ Граф А.Х.Бенкендорф о России. С. 150.

"мечтало" о конституции. У самого императора Николая I упоминания в отчетах сыска о конституции не вызывало особой реакции, но слова Фон-Фока о наличии тайных мистических сект или кружков "под флагом нравственной философии и теософии" подчеркнуты царем и его рукою написано: "Где, кто - персонально?"¹⁸.

Самодержавие по-прежнему отличало явного врага от мнимого. Как Екатерина Великая не боялась революционных идей Просвещения, так и Николай I уже не испытывал трепета перед упоминанием о конституции, верно, также прослышав о том, что народ ее считает женой брата Константина. Не страшны идеи, которыми не владеют массы, - эта старая истина была хорошо известна русским царям. Однако сам глава сыска заострил внимание на том, что опасность представляют патриоты и именно их лозунг "спасения России".

Восстание декабристов поставило Россию перед самой собой. Какие бы западные теории и практики не подогревали энтузиазм декабристов, восстание было по сути и по характеру сугубо российским явлением. Оно положило конец наивно-подражательному восприятию Европы, дало импульс собственной историософии России. Общество, кажется, впервые подошло к выводу о неприменимости для России "чужеземного идеологизма" (Пушкин). Дальнейшее развитие общественного самосознания ближайшие десять лет шло под знаком восстания декабристов. Его поражение, неудача перенесения европейских достижений на русскую почву, то есть весь комплекс возникавших по этому поводу вопросов выводил на размышления сугубо метафизического свойства о существовании российской самобытности, что неизбежно в конце концов ставило мыслящее общество последекабрьской России перед проблемой народа.

До восстания она еще могла стоять в сугубо нравственном аспекте, еще можно было в благодушном тоне

---

¹⁸ Граф А.Х. Бенкендорф о России. С. 150. Примеч.

рассуждать о пагубном влиянии рабства на нравы, о моральном долге дворянства перед народом и так далее. Но исход восстания впервые выявил потенциальную историческую роль народа, о которой он сам еще не догадывался - общество практически сразу связало поражение декабристов с отсутствием поддержки народа. Тогда и на народ взглянули иначе и, что примечательно, в первую очередь, правительство. Совершенно не случайно те слова, которые напрашивались после победы русского народа в войне против Наполеона, прозвучали лишь после восстания декабристов. Тогда, в 1812-1814 гг., непуганное еще самодержавие также воспринимало свой долг перед народом в моральном плане, потому, суля в благодарность народу-победителю "мзду от Бога", Александр I был только последователен. События декабря 1825 г. сбросили сентиментальный флер во взглядах дворянства на народ, а правительство, четко уловив связь, впервые внимательно и трезво посмотрело на то сословие, из которого оно "вербует своих солдат", - и тех немногих солдат, которые оказались на Сенатской площади, и тех, которые еще более решительно могут поддержать оппозицию. "Среди этого класса, - писал в 1827 г. Фон-Фок императору Николаю, - встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было предположить с первого взгляда... Они хорошо знают, что во всей России только народ-победитель, русские крестьяне, находится в состоянии рабства; все остальные: финны, татары, эсты, латыши, мордва, чуваша и так далее - свободны... Доктрины многих сектантов заставляют их почувствовать свое положение, и убежища этих самых сектантов (скиты раскольничьи) могут быть рассматриваемы как якобинские клубы"¹⁹.

Наблюдения Фон-Фока засвидетельствовали начало пробуждения национального самосознания русского народа. Он заострил внимание на том, что в ряду неотлож-

---

¹⁹ Граф А.Х.Бенкендорф о России С. 151-152.

ных проблем, от решения которых зависит стабильность государства, на первое место выходит все же проблема крепостничества. Общество само приходило к пониманию необходимости решения гражданских прав в России, связывая конкретное историческое бытие уже с положением большинства населения. Небытие оппозиции постепенно заслонялось "бытием" народа, факты проявления которого, все менее эпизодические, заставляли правительство думать о расширении гражданского общества в государстве.

Еще в 1820 г. П.Вяземский писал: "Там, где учат грамоте, там от большого количества народа не скроешь, что рабство - уродливость, и что свобода, коей они лишены, также неотъемлемая собственность человека, как воздух, вода и солнце. Тиранство могло пустить по миру одного Велизария, но выколоть глаз целому народу - вещь невозможная"²⁰. Восстание декабристов подвело к такому пониманию и правительство. Если раньше доминировало высокомерное: правительство и общество понимают, что рабство - это дурно, то теперь зазвучало тревожное: народ понимает.

Вставшая в связи с восстанием проблема народа неизбежно выводила общественное сознание на коренную тему русской рефлексии - народ и интеллигенция, которая в те годы звучала как дворянство и народ. Пути и способы их единения останутся до конца неразрешимым вопросом для Пушкина. Как ни стремился он найти выход, проследить линию возможной и перспективной консолидации, разыгрывая варианты в "Дубровском" или "Капитанской дочке", все выходило одно: бунт обречен, а дворянин, вставший на защиту интересов народа, становится изгоем общества. Выход для честного человека тогда, в начале 30-х гг., Пушкин видел один - уход в пассивную оппозицию. Тихая жизнь

---

²⁰ Переписка кн. П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1820-1823 // Остафьевский архив. Спб., 1899. Т. II. С. 15.

провинциального помещика, отеческая забота о крестьянах, труд и молитва - таков счастливый удел Гринева. Однако герой повести "Капитанская дочка" - все же житель екатерининских времен, когда эта патриархальная утопия имела прочные основания. К середине 30-х годов уже было очевидно крушение былой идиллии. За сорок-пятьдесят лет как будто ничего не изменилось в России: те же крепостные, тот же дворянин, тот же самодержец, но былая простота и размеренность жизни ушла, раб стал ощущать свою несвободу, свободный чувствовал себя рабом. Но они были так далеки друг от друга, и хотя причина рабства и тех и других была одна, они не понимали друг друга, рожденные в разных культурах, говорившие на разных языках. Пушкин выразил состояние ушедшего поколения, которое, потерпев неудачу в конституционной борьбе, не могло перестроиться на антикрепостнические реформы, по-прежнему мысля и себя, и народ в категориях этики, но не права.

Казалось бы, в категориях права мыслило правительство. Парадоксальность царствования Николая была завязана на том, что император не мог пойти на ущемление гражданских прав дворянства - сословия, которому он менее всего доверял. Он осознавал всю сложность крестьянского вопроса, потому многими указами стремился ограничить гнет крепостничества, но принципиальное решение проблемы крепостного права означало бы ущемление права землепользования дворянства, то есть права частной собственности на землю, данное дворянству Екатериной II, что, по его понятиям, было нерушимо. Николай I, однако, не опережал в своем правосознании правосознание общества. Законопослушание (пусть даже самого императора) - еще не либеральное правосознание. Мыслить права одних лишь за счет прав других можно только в том случае, если эти так называемые "права", по сути, лишь сословные привилегии. Как показал опыт русской истории XX в., социального носителя привилегий можно сменить, но прав от этой пере-

становки ни у кого больше не станет. Николай был органическим элементом русского общества и мыслил типически, то есть в нравственных категориях. Даже В.В.Леонтович, настаивая на элементах либерального правосознания Николая I, то ли признал, то ли обмолвился, что "он считал нарушение закона несовместимым с достоинством монарха"²¹. Все та же проблема чести. В ее энергетическом поле мыслили и действовали русский царь и критически мыслившее, но преданное ему дворянство. Это единство более чем многозначительно для истории России. Пленники традиционного мировоззрения, они слишком поздно для себя поняли, что никакая мораль не спасет человека от насилия. Отказывая в праве другим, они в конце концов и погибли от бесправного суда. Оставшиеся уже ничего не могли изменить, да и никто не может ничего изменить, возможно, только зрелое национальное самосознание общества подскажет верный путь.

В конце же 20-х гг. XIX в. русское общество и правительство в том числе только приступало, только включалось в работу по национальному самопознанию, существо которого связывалось с решением в том числе и проблемы народности. В царствование Николая I круто менялись идейные ориентиры русского общества. Одновременно с идеей конституции исчезал и призрак Европы как кладезя безусловного опыта, как примера для подражания. Объектом пристального изучения и предметом тягостных раздумий становилась сама Россия, судьба которой все более соизмерялась не с судьбами стран Европы, а с волей Провидения. Еще недавно, казалось, "просвещенную ученицу" Вольтера сменил "император Европы", знаменуя расцвет европейской России. Центростремительная направленность национального самосознания после 1825 г. была задана в том

---

²¹ Леонтович В.В. История либерализма в России. С. 138.

числе и сугубо прорусской ориентированностью Николая I.

Если проблема "Европейской России" объединяла власть и оппозицию до восстания декабристов, то именно проблема народа объединяла некоторое время уже деятельность правительства Николая I и его оппозиции, определяя национальную государственную политику, с одной стороны, и оппозиционное сознание под знаком патриотизма - с другой. Исторически же сложилось так, что от правительства до народа путь лежал хоть и не ближе, но прямее, чем от дворянства к тому же народу, ибо преданность крестьян своему барину не снимала принципиального недоверия к помещикам в целом. Другое дело - царь-батюшка. Тогда еще его авторитет в народе был безусловным. Ни во времена Екатерины, ни во времена Александра проблема народа не была столь значима. Только с Николая I гибкая схема союза-единоборства царя и дворянства существенно изменилась в силу того, что дополнилась народом. Расклад сил в этом треугольнике ускорил политический исход дворянской оппозиции и продлил жизнь самодержавия. Правда, на народ вскоре поставила демократическая оппозиция и здесь уже трудно сказать, кто выиграл.

Во второй половине 20-х гг. эти тенденции только намечались, сам народ еще о себе не заявлял. "Настроение умов удовлетворительно только в низших сословиях", - неизменно в те годы свидетельствовал политический сыск²². Дворянская оппозиция была еще страшна самодержавию. Однако как дворяне, сетуя на ущемление прав личности Александром I, не могли представить самодержавного гиста Николая I, так и правительство Николая, добывая дворянскую оппозицию, не мыслило, *какая* придет ей на смену. У дворянской оппозиции было гораздо больше обидных точек соприкос-

---

²² Петербургское общество при восшествии // Русская старина. 1881. № 11. С. 529.

новения в силу дворянской природы власти. Суть этого единства заключалась в том, что либеральная дворянская оппозиция придерживалась положительного принципа развития (совершенствования) и укрепления государства, в отличие от государственного нигилизма демократов. "Свободолюбивая, но безгосударственная Россия рождается в те же 30-е годы с кружком Герцена, с письмом Чаадаева", - справедливо отметил Г.Федотов. Иными словами, с первой третью XIX в. кончаются созидательное самодержавие и созидательная оппозиционность.

Последним девизом уходящей дворянской оппозиции был "патриотизм", мыслившийся в неразрывном единстве интересов отечества и народа. Те же слова были начертаны и на скрижалях правительства, это было последнее, что их объединяло, но уже не могло объединить.

Разъединяло власть и дворянскую оппозицию несоответствие последних идеалов в триаде, идеалов, выражавших коренную суть каждого - верховная власть мыслила себя лишь в качестве самодержавия, дворянская оппозиция не мыслила себя вне прав личности. Как ни велика Россия и сколь ни самобытна, этим двум понятиям в ней не суждено ужиться.

В середине 30-х гг. каждая из сторон достигла вершины самосознания, пришла к предельному выражению своей сути - в одном случае самодержавного диктатора, а в другом - личностной автономии.

Самый тяжелый удар мобилизуемого самодержавия пришелся на личность. В результате конфликта власти и личности с небывалой остротой вставала проблема прав человека.

Либерально настроенное дворянство в первую четверть XIX в. возможность гражданского строя связывало с наличием политических прав, установление которых и

составляло тогда первоочередную цель оппозиции. От такой последовательности уже в 30-е гг. общество отказалось, но и та, и другая позиции являлись отражением сложившейся ситуации. До первой четверти XIX в. общество было более готово к установлению политической свободы. О том, что ценность гражданских свобод для личности значительно существеннее, тогда общество просто не ведало, ибо те, в ком сосредоточилась политическая дееспособность, те, кто исторически тогда мог вести борьбу за права, уже имели минимум гражданских прав, но не имели никаких политических. Это и выводило ценность политических свобод на первое место.

Как ни тяжело казалось современникам давление режима правительства Александра I, это время все же было в большей степени аристократическим царствованием - ни один другой монарх так не зависел от аристократии, как Александр I, взведенный на престол в результате заговора аристократов. Аристократическая автономность давала определенный выход личности, которая, сетуя на отсутствие свободы, еще не ведала, как она будет зажата и бесцеремонно обложена сыском в царствование Николая I. Это было царство доносительства. Перлюстрация писем стала обыденным явлением. Цепь агентуры оплела все общество, агентами были слуги своих господ, друзья друзей, даже родные. Вот тогда, может быть, впервые дворянство остро осознало ценность неотъемлемых прав личности. В 1834 г. Пушкин выразил это гениально четко: "Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно: каторга не в пример лучше"²³.

После 1825 г. все более зажимаемая тисками необузданного самовластия личность, отступая перед обстоятельствами, сужала диапазон требований. Проблемы свободы человека из политической

---

²³ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 10. С. 173.

переходили в плоскость гражданских прав, да и там не задерживались, сдвигаясь в сугубо нравственную сферу. С конца 20-х гг. речь шла уже только о сохранении человеческого достоинства.

"Дикость самовластия" для русских никогда не была новостью. В начале 20-х гг. П.Вяземский свидетельствовал, что "уродствуя", оно "преподает систематический курс посягательства на достоинство человека"²⁴. О разрушительном воздействии деспотизма на нравственные основы жизни общества говорил Пушкин в заметках "О русской истории XVIII века" еще в 1822 г. Тогда же его мысль развил Вяземский: "Деспотизм зло, а зло может ли быть приготовлением добра. В действиях физических так, но не в нравственных. Деспотизм с каждым днем удаляет народ от возможности быть достойным свободы здравой"²⁵.

Суд над декабристами выявил нравственные альтернативы, предложенные режимом Николая I:

"В наш гнусный век
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник".

Пушкин неллицеприятно, с ясной жестокостью сказал о том, что в деспотическом правлении каждый человек выбирает между предательством и неволей. По сути, все они, умные, талантливые, блестяще образованные, либерально мыслявшие дворянские поэты и писатели, офицеры или просто "дворянчики" в николаевское царствование были "узниками", постоянно искушаемые чертом измены.

Поколение, воспитанное в нерушимости идеалов чести и человеческого достоинства, оказалось вдруг в состоянии человека, у которого уходит почва из под ног.

---

²⁴ Переписка кн. П.А.Вяземского и А.И.Тургенева. 1820-1823 // Остафьевский архив кн.Вяземских. Т. II. С. 150.

²⁵ Вяземский П.А. Записные книжки. С. 63.

Самодержавие бесцеремонно покушалось на основы основ бытия человека, выбивая нравственные опоры существования. Только тогда в полной мере обнаружилось, что и нравственной терпимости есть предел, что покушение на внутреннюю свободу человека не только само по себе безнравственно, оно обрекает самого человека на безнравственное существование. Самодержавные претензии на право безусловного вмешательства в личную жизнь человека поставило общество перед проблемой нравственных пределов законопослушания, с одной стороны, и нравственных пределов произвола - с другой.

Совершенно не случайно в 1826 г. Вяземскому, размышлявшему о казни декабристов, припомнились стихи Н.М.Карамзина 1797 г.:

В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего.
Жалеть об нем не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, чего терпеть без подлости не можно.

Тогда они проецировались на деспотическое правление Павла I, которое вскрыло современникам очевидность того, что безудержное самовластие лишает человека последней привилегии: быть честным перед судом совести. Самому Карамзину удалось найти выход в "независимости духа". "Мы наслаждаемся деятельностью душевных сил своих в полной независимости духа, поклоняясь не идолам, а только Богу", - таковы истоки бесстрастия Карамзина²⁶.

Карамзин мог быть счастливым, обладая богатством внутренней свободы, по праву мудреца, свысока взирать на трепетавший пред волей владыки мир. Правда, в Александрово царствование это было куда

---

²⁶ Переписка Н.М.Карамзина и кн. П.А.Вяземского. 1810-1826 // Из Остафьевского архива. Спб., 1897. С. 107.

легче, чем под Николаевской десницей, хотя вряд ли бы Карамзин изменился, владея щитом отстраненного видения. Незадолго до смерти он завещал оставшимся с Николаем: "Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенности к Провидению"²⁷.

Благие, прекраснодушные порывы учителя разбивала сама жизнь, верным оставалось одно: для существа нравственного нет блага без свободы. Иллюзия внутренней свободы рассеивалась в прямом луче политического надзора за каждым, не утратившим способности думать, а возможные формы благостного существования "человека нравственного" времен Павла ("кроме убийц и жертв не вижу ничего") поразительно сходились с масками николаевской драмы: "тиран, предатель или узник".

А как все начиналось! Какой мощный гуманистический заряд давали человеку первые "дни Александровы"! Могло ли помыслить о возможности нравственных издержек поколение, входившее в жизнь с такими словами: "Надобно сделаться человеком, надобно прожить не даром, с пользой, как можно лучше. Эта мысль меня оживляет, брат! Я нынче гораздо сильнее чувствую, что я не должен пресмыкаться в этой жизни; что должен возвыситься, образовать свою душу и сделать все, что могу для других. Мы можем быть полезны пером своим..."²⁸.

Они были полезны пером и мыслью, они: радостно и преданно пестовали юную Россию и им же пришлось пережить казнь повинных "в умысле". То, что сделалось нормальным через сто лет, тогда, в 1826 г., еще не укладывалось в голову: "Может ли *мысль* быть почитаема за *дело*?" - спросит тогда же П.Вяземский.

---

²⁷ Карамзин И.М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 195.

²⁸ Жуковский В.А. Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 421.

В 1810 г. В.А.Жуковский как-то заметил: "Политические происшествия можно назвать воспитанием того отвлеченного существа, которое называется *нацией*"²⁹. Тогда он еще не мог предвидеть, как одни "политические происшествия" могут просто оборвать душевные силы нации, укротить общество, воспитанное в иной системе координат, при иных "политических происшествиях". Уже в феврале 1826 г. В.А.Жуковский выразил состояние общества, вдруг обнаружившего петлю на шею: "Теперь нет ничего другого для подкрепления души и для сохранения деятельности, кроме веры в Провидение"³⁰.

Поколение переживало крушение идеалов, с которыми выходило в жизнь. Нравственные нормы переставали быть нормами - общество постепенно оставляло достигнутые высоты. Письма не доходят, сетовал Жуковский. "Их читают, это само по себе разумеется - смиренно соглашался он с подобным "законным беззаконием". Соглашался, но и выносил свой суд. "И хотя была бы какая-нибудь выгода от такой не нравственности, обращенной в правило! Что ж выиграли, разрушив святиню - веру и уважение правительству? Как же хотеть уважения к законам в частных людях, когда правительства все незаконное себе позволяют? Я уверен, что самый верный хранитель общественного порядка есть не полиция, не шпионство, а нравственность правительства"³¹.

Надежда Карамзина на закон Божий и совесть, коим должны следовать русские государи, сродни надежде на "нравственность правительства" Жуковского. Это не выражение пресловутой классовой ограниченности дворянства, это его родовая черта, это склад миропонимания, это тот мировоззренческий предел дворянства, который не предполагает или еще не вмещает хотя

---

²⁹ Жуковский В.А. Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 424.

³⁰ Там же. С. 490.

³¹ Там же. С. 444.

бы равное обращение нравственных и юридических, правовых критериев в оценке. Они прекрасно знают Вольтера и Руссо, владеют понятиями естественного права и общественного договора, они угнетены окружавшим их социальным бесправием, но в решительном приговоре они никогда не произнесут: закон должен гарантировать, но скажут: совесть должна диктовать.

Критерий нравственности правительства был решающим для русского дворянства (может быть, такова вообще особенность русского восприятия власти), здесь явлено чисто русское "непокорство слуги", когда свое неуважение, или презрение, или даже свой бунт верноподданный русского царя мог выразить лишь в частном порядке. Даже если уже ясно, что эта власть "не нравственна", что она пренебрегает священным долгом чести, - все равно вне ее жизнь не мыслится. Письмо Ф.И.Тютчева графине А.Д.Блудовой 1857 г. неожиданным образом подтвердило стойкость этого нравственного суда над вознесенным, проклятым, но еще необходимым самодержавием: "Я говорю о самой власти во всей сокровенности ее убеждений, ее нравственного и религиозного credo, одним словом - во всей сокровенности ее совести. Отвечает ли власть в России всем этим требованиям? Какую веру она исповедует и какому правилу следует? Только намеренно закрывая глаза на очевидность, дорогая графиня, можно не замечать того, что власть в России - такая, какую ее образовала ее собственное прошедшее своим полным разрывом со страной и ее историческим прошлым, что эта власть не признает и не допускает иного права кроме своего, что это право ... исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти, и что эта сила узаконена в ее глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещенности... Одним словом, власть в России на деле *безбожна*, ибо неминуемо становишься безбожным, если не признаешь существования живого неприменного закона, стоящего выше нашего мнимого права, которое по

большей части есть нечто иное, как скрытый произвол. В особенности грустно и безнадежно в настоящем положении то, что у нас все общество - я говорю об обществе привилегированном и официальном - благодаря направлению, усвоенному им в течение нескольких поколений, не имеет и не может иметь другого катехизиса, кроме катехизиса самой власти"³².

Таково было миропонимание общества и такому миропониманию соответствовало мироустройство, следовательно, о какой реальной защищенности законом могла идти речь, если "у нас нет никакого уважения к закону и законности. Никто не совестится избегать или уклоняться от законов. Это происходит потому, что у нас закон не является *властью моральной*, а представляет собой только *личную волю*"³³.

Заметим, что на пике николаевского царствования уже не слышно речей о "правах нации", "о прославленных правах гражданина", даже - о сословных правах. Права человека мыслятся только как гарантия нравственного существования в пределах частных понятий: человеческое достоинство, честь, невмешательство в личную жизнь, получивших вдруг жизненно важный смысл. В сущности, это заведомо обреченная форма протеста личности против удушающего влияния неограниченного самодержавия.

Самодержавие эволюционизировало от "просвещенного абсолютизма" к "необузданному самовластию", пройдя в начале XIX в. пик своего совершенства. Этому движению обратного хода не дано. Но должно было смениться не одно поколение, чтобы стало очевидным для общества, что "самодержавие в хороших руках и на известное время дело благое и нужное. Но самовластие всегда вредно и губительно"³⁴. Пока общество не изживет иллюзию надежды на "правильное прави-

³² Тютчев Ф.И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 184-185.

³³ Вяземский П.А. Записные книжки. С. 175.

³⁴ Там же. С. 277.

тельство", которое сменит самовластие тирана, до тех пор умозрительное понимание права не сменится осознанием его единственной действительности.

В 1834 г. на почте было вскрыто и передано Николаю I письмо Пушкина к жене. Узнав об этом, Пушкин записал в дневнике: "Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. Но я могу быть подданным даже рабом, - но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным"³⁵.

Проблема отнюдь не частная, как может показаться на первый взгляд. Конфликт возник в результате столкновения принципов монархического правления с неприкосновенными правами человека: тайна семейной жизни. "Без тайны нет семейственной жизни", - скажет тогда же Пушкин. Конфликт выходил и за рамки сугубо этического звучания, поднимая вопросы о пределах самовластия, когда становится возможным то, что нравственно недопустимо. Именно тогда, в 1834 г., Пушкин принял решение о "возвращении к оппозиции"³⁶. Конечно же, к старой, обреченной дворянской оппозиции - не признавая деспотизма власти, Пушкин в то же время не скрывал и своего неприятия новой демократической оппозиции, новой, уже в веховском понимании, интеллигенции.

Тандем Пушкин и Николай I, как знак Николаевского царствования, имеет помимо фактически-событийного, еще весьма ощутимый метафизический выход

---

³⁵ Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 7. С. 287.

³⁶ Вульф А.Н. Дневники. С. 372.

в извечную проблему, грани которой не совместимы: поэт и царь, творчество и власть, личность и тиран. Если эти два человека олицетворяли идею империи и идею свободы, то их временный союз и распад одного составляют главный симптом эпохи.

В системе Николаевского царствования подавлялось любое проявление личной активности. Ум, честь, независимость взгляда, патриотизм воспринимались как фронт, либерализм, оппозиция. В этих условиях обращение передовых дворянских писателей к проблеме личной свободы и человеческого достоинства свидетельствовало о гуманистическом развитии общества, имело, несмотря на этическую окрашенность, гражданское звучание. А во время глухой реакции это было единственное политическое противодействие режиму.

Тема чести, проблема человеческого достоинства в условиях неограниченного самовластия становится одной из ведущих тем творчества Пушкина последних лет. Эта тема лейтмотивом проходит в повести "Капитанская дочка" (1833-1835), многозначителен и эпиграф к ней: "Береги честь с молодю". Также знаменателен эпиграф к статье "Александр Радищев" (1836): "Не следует, чтобы честный человек заслуживал повешения". В последний год своей жизни Пушкин уже ясно видел, что в деспотической России нравственная проблема неотделима от политической. Оскорбленная честь, поправное достоинство - это признаки ущемления личной свободы, без которой человек не может существовать, не отказавшись от суда совести. Этих неотъемлемых, элементарных прав поэт был лишен, однако и в таких условиях он оставался гражданином: "Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю", - написал он 19 октября 1836 г. в известном ответе на Первое философическое письмо П.Я. Чаадаева.

В этом и заключался трагический и неразрешимый узел последнего поколения дворянской оппозиции: не любить России, даже такой, какая она была в тисках Ни-

колая I, невозможно, но и жить, оставаясь верным идеалам свободы и чести, также было невозможно. И оно уходило. Первыми ушли самые хрупкие, совсем еще юный, но безмерно талантливый Дмитрий Веневитинов, затем милый барон Антон Дельвиг, в лоне семьи растворился Евгений Баратынский и после многих неудачных попыток вырваться из России, пришлось-таки написать покаянное письмо князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Самодержавие не оставляло места чести, выводя за ее пределы и "тирана", и "узника". Постигая эту закономерность, лучшая часть общества отходила от власти. В начале 1833 г. А.Н.Вульф записал в дневнике: "В Байроновом "Пророчестве Данте" остановился я на мысли, что тот, кто входит гостем в дом тирана, становится его рабом. Он повторяет часто, что великим поэтом может только сделаться независимый. Мысля об этом, я рассчитываю, как мало осталось вероятности к будущим успехам Пушкина, ибо он не только в милости, но и женат³⁷. Симптоматично, что именно в эти же годы в письмах и дневниках Пушкина рефреном проходит сознание: я раб. Тогда же он делает несколько усилий вырваться из тисков страшной государевой опеки: "Давно, усталый раб, замыслил я побег В обитель дальнюю...", но власть, оскорбительно наставляя, поучая, крепко держала поэта при себе. Тогда Пушкин понял, что он обречен.

Пытаясь понять, отчего Пушкин был страшен николаевскому режиму, мы постигаем феномен Пушкина, поэта и мыслителя, осмысливавшего ход истории и вынесшего свой нелицеприятный суд самодержавию. Он запечатлел процесс осознания личностью своей самоценности - той невидимой энергии социального стремления к совершенству, которая только и может противостоять реакции.

---

³⁷ Вульф А.Н. Дневники. С. 352.

Однако при взгляде на общество середины 30-х гг. трудно отделаться от опять-таки навязчивого ощущения обратного хода, отката, горечи, с какой сдают завоеванные высоты. Реакционный режим неизменно следствием имел явное оскудение общества, безропотно принявшего правила, диктуемые тираном. Успехи в разработке политико-правовых теорий ничего не значили перед отсутствием одного права на честное существование. Достигнутые вершины гуманистической культуры не ограждали от бесцеремонного вторжения в алтарь суверенных прав личности. Идеи, одушевлявшие царствование Александра I, уже к 30-м гг. могли быть с уверенностью занесены в мартиролог надежд: конституция, гражданские права, свобода совести... Нравственный вопрос вставал с невиданной прежде актуальностью, но та острота, с которой он звучал, обнаруживала уже лишь правовую возможность его разрешения. Так в середине 30-х гг. XIX в. русское общество подошло к осознанию необходимости борьбы за гражданские права человека, но повело ее уже другое поколение другой оппозиции. Оставшаяся дворянская оппозиция поколения декабристов в этой борьбе не участвовала, очевидно, по собственному опыту предвидя ее неуспех ввиду "необъятной силы правительства, основанной на силе вещей".

Однако не в подчинении власти, а именно в осознании ее силы не заложено ли начало процесса освобождения личности от плена безусловной монаршей данности? Русское общество вплоть до первой трети XIX в. еще не отвергало совершенно презумпцию абсолютного всеприсутствия царственной воли. Тем не менее, если не ясное понимание, то предчувствие отрыва от извечной опеки, помыслы о возможности автономного существования вне власти выразились в горестном признании отсутствия оногo, в признании невозможности свободного развития и самовыражения личности под недавно еще необходимым самодержавным оком.

Итак, Золотой век России мы меряли именем Пушкина, его взглядом, его словом. Золотой дворянский век закончился со смертью Пушкина - так, по крайней мере, мы видели и чувствовали этот период русской истории. Если повременные размышления или новые факты меняли наши представления и оценки, то ощущение конца одной эпохи и начала другой в час смерти этого великого мужа России не слабело. В то же время, мы понимали, как спорно наше видение в Пушкине олицетворения эпохи, ее ошибок, заблуждений, достижений, как субъективно наше убеждение в том, что на долю поэта досталось предельное выражение самосознания русского просвещенного общества дворянской эпохи.

О каком конце может идти речь, если и после 1837 г. дворянство оставалось основным классом, а самодержавие - правящей элитой? Если оставались братья, друзья, товарищи Пушкина, спальные декабристы и опальные "либералисты", которые еще много лет осмысливали суть прошедшей эпохи? Однако и они, живые ее свидетели, ясно осознавали, что их время безвозвратно ушло.

Да, осталось дворянство и в том числе оппозиционно настроенное, но к исходу первой трети XIX в. сыграла свою историческую роль дворянская аристократия, навсегда оставив в прошлом период мирного единоборства самодержавия и единственной до сих пор оппозиции, представленной аристократами-"либералистами".

Понятие "аристократический либерализм" принадлежит Г.Федотову и отнесено им к Пушкину. В его работе "Певец империи и свободы" мы нашли подтверждение нашему видению периода конца XVIII - первой трети XIX вв. как единой эпохи, закончившейся со смертью Пушкина. Сущность ее заключалась в органическом совмещении принципов абсолютизма и свободы.

"Замечательно, - писал Федотов, - как только Пушкин закрыл глаза, разрыв империи и свободы в русском сознании совершился бесповоротно".

В сознании общества тогда, действительно, органично уживались закон империи и чувство свободы, а в творчестве Пушкина этот синтез удивительным образом воплотился. Понятия государственности и свободы еще были сравнительно новы, они начали осмысливаться только в XVIII в. Идея империи являлась бесспорной силой, но сила эта была одухотворена идеей свободы. Только в редких, единичных случаях обнаруживалась противоречивость империи и свободы, но в целом в общественном сознании царил идилическая гармония, наиболее четко сформулированная А.С.Кайсаровым: "Свобода может иметь место не только в республиках, но и в монархиях, и даже, что на первый взгляд поражает, в монархиях гораздо более". Идея свободы, беспрепятственно бытовавшая большую часть царствования Екатерины II и Александра I, укрепившаяся в условиях тирании Павла I, наложившая особую мету либеральности на поколения дворян, помимо всего прочего эта идея давала воздух, без которого нашим героям, сложившимся в сознании безусловной ценности личной свободы, жить стало невыносимо трудно.

Но здесь начало исхода не только дворянства - именно на изломе 30-х гг. дал трещину и самодержавный монолит. Такое совпадение не случайно. Противоборствуя и лукавя, поддерживая и подавляя, клянясь в верности и недоверяя, самодержавие и дворянство, вероятно, до конца не осознавали, что являются органами одного тела, задуманного как дворянская империя, связанного одной кровеносной системой. Они могли существовать лишь вместе. Кому еще так нужен был этот парь, первый из дворян? - демократам? социалистам? Вековые процессы не кончаются в одночасье - они долго еще будут поддерживать и предавать друг друга, но начало конца мы обнаруживаем в опрощившем высоко-

мерии, близоруком недомыслии, которые лишили русского царя даже малого сомнения: такой ли уж он единственный и непогрешимый выразитель воли Бога и интересов отечества, что в советники достаточно одного верного как пса Аракчеева, а не лучших из избранных общества? Вправе ли он, царствуя самовластно, отказать в праве на свободное существование своему верноподданному? Это самомнение - родовая черта самодержавия, возобладание его означает и возобладание деспотического инстинкта. И тогда "монархия, поглощенная идеей самосохранения, становится тормозом" (Г.Федотов).

В отказе от идеи свободы заключался симптом начавшейся стагнации самодержавной идеи, "этого убийственного разлада - духа и силы - не могла выдержать монархическая государственность", - заключил Г.Федотов. В этом суть происшедшего разлома двух эпох в истории российского абсолютизма.

Смерть Пушкина обозначила тот временной предел, когда окончательно утасла способность самодержавия к саморазвитию. Закончилась эпоха самодержавия, способного адекватно понимать реальные проблемы общества и государства, самодержавия, еще не подавленного совершенно самодержавным инстинктом. Если воспринимать абсолютизм как развивающуюся систему от Петра I к Николаю II, то на первой трети XIX в. закончился период его самодостаточной зрелости.

Со смертью Пушкина закончилась эпоха изначальной сопричастности власти и общества, в том числе и критически мыслящего общества. Организованность, политическая устойчивость и развитое самосознание верховной власти определяли ценнейшую для России ситуацию, когда общество признавало превосходящее влияние самодержавной идеи, а самодержавие, в свою очередь, имея запас прочности, могло позволить себе и другим мыслить в рамках или понятиях либерализма. При том, что власть уже мыслила и категориями сво-

боды, общество еще не мыслило себя вне самодержавной государственности. Таковы признаки не только стабильности и гибкости системы, но и определенного, при всей оппозиционности сторон, органического единства власти и оппозиции в рамках этой системы, делавших "общее дело" совершенствования государства и общества, мысливших в единых религиозно-нравственных мировоззренческих пределах.

С этих пор обоюдная политическая однолинейность расходившихся в непримиримые стороны самодержавия и оппозиции усугубляла российскую ситуацию уже только отсутствием свободного, позитивного, недогматического осмысления действительности, отсутствием животворящего универсализма, гениальным воплощением которого был Пушкин.

Золотой век уходил, не оставляя наследников. Одиночество, непонимание, разрыв традиции - таково было трагическое ощущение дворянства, которое грустным эхом отозвалось в стихах П.Вяземского:

Наш мир - им храм опустошенный,
Им баснословье - наша быль,
И то, что пепел нам священный,
Для них одна немая пыль.

Уходила дворянская эпоха, прекрасная в своей гармонической законченности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Золотой век России	3
Часть первая. Мудрено быть самодержавным".....	9
Глава I. Вознесенное и проклятое.....	9
Глава II. Ограничение неограниченного.....	40
Глава III. Рубеж свободного выбора.....	80
Часть вторая. Дух смирения, терпения, любви..".....	118
Глава I. Старая вера новой России.....	119
Глава II. Искус масонской идеи.....	137
Глава III. Александровский мистицизм	167
Вместе заключения. Расплата.....	197

Научное издание

ХУДУШИНА Ирина Федоровна

**Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства
(конец XVIII - первая треть XIX вв.)**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

**В авторской редакции
Художник В.К.Кузнецов
Корректор Т.М.Ромина**

Лицензия ЛР №020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 01.11.94.
Формат 70х100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л 7,28. Уч.-изд.л 9,99. Тираж 500 экз. Заказ № 051.

Оригинал-макет подготовлен к печати в Институте философии РАН
Оператор *Е.Н.Бутузкина*
Программист *Е.Н.Платковская*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14